

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

473

KRIMINAALTEADUSTE AKTUAALSEID
PROBLEEME

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНОЛОГИИ

ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID

XXV

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 473 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

KRIMINAALTEADUSTE AKTUAALSEID
PROBLEEME

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНОЛОГИИ

ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID

XXV

ТАРТУ 1978

Редакционная коллегия: В.Келдер, Э.Лаасик, И.Мяль,
И.Ребане, П.Вихалем, Э.Салумаа.

Arch-

Tartu Riikliku Ülikooli
Kraamatukskogu

4822

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 473. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ. Труды по
правоведению XXV. На эстонском и русском языках. Тарту-
ский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Длин-
нооли, 18. Ответственный редактор И. Ребане. Корректоры
В. Ланг, В. Логинова. Сдано в печать 27/II 78. Бумага пе-
чатная 30x45 1/4. Печ. листов 8,5. Учетно-издат. листов
7,72. МВ 07397. Тираж 400. Типография ТГУ, ЭССР, г. Тар-
ту, ул. Пялсона, 14. Зак. № 1438. Цена I руб. 20 коп.

I - 14

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ ОХРАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

Ю. А. Д о я н

канд. юрид. наук, доцент

Исходя из требования XXV съезда КПСС о всемерном повышении качества и эффективности всей работы, органы расследования и суды обязаны при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о хищениях, злоупотреблениях служебным положением, приписках в государственной отчетности и иных преступлениях, посягающих на социалистическую собственность, глубоко и всесторонне исследовать материалы дела, принимать меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и обращать внимание на полное возмещение материального ущерба от преступления¹.

В результате принятых партией мер в последнее десятилетие качество деятельности органов расследования и суда улучшилось: меньше стало допускаться ошибок в применении законодательства, повысилась роль органов расследования и судов в предупреждении правонарушений; укрепилась связь судов с общественностью в деле воспитания у трудящихся уважения законов, норм социалистического общежития².

Принятые органами расследования и судами меры по усилению борьбы с преступностью, в особенности же с хищениями и растратами социалистического имущества в республике, не дали, однако, еще ощутимых результатов. Данные судебной практики Эстонской ССР семидесятых годов до последнего времени свидетельствуют о все еще большом количестве хищений, имевших место в государственной торговле и потребительских кооперативах; в колхозах и совхозах; в промышленности, строительстве

¹ См. постановление № I Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1976 г. О повышении уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда КПСС. - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1976, 3, с. 8.

² Там же, с. 7.

От редакции. В случаях упоминания статей УК и УПК подразумеваются статьи УК и УПК ЭССР, имея в виду, что в УК и УПК других союзных республик содержатся в основном такие же положения.

и на транспорте. Каждый пятый преступник в республике — это расхититель социалистического имущества. Из года в год причиняется общенародному имуществу все еще крупный материальный ущерб, который в основном остается не возмещенным; не везде еще применяются действенные меры по предупреждению преступлений.

В свете решений XXV съезда КПСС пленум Верховного Суда СССР выдвигает требование всемерного совершенствования судебной деятельности, коренного перелома в деле ликвидации имеющих еще место недостатков и ошибок, решительного улучшения качества судебного рассмотрения уголовных дел, имея в виду, что вся деятельность судов должна осуществляться в соответствии с поставленными партией задачами по искоренению правонарушений, воспитанию коммунистической сознательности граждан, укреплению правопорядка и законности, на основе критического анализа своей работы³.

В свете указаний XXV съезда КПСС о строжайшей экономии материальных, финансовых и трудовых затрат, как важном условии успешного выполнения экономических задач⁴, закрепленных в Конституции СССР, в настоящей статье подвергаются анализу основные процессуальные стороны борьбы с хищениями, хозяйственными и должностными преступлениями, а именно: вопросы квалифицированного и полного исследования обстоятельств преступления; выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, а также проблемы полного возмещения материального ущерба, причиненного государственным и общественным организациям.

Существенную помощь в анализе указанных сторон борьбы с преступлениями, посягающими на социалистическое имущество, оказывают данные статистики Министерства Юстиции и Прокуратуры Эстонской ССР, а также результаты выборочного изучения уголовных дел (200) о хищениях социалистического имущества и должностных преступлениях.

³ См. "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1976, № 3, с. 8.

⁴ См. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля — 5 марта 1976 года. Стенографический отчет. I, М., 1976, с. 69.

1. Вопросы глубокого и квалифицированного исследования обстоятельств преступления

Для наиболее полного, всестороннего и глубокого, со знанием дела исследования "механики" совершения преступления, в особенности же хищения, совершенного организованной группой или в крупном размере, недостаточно опыта и знаний следователя, лица производящего дознание, прокурора и судьи. Несмотря даже на их безукоризненную ориентацию в правовых вопросах, огромного опыта в борьбе с преступлениями, а также большого жизненного опыта, они все же останутся дилетантами там, где при исследовании обстоятельств преступления необходимы специальные знания. Поэтому всегда, когда при производстве по уголовному делу требуются специальные знания в области науки, техники, искусства, ремесла и т.п., необходимо в интересах качественного исследования обстоятельств преступления правильно и наиболее полно использовать достижения науки и техники и привлекать к борьбе с хищением и расточительством социалистического имущества соответствующих специалистов и экспертов. Поэтому для изобличения виновных в хищениях и иных преступлениях против социалистического имущества большое значение имеют бухгалтерские знания и знания в области конкретной экономики. Многообразие хозяйственной деятельности различных государственных, кооперативно-колхозных и других общественных организаций, а вместе с тем и многообразие нормативного материала и специфических форм учета материальных ценностей требуют от следователя, лица, производящего дознание, и судьи правильной ориентации в различных отраслях народного хозяйства и умелого использования специальных знаний. В особенности же это необходимо при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о хищениях государственного и общественного имущества, совершенных путем присвоения растраты или злоупотребления должностным положением, по делам которых бухгалтерские знания зачастую используются и для расхищения социалистического имущества⁵. Использование в уголовном процессе специальных знаний любой отрасли науки, техники, искусства, ремесла и прочих знаний должно являться, по нашему мнению, всегда, когда это необходимо, не

⁵ Борьба с хищениями государственного и общественного имущества. М., 1971, с. 237.

только правом, но и обязанностью следователя и суда. Это требование нашло отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР "О судебной экспертизе по уголовным делам"⁶, в котором судам указывается, что в тех случаях, когда во время дознания или предварительного следствия не проводилась экспертиза по обстоятельствам, для установления которых требуются специальные знания, судьи и суд на распорядительном заседании обязаны решить вопрос о возможности проведения соответствующей экспертизы при судебном разбирательстве или о возвращении дела для производства таковой во время дополнительного расследования. Это требование Пленума Верховного Суда СССР должно, по нашему мнению, предъявляться следователю и суду не только в отношении использования экспертизы, но и в отношении использования специальных знаний в любой другой, дозволенной в уголовном процессе, форме.

Бухгалтерские знания могут использоваться в уголовном процессе в нескольких очень важных для предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела формах. Они могут использоваться, во-первых, в форме материалов ревизии, проведенной в плановом или внеплановом порядке по инициативе администрации предприятия, учреждения или иной организации. Материалы ревизии имеют доказательственное значение и приобщаются к уголовному делу как документы (статьи 49, ч. 2, и 65, ч. 1, УПК); во-вторых, в форме материалов бухгалтерской ревизии, проведенной по инициативе прокурора, следователя или суда. Материалы такой ревизии имеют более целенаправленное и конкретное содержание по фактам хищения и других преступлений, чем проведенные в плановом порядке (статьи 49, ч. 1, и 65, ч. 2, УПК); в-третьих, в форме участия специалиста-бухгалтера в следственных действиях (статьи III¹; 237, ч. 1; 214¹; 233; 236 УПК); в-четвертых, в форме судебно-бухгалтерской экспертизы (статьи 58, ч. 1; 59; 60; 156-162; 249-251 УПК). Кроме приведенных, вышеуказанных в УПК, форм использования специальных знаний, в следственной и судебной практике последних лет используются специальные знания в форме устных и письменных консультаций, даваемых соответствующими специалистами во внепроцессуальном порядке.

Органам расследования и суду необходимо все эти формы в

⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973. М., 1974, с. 596 и сл.

максимальной степени использовать и тем самым превратить предоставленную им УПК возможность использования специальных знаний с наибольшей результативностью в действительность. Такая задача должна выполняться в уголовном процессе, она вытекает из общей задачи быстрого и полного раскрытия преступлений и изобличения виновных лиц (ст. 2 "Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик").

По данным Отдела бухгалтерской экспертизы Научно-исследовательской Лаборатории Судебной Экспертизы Эстонской ССР (НИЛЭС) следователями и судами использовались бухгалтерские знания главным образом в формах бухгалтерской экспертизы и в виде внепроцессуальных консультаций.

Применительно к уголовным делам, по которым больше всего необходимо использование бухгалтерских знаний, т.е. по делам о хищении путем присвоения, растраты в особо крупных размерах, или злоупотребления должностным положением и о должностных преступлениях (статьи 93; 93¹; 161; 162; 166 и 166¹ УК), использование этих знаний характеризуется в процентном выражении следующими показателями:

Т а б л и ц а I

Форма использования бух. знаний	Год						
	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
Бухгалтерская экспертиза	13,6	19,8	16,3	10,1	10,4	7,9	12,4
Устные и письменные консультации специалистов-бухгалтеров	-	-	-	37,9	21,7	29,5	24,3
Всего:	13,6	19,8	16,3	48,0	32,1	37,4	36,7

Из приведенных данных усматривается, что: 1) бухгалтерские знания в борьбе за сохранность социалистического имущества используются из года в год все в большем количестве; 2) бухгалтерские экспертизы проводятся еще в незначительном количестве, их число имеет тенденцию на снижение; 3) начиная с 1973 года следователи и суды стали использовать внепроцессуальные устные и письменные консультации специалистов-бух-

галтеров Отдела бухгалтерских экспертиз НИЛСЭ ЭССР, в результате чего снизилось количество проведенных судебно-бухгалтерских экспертиз; 4) использование специалиста-бухгалтера в соответствии со ст. III¹ УПК имеет место в единичных случаях и в НИЛСЭ ЭССР отдельно не регистрируется; 5) поскольку бухгалтерские знания в указанных формах используются не только по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 93; 93¹; 161; 162; 166 и 166¹ УК, но и по другим видам хищений, то процент их использования выразится в еще меньших числах.

О неблагоприятном положении с использованием специальных знаний в борьбе с хищениями и растратами государственного и общественного имущества и с должностными преступлениями свидетельствуют также данные о возвращенных на доследование уголовных делах. Из общего числа возвращенных на доследование уголовных дел судами примерно 50-60% уголовных дел возвращается о хищениях и должностных преступлениях ввиду неполноты расследования, неустановления размера ущерба, непроведения судебно-бухгалтерской экспертизы и т.п. Наибольшее количество было возвращено судами на доследование уголовных дел по должностным преступлениям (статьи 161; 162; 166 и 166¹ УК), расследование этих дел является наиболее сложным и требует почти всегда использования специальных бухгалтерских знаний; в течение ряда лет число возвращенных на доследование дел этой категории превышает в несколько раз среднее число возвращенных дел на доследование. Выше среднего числа возвращалось на доследование уголовных дел и по хищению государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением (ст. 93 УК ЭССР), что объясняется большей сложностью расследования и судебного рассмотрения уголовных дел этой категории, по делам, где необходимо в большей мере использовать бухгалтерские знания, чем по делам о кражах и грабеже государственного или общественного имущества.

О неблагоприятном положении с использованием специальных бухгалтерских знаний при расследовании уголовных дел этой категории свидетельствуют также данные, полученные в результате изучения дел о хищениях государственного и общественного имущества, совершенных в особо крупных размерах, проведенные работниками Института и Следственного Управления Про-

куратуры СССР⁷. В срок свыше шести месяцев было расследовано более трети (37,2%) всех дел. В установленный законом двухмесячный срок расследовано лишь 15% всех дел. Анализ причин длительности расследования показывает, что в 21,4% случаев она объясняется необходимостью провести ревизию, в 15,2% случаев — длительностью проведения бухгалтерских и иных экспертиз. В частности, почти половина ревизий и треть экспертиз проведены в срок более двух месяцев⁸, что нередко объясняется плохой их организацией.

Аналогичное положение наблюдается и по уголовным делам о хищениях социалистического имущества и должностных преступлениях в республике.

В следственной и судебной практике республики по делам о хищениях и должностных преступлениях бухгалтерские знания еще не всегда используются организованно и в полной мере (во всех приведенных выше формах). В стадии возбуждения уголовного дела материалы ревизии, проведенной по инициативе администрации вышестоящих организаций (предприятий, учреждений), нередко приобщаются следователем к уголовному делу или возвращаются для дооформления без достаточного анализа. В стадии предварительного расследования организованные по инициативе следователя бухгалтерские ревизии остаются без надлежащего направления и руководства со стороны следователя. При проведении следственных действий следователем и судом крайне редко используется помощь специалиста-бухгалтера. Не всегда правильно назначается и проводится судебно-бухгалтерская экспертиза⁹. Все это свидетельствует об отсутствии квалифицированного руководства в деле использования в уголовном процессе специальных знаний, в том числе бухгалтерских знаний.

В целях коренного улучшения существующего положения необходимо, по нашему мнению, изменить процессуальное положение специалиста и превратить его из безынициативного помощника в научного консультанта следователя и суда, который не только помогает разрешать вопросы, требующие специальных

⁷ См. Борьба с хищениями государственного и общественного имущества. М., 1971, с. 234.

⁸ См. там же, с. 242.

⁹ К. В а с и л ь е в. Некоторые вопросы судебно-бухгалтерской экспертизы. — "Советское право", 1973, № 4, с. 270.

знаний, но и организует использование необходимых по уголовному делу специальных знаний во всех других их формах. Таким образом, роль специалиста, в том числе и специалиста-бухгалтера, должна быть в уголовном процессе более значительной, чем она является в настоящее время. Недостаточное использование специалиста-бухгалтера в уголовно-процессуальной деятельности можно объяснить несколькими причинами: во-первых, недостаточным количеством соответствующих кадров бухгалтеров, в результате чего функцию специалиста нередко выполняют эксперты-бухгалтера, причем во многих случаях путем дачи внепроцессуальных консультаций; во-вторых, недоверием следователя и суда к специалисту-бухгалтеру с какого-либо предпрятия или учреждения ввиду его возможной косвенной заинтересованности в деле, вызванной ложной профессиональной солидарностью с бухгалтером проверяемой организации; в-третьих, недостаточно полной регламентацией уголовно-процессуальным кодексом правового положения специалиста в уголовном процессе, в результате чего его деятельность ограничивается лишь участием в определенных следственных действиях, заключающихся в оказании помощи следователю в соответствии со ст. III¹ УПК. Однако само использование специальных знаний в его различных формах требует также умелого руководства, т.е. активной помощи специалиста. Представляется, что помощь специалиста-бухгалтера по делам о хищениях и иных преступлениях, посягающих на неприкосновенность социалистической собственности, кроме формы, указанной в законе, должна заключаться также в даче руководящих консультаций по специальности и в активном содействии разрешению специальных вопросов, начиная с возбуждения уголовного дела вплоть до кассационного пересмотра приговора.¹⁰

Представляется, что в целях повышения активности использования специальных бухгалтерских знаний в борьбе с хищениями и растратами социалистического имущества необходимо:

1) увеличить количество специалистов-бухгалтеров способных оказать необходимую помощь следователю и суду в деле всемерной охраны социалистического имущества;

2) создать на периферии консультационные пункты специалистов-бухгалтеров для оказания помощи следователям и судам

¹⁰ См. Ю. А д о я н. К вопросу участия специалиста в уголовном процессе. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 391. 1976, с. 25.

на местах путем дачи консультаций и участия в следственных действиях;

3) снабдить отдел бухгалтерской экспертизы НИИСЭ необходимой новейшей вычислительной техникой;

4) внести в статьи 93, 149, III^I УПК ЭССР следующие изменения и дополнения: а) специалист должен допускаться в уголовный процесс, начиная со стадии возбуждения уголовного дела не только для осмотра места происшествия (статьи 93, ч.3, и ст. 149, ч. 2, УПК), но и во всех других случаях осмотра. Такая необходимость вытекает из смысла действующего уголовно-процессуального законодательства (см. например, статью 151 ч. I УПК), а также из логики самих вещей;^{II} б) следователь должен иметь право прибегать к помощи специалиста не только в перечисленных в законе случаях, но и при производстве всех тех следственных действий, требующих использования специальных знаний (например, при оценке антикварного имущества при его аресте, при опознании и т.п.); в) в целях повышения ответственности специалиста за добросовестное исполнение своих обязанностей он должен наряду с экспертом и переводчиком отвечать по ст. 175 УК. Нам представляется, что его ответственность необходимо установить за дачу заведомо ложной консультации и за заведомо ложное направление следственного действия, сопряженные с искусственным созданием доказательств обвинения.

Все эти меры содействуют качественному и эффективному расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, дадут возможность следователю в кратчайший срок возбудить уголовное дело, изъять из бухгалтерии важные по делу документы в первые же дни расследования дела, наложить арест на имущество лица, ответственного за причинение государственной или общественной организации имущественного ущерба, и в дальнейшем обеспечить качественное исследование всех обстоятельств преступления, привлекать к уголовной ответственности всех виновных лиц и принять глубокое, со знанием дела проанализированное решение о мерах предупреждения преступления.

^{II} См. Ю. А д о я н. К вопросу участия специалиста в уголовном процессе. - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 391. 1976, с. 30 и сл.

II. Проблемы предупреждения хищений

В борьбе с преступностью предупреждение преступлений имеет огромное значение. Программа КПСС предлагает направлять главное внимание на эту сторону борьбы с преступностью¹².

Прокуроры и следователи обязаны обеспечить неуклонное выполнение требований закона о выявлении и устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (ст. 47, ч.2, УПК). Они обязаны систематически изучать состояние преступности. Обращать особое внимание на улучшение работы по предупреждению преступлений, представляющих большую общественную опасность и имеющих все еще значительное распространение, в особенности же это относится к хищениям государственного и общественного имущества. Следователи обязаны по каждому уголовному делу в соответствии с требованиями закона выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, и вносить предприятиям, учреждениям и организациям представления о принятии мер к их устранению (статьи 2, ч. 2, и 47, ч. 2, УПК), прокурорам же вменяется в обязанность усилить надзор за исполнением этого требования (статьи 120, ч. 2, и 179, п. 8, УПК).

Аналогичные обязанности содержатся и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР "О практике внесения судами частных (особых) определений по уголовным делам". Судам предлагается по каждому уголовному делу принимать необходимые меры к наиболее полному установлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и при наличии к тому оснований выносить особые определения об устранении таковых¹³. Пленум Верховного Суда СССР обращает внимание судов на то, что частное (особое) определение является коллегиальным решением суда и как всякое судебное решение должно быть поставлено на основе полного исследования в судебном заседании обстоятельств, по поводу которых оно выносится. Суды

¹² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973, с. 106.

¹³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973. М., 1974, с. 597.

должны учитывать, что обоснованное и законное частное (особое) определение является одним из наиболее эффективных способов предупреждения преступления и укрепления социалистической законности.

На эти же обстоятельства указывается и в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР "О повышении уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда КПСС" и "О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений"¹⁴. Пленум Верховного Суда СССР подчеркивает обязанность судов вскрывать и глубже исследовать причины и условия, способствующие совершению правонарушений. Для выяснения специфических обстоятельств (нарушение учета, технологии производства и т.п.) и принятия должных мер по их устранению суд вправе прибегнуть к помощи специалистов.

Когда в материалах дела имеется представление следователя или прокурора об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, суд должен выяснить какие меры приняты по представлению. Если таковые приняты не были, надлежит указать об этом в частном (особом) определении и, при наличии к тому оснований, поставить вопрос об ответственности должностного лица. В случае же невыполнения органами дознания и предварительного следствия установленных законом указанных обязанностей, суд одновременно с постановлением приговора вправе частным (особым) определением обратить внимание соответствующих должностных лиц на это нарушение. Если органом дознания, следователем, прокурором или судом первой инстанции не были приняты меры к устранению установленных ими причин и условий, способствовавших совершению преступления, суд кассационной и надзорной инстанции должен восполнить этот пробел путем вынесения частного (особого) определения в адрес руководителей предприятия, организаций, учреждений.¹⁵

Важность этой стороны борьбы с преступностью несомненна. Следователи и суды республики обращают на предупреждение преступлений большое внимание. Вынесение органами расследо-

¹⁴ См. "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1976, № 3, с. 10; 1977, № 1, с. 11.

¹⁵ См. "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1977, № 1, с. 14 и 16.

вания и судами республики по уголовным делам в соответствующие предприятия, учреждения и организации представлений и особых определений об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений, с предложением их устранить, выражается в следующих показателях (в процентах):

Т а б л и ц а 2

Госу- дарст- венные ор- ганы и долж- ностные лица	Год							
	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	
I	: 2	: 3	: 4	: 5	: 6	: 7	: 8	
Следователи прокуратуры	27,6	24,9	28,2	32,9	36,1	41,4	47,0	
Следователи МВД	34,4	38,2	54,7	52,4	55,9	58,9	59,4	
Органы дознания	2,8	6,1	10,6	11,8	12,5	11,8	15,5	
Суды по рассмот- ренным уголовным делам	3,1	2,7	3,6	3,4	4,4	4,7	4,1	

Из приведенных данных усматривается, что:

- 1) число представлений органов расследования и особых определений судов из года в год интенсивно растет;
- 2) наибольшее количество представлений внесли следователи МВД республики, наименьшее - органы дознания и суды;
- 3) отмечается тенденция особо интенсивного роста количества представлений органов дознания (по сравнению с 1970 г. их количество увеличилось в 1976 г. примерно в пять раз);
- 4) низкий процент особых определений судов (примерно в 10-13 раз меньше, чем представлений органов расследования) объясняется тем, что суды выносят особые определения в основном в тех случаях, когда органы расследования представлений в соответствующие организации не внесли; кроме того, суды выносят немалое количество частных определений в адрес органов расследования по поводу ошибок последних, которые в

настоящей таблице не указываются;

5) в общем, примерно по одной трети уголовных дел не выяснились обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений.

Непрерывный рост количества представлений органов расследования и особых определений судов в адрес предприятий, учреждений и других организаций по поводу обстоятельств, способствовавших совершению преступления с требованием их устранения, не привели к уменьшению количества преступлений в целом.

Если количество внесенных органами расследования представлений из года в год увеличивалось, и в 1976 году по сравнению с 1970 годом оно удвоилось, то количество совершенных за семидесяти годы преступлений оставалось в основном без изменения, имея некоторую тенденцию даже к увеличению.

Таким образом, количественный рост представлений, внесенных органами расследования в соответствующие государственные и общественные организации по поводу обстоятельств, способствовавших совершению преступления с требованием их устранения, не повлиял на уменьшение количества преступлений. Это может быть объяснено несколькими факторами: во-первых, множественностью организаций и лиц, где и кем могут быть совершены преступления; во-вторых, отсутствием надлежащего контроля за устранением обстоятельств, способствовавших совершению преступлений; в-третьих, качеством представлений органов расследования и особых определений судов.

Такое сложное социальное явление, как преступность в ее конкретных проявлениях, в действительности всегда является следствием не одного изолированного фактора, а более или менее значительного комплекса обстоятельств. Ввиду этого следует признать ошибкой, когда некоторые следователи ограничиваются выявлением лишь какого-либо одного обстоятельства и соответственно только его фиксируют в своем представлении.

Аналогичная картина наблюдается и в судебной практике по вынесению особых определений об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений как в целом, так и по делам о хищениях отдельно взятых (в процентах):

Т а б л и ц а 3

Вид хищения	Годы							
	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	
I	: 2	: 3	: 4	: 5	: 6	: 7	: 8	
Ст. 88-91 УК	5,0	4,1	6,8	3,6	6,4	8,8	5,9	
Ст. 93 УК	8,6	5,9	7,1	7,0	8,7	7,3	9,1	
Ст. 94 УК	2,6	1,0	0,9	1,7	2,1	1,3	1,8	
Итого вынесено особых определе- ний по делам о хищениях	5,5	4,0	5,7	4,0	6,4	7,6	6,3	
Вынесено особых определений по всем преступле- ниям	3,1	2,7	3,6	3,4	4,4	4,7	4,1	

Приведенные данные свидетельствуют о низком количественном уровне выносимых судами особых определений по делам о хищениях. Как уже было сказано выше, это объясняется тем, что кроме судов представления с аналогичным содержанием в адрес тех же предприятий, учреждений и организации вносят и органы расследования, вследствие чего суды, как указывалось выше, не дублируют работу органов расследования.

Статистические данные органов расследования не предусматривают данных о количестве представлений по отдельным видам преступлений, однако из выше приведенных данных (таблица 2), усматривается, что органы расследования вносят примерно в 10-13 раз больше представлений, чем суды особых определений. Из этого соотношения можно делать заключение, что и по делам о хищениях органы расследования вносят в соответствующие организации немалое количество представлений.

Приведенные в таблице 3 данные свидетельствуют также о том, что количество особых определений находится в коррелятивной связи с определенным способом хищения и лицом его совершившим. Так, по делам хищения, совершенного должностным лицом путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным положением (ст. 93 УК), было вынесено особых опреде-

лений больше, чем совершенные другими способами, то есть посторонними лицами путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества (статьи 88-91 УК). По сравнению с делами о мелком хищении это соотношение было примерно 5:1.

Из приведенных данных усматривается также, что процент особых определений судов по делам о хищениях почти вдвое выше, чем процент особых определений, вынесенных по всем уголовным делам. Это обстоятельство свидетельствует о том, что суды республики обращают на борьбу с хищениями и на устранение обстоятельств, способствовавших совершению хищения, большое внимание. Прделанная следователями и судами большая работа по предупреждению хищений, однако, не привела еще к положительным результатам. Количественные показатели рассмотренных судами уголовных дел о хищениях государственного и общественного имущества не имеют еще тенденции к снижению. Об этом свидетельствуют данные о хищениях по всем уголовным делам и данные о соотношении особых определений судов по делам о хищениях к общему количеству особых определений в процентах:

Т а б л и ц а 4

Процентное соотношение	Год						
	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
I	: 2	: 3	: 4	: 5	: 6	: 7	: 8
Соотношение уголовных дел о хищениях по всем уголовным делам на данный год в %	17,2	16,4	17,8	18,1	17,1	15,9	16,8
Соотношение особых определений судов по делам о хищениях к общему количеству особых определений на данный год в %	30,1	23,7	27,8	21,3	25,0	25,4	26,1

Из вышеприведенных данных усматривается, что:

1) соотношение хищений (всех видов) ко всем преступлениям (уголовные дела о которых были в данном году рассмотрены судами с вынесением приговоров) остается в течение всего

рассматриваемого периода в пределах 16-18% (т.е. в течение семи лет было примерно каждое шестое преступление хищением государственного и общественного имущества);

2) показатели о вынесенных судами особых определений свидетельствуют о том, что примерно каждое четвертое определение выносилось по поводу обстоятельств, способствовавших хищению, что говорит о большом удельном весе этих определений в практике предупреждения преступлений в целом.

Исходя из выше приведенных данных и анализа следственной и судебной практики по вопросам предупреждения преступлений, в особенности же хищений, мы приходим к выводу, что несмотря на весьма большое количество представлений следователей и особых определений судов в адрес предприятий, учреждений и организаций для устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, какого-либо заметного эффекта в течение последних семи лет это еще не дало.

Эти выводы подтверждаются данными судебной практики по предупреждению преступлений¹⁶, а также отдельными особыми определениями народных судов республики. Во многих особых определениях излагаются рекомендации в общих словах или же они касаются оперативной и хозяйственной деятельности предприятий и организаций, для дачи которых суд не установил необходимых данных или которые выходят за пределы его компетенции. Имели место также случаи, когда народные суды не реагировали на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, вследствие чего судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ЭССР должна была обратить внимание предприятий, учреждений, организаций, а также следователей, органов дознания и народных судов на недостатки в их работе. Из данных Министерства Юстиции Эстонской ССР усматривается также, что отсутствует еще надлежащий контроль за исполнением особых определений судов. Народные суды не всегда реагировали на невыполнение особых определений или формального отношения к устранению отмеченных в них недостатков со стороны отдельных руководителей предприятий, учреждений или ор-

¹⁶ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. "О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений". - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1977, № 1, с. 11.

ганизаций, не ставили вопроса об ответственности таких руководителей¹⁷.

Контроль за исполнением представлений органов расследования осуществляется систематически, поскольку данные о количестве представлений, по которым на конец отчетного периода не получено в установленный срок сообщения о принятых мерах, поступают в Прокуратуру республики регулярно. Однако эти данные отражают только количественную сторону исполнения сделанных представлений. От одних лишь количественных показателей, вынесенных и нерассмотренных представлений эффективность предупреждения преступлений, однако, не зависит. Важно также качество представлений и их добросовестное выполнение со стороны тех организаций, которым представления были направлены. Так, например, из представления следователя Отдела Внутренних Дел Тартуского горисполкома СНД В. усматривается, что Лембит К. обвиняется в хищении 61,2 кг спирта, который он вместе с рабочими совхоза Вынну выпил в клеву совхоза. По сообщению бригадира фермы в результате неоднократных пьянок на ферме не осталось ни одного работоспособного человека. В представлении следователь просит администрацию совхоза наладить контроль за употреблением алкоголя во время работы. От таких "мероприятий" едва ли можно ожидать какого-либо положительного результата.

Несмотря на то, что предупреждение преступлений в уголовном процессе является одинаково обязательным для всех ведущих уголовно-процессуальную деятельность должностных лиц, а рекомендуемые ими мероприятия по устранению обстоятельств, способствовавших или могущих способствовать совершению преступления, обязательными для всех предприятий, учреждений или организаций, проводится эта важная профилактическая работа по-разному, ее качество не одинаковое, а способы ее проверки различные.

По поводу одних и тех же обстоятельств следователь и лицо, производящее дознание, вносят в соответствующую организацию по своему усмотрению единоличное представление, суд же

¹⁷ См. решение Коллегии Министерства Юстиции ЭССР от 14.1.1975 г. (архив народного суда г. Тарту, 1975 г.); см. также п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14.X.1964 г. № 12⁰ практике вынесения судами частных (особых) определений по уголовным делам. — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973. М., 1974, с. 603.

выносит особое определение в виде коллегиального решения на основе полного и всестороннего исследования в судебном заседании этих же обстоятельств. Как следователи, так и суды проверяют выполнение своих представлений (особых определений) главным образом по количественным показателям, поскольку ни следователям, ни судам не свойственна проверочная работа на предприятиях, в учреждениях и организациях по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, ибо эта работа является по своему характеру организационно-управленческой. Верховный суд ЭССР и Министерство юстиции ЭССР изучают и обобщают судебную практику вынесения судами особых определений эпизодически, а Прокуратура республики проверяет качество представлений следователей при комплексных проверках работы районной (городской) прокуратуры. Представляется, что перечисленных мероприятий еще недостаточно. В целях повышения эффективности предупреждения преступлений необходимо пересмотреть весь порядок предупреждения преступлений с позиции его роли и места в уголовном судопроизводстве.

Нормы уголовно-процессуального кодекса, регулирующие порядок производства по предупреждению преступлений, определяют предмет и основания этой деятельности (статьи 2 и 47, ч. 2 УПК); полномочия следователя, лица, производящего дознание, прокурора и суда в этой деятельности (статьи 47, ч. 2; 100, ч. 3; 107, ч. 1; 120, ч. 2; 277, ч. 1; 324, ч. 1, п. 2), порядок производства по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и их устранению (статьи 19, ч. 1; 174, ч. 3; 249, ч. 3; 277 и 324).

Этот нормативный материал не может рассматриваться как сумма отдельных от общего уголовного судопроизводства предписаний, которые по мере надобности и усмотрения должностных лиц, ведущих уголовно-процессуальную деятельность, в конкретном случае могут быть применены. Эти нормы неотделимы как друг от друга, так и общих задач уголовного процесса.

В совокупности эти нормы взаимосвязаны и образуют целостный как по содержанию, так и по структуре комплекс частей, из которых одни регламентируют общие вопросы предупреждения преступлений, другие же отдельные вопросы, касающиеся производства по установлению условий и обстоятельств, способствовавших совершению преступления и по их устранению. Как части правового целого эти нормы находятся в функциональной зави-

симости друг от друга и взаимодействуют между собой. Все это позволяет говорить о предупреждении преступлений при помощи уголовно-процессуальных средств как едином уголовно-процессуальном институте.

Предупреждение преступлений как институт советского уголовно-процессуального права подчинен общим задачам и принципам уголовного процесса. Поэтому представление следователя или лица, производящего дознание, а равно особое определение суда об обстоятельствах, способствовавших или могущих способствовать совершению преступления:

1) должны быть законными и обоснованными (статья 22; 106, ч. 4; 327 УПК);

2) должны полностью, всесторонне и объективно отражать обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (статья 19, ч. 1, УПК);

3) должны быть строго обязательными для лиц, кому они адресуются (статья 47, ч. 2, и 326 УПК);

4) проверка их выполнения лежит на прокуроре (статья 22 ч. 2 УПК).

Исходя из сказанного, полагаем, что 1) представления следователя и особое определение суда должны составляться на основе полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела, а там где необходимо для выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, специальные знания, должна использоваться помощь соответствующих специалистов или экспертов. Так, например, в Типовой инструкции о производстве судебно-бухгалтерской экспертизы (п. 7 "ж")¹⁸ в круг задач, разрешаемых экспертом-бухгалтером, входит также "установление недостатков в организации бухгалтерского учета и контроля, которые способствовали или могли способствовать образованию материального ущерба или препятствовали его своевременному выявлению"; 2) представление следователя и особое определение суда должны быть законными и обоснованными. Они не должны ущемлять прав и законных интересов лиц, к кому они обращены. Если это, однако, имеет место, соответствующее должностное лицо вправе обжаловать представление следователя или особое определение

¹⁸ "Типовая инструкция о производстве судебно-бухгалтерских экспертиз в экспертных учреждениях Министерства Юстиции СССР", М., 1973.

суда в установленном в законе порядке (статьи 182 и 295 УПК); 3) проверка исполнения предприятиями, учреждениями, организациями и должностными лицами представлений следователя и особых определений суда не может ограничиваться лишь проверкой количества сообщений о принятых мерах по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, а также быть эпизодическими проверками, проводимыми вышестоящими инстанциями один-два раза в течение семи лет. Полагаем, что проверка должна быть постоянной, проводимой в централизованном порядке органами прокуратуры, на которые возложен надзор за точным исполнением законов Союза ССР и Эстонской ССР в уголовном судопроизводстве (ст. 22, ч. I, УПК) и надзор за законностью в деятельности государственных органов и общественных организаций (ст. 16 "Положений о прокурорском надзоре в СССР"). Для этого следует третий экземпляр представления и особого определения незамедлительно направлять в Прокуратуру республики; 4) полагаем, что формы статистических отчетов о следственной работе и работе судов в части представлений следователей и особых определений судов должны быть составлены таким образом (в такой же форме, как отчеты судов), чтобы из отчетов работы следователей усматривалось по каким видам преступлений (хотя бы наиболее важным) вносилось представление следователя, а в отчетах судов был бы раздел, в котором указывалось бы (как это делается в отчетах о следственной работе по поводу представлений следователя) количество особых определений, по которым на конец отчетного периода не получено в установленный срок сообщений о принятых мерах.

Такие мероприятия в совокупности могут, по нашему мнению, способствовать эффективному предупреждению преступлений, дают возможность координировать профилактическую работу следователей и судов республики путем внесения соответствующих представлений вышестоящим организациям об устранении допущенных нарушений закона и нерадивом отношении к сохранности социалистического имущества в республике.

Ш. Некоторые проблемы возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, государственным и общественным организациям

Борьба за сохранность социалистического имущества может быть успешной лишь в том случае, когда, наряду с применением к виновным лицам мер уголовного наказания и принятием предупредительных мер, будет обеспечено реальное возмещение материального ущерба, причиненного преступлением¹⁹.

Важность этой задачи уголовного судопроизводства подчеркивается и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1976 г. "О повышении уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда КПСС", в котором предлагается судам особо обращать внимание на полное возмещение материального ущерба от преступлений²⁰. Суды в борьбе с хищениями обеспечивают в основном правильное применение законов об ответственности виновных и возмещении ущерба, причиненного государственным и общественным организациям расхитителями, а также лицами, нерадиво относящимся к хранению и расходованию народного добра.

Вместе с тем статистика свидетельствует о том, что сумма причиненного этими преступлениями материального ущерба из года в год увеличивается. Если по делам о хищениях государственного и общественного имущества в 1976 году по сравнению с 1970 годом наблюдается увеличение суммы ущерба в пределах двух процентов, то более интенсивное увеличение суммы ущерба наблюдается по должностным, хозяйственным и другим (кроме хищения) преступлениям, посягающим на социалистическую собственность.

Положение с причинением преступлениями материального ущерба характеризуется не только суммарным ростом материального ущерба, но и размером его в зависимости от вида преступления. Эти данные характеризуются по уголовным делам следующими процентными соотношениями ущерба, причиненного хищениями и другими преступлениями социалистическому имуществу:

¹⁹ См. сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973. М., 1974, с. 630.

²⁰ "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1976, № 3, с. 8.

Т а б л и ц а 5

Вид преступления	Год						
	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
I	: 2	: 3	: 4	: 5	: 6	: 7	: 8
Причиненный хищениями материальный ущерб	65,7	49,1	56,2	48,8	48,2	58,3	43,6
Причиненный иными преступлениями материальный ущерб	34,3	50,9	43,8	51,2	51,8	41,7	56,4
Всего:	100	100	100	100	100	100	100

Таким образом, должностными, хозяйственными и другими преступлениями, с одной стороны, и хищениями, с другой — причиняется примерно равный материальный ущерб государственным и общественным организациям.

Отмечается тенденция увеличения ущерба, причиняемого должностными-хозяйственными и иными преступлениями. Если при этом учесть динамику роста ущерба, причиненного должностными и иными преступлениями, то можно предположить, что в ближайшие годы материальный ущерб будет причиняться государственным и общественным организациям в большей мере должностными, хозяйственными и иными преступлениями.

По отдельным отраслям народного хозяйства по обобщенным данным материальный ущерб причиняется социалистическому имуществу хищениями и иными преступлениями в следующих соотношениях (в процентах), представленных в таблице 6.

Из приведенных данных усматривается, что: 1) в течение всего обследуемого периода в государственной торговле, потребительской кооперации, промышленности и строительстве хищениями причинен социалистическому имуществу значительно больший материальный ущерб, чем другими преступлениями; 2) на транспорте материальный ущерб причинен в основном должностными, хозяйственными и другими преступлениями; 3) в колхозах и совхозах материальный ущерб причиняется в отдельные годы преимущественно хищениями, в другие же — должностными, хозяйственными и иными преступлениями, какой-либо закономерности здесь не наблюдается.

Год	Причинен- ный ущерб	Отрасли народного хозяйства													
		Государст- венная торговля		Потребитель- ская коопе- рация		Колхозы		Совхозы		Промышлен- ность		Строитель- ство		Транспорт	
		х	д	х	д	х	д	х	д	х	д	х	д	х	д
1970	72,4	27,6	87,2	12,8	25,2	74,8	75,6	24,4	84,3	15,7	72,2	27,8	22,8	77,2	
1971	90,5	9,5	66,5	33,5	45,2	54,8	23,1	76,9	56,5	43,5	53,7	46,3	40,5	59,5	
1972	87,2	12,8	69,8	30,2	37,6	62,4	55,1	44,9	79,5	20,5	38,1	61,9	21,3	78,7	
1973	92,6	7,4	97,2	2,8	72,6	27,4	27,2	72,8	55,5	44,5	83,4	16,6	20,1	79,9	
1974	63,8	36,2	65,9	34,1	70,5	29,5	31,6	68,4	69,5	30,5	63,1	36,9	40,3	59,7	
1975	95,3	4,7	82,2	17,8	51,9	48,1	53,7	46,3	42,8	57,2	55,6	44,4	22,4	77,6	
1976	87,1	12,9	67,7	32,3	21,1	78,9	25,1	74,9	57,9	42,1	78,1	21,9	10,8	89,2	

Примечание: х - хищения

д - другие преступления

Государственным и общественным организациям преступлениями причиненный материальный ущерб возмещается еще далеко не полностью. По статистическим данным о возмещении материального ущерба, причиненного преступлениями государственным и общественным организациям (по приговорам судов, вступившим в законную силу) в процентах ко всему причиненному социалистическому имуществу ущербу, характеризуется следующими показателями:

Т а б л и ц а 7

Возмещение ущерба по видам преступлений	Год						
	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
I	: 2	: 3	: 4	: 5	: 6	: 7	: 8
Возмещено из общей суммы ущерба	36,1	33,9	41,2	45,1	29,9	49,6	36,5
В том числе возмещено ущерба, причиненного хищениями	80,7	72,3	72,7	57,6	70,1	79,1	77,2
В том числе возмещено ущерба, причиненного другими преступлениями	19,3	27,7	27,3	42,4	29,9	20,9	22,8

Приведенные данные говорят о том, что:

1) в семидесятых годах процент возмещения материального ущерба, причиненного преступлениями социалистическому имуществу, из года в год возрастает и, несмотря на тенденцию в сторону увеличения, причиненный преступлениями материальный ущерб возмещается все в большем количестве - в пределах 40%;

2) в основном, в пределах примерно 80% к общей сумме возмещаемого ущерба, возмещается материальный ущерб причиненный хищениями;

3) несмотря на то, что сумма материального ущерба, причиненного социалистическому имуществу должностными, хозяйственными и другими преступлениями примерно равна сумме ущерба, причиненного хищениями (см. таблицу 5), возмещение ущерба, причиненного должностными и другими преступлениями, значительно ниже по сравнению с возмещением ущерба, причиненного хищениями, что свидетельствует не только об отсутствии у

должностных лиц, виновных в совершении этих преступлений, возможности возместить причиненный ими материальный ущерб, но и о недостаточной оперативности органов расследования при обеспечении возмещения материального ущерба по указанным категориям уголовных дел.

Исследование показывает (см. таблицу 8 на стр. 28), что по отдельным отраслям народного хозяйства материальный ущерб, причиненный преступлениями социалистическому имуществу, с одной стороны, хищениями, с другой - должностными, хозяйственными и другими преступлениями возмещается не в одинаковом размере.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что размер возмещения материального ущерба, причиненного народному хозяйству преступлением, находится в коррелятивной связи с определенным видом преступления и конкретной отраслью народного хозяйства. Ущерб, причиненный хищениями промышленности, строительству, транспорту, совхозам и колхозам, возмещается в течение всего рассматриваемого периода в несколько раз в большей мере, чем ущерб, причиненный должностными, хозяйственными и другими преступлениями.

Из обобщенных уголовных дел усматривается, что похищенные в колхозах, совхозах, в промышленности и на строительстве материальные ценности нередко бывают крупные по своим внешним размерам (картофель, комбикорм исчисляется в тоннах, а стройматериал - в кубометрах), похищенное обнаруживается почти без потерь и возвращается их собственникам. Хищения совершают нередко колхозники и рабочие совхозов и предприятий указанных отраслей народного хозяйства, которые, будучи избалованными, добровольно возмещают причиненный хищением материальный ущерб.

Причиненный же должностными и хозяйственными преступлениями материальный ущерб устанавливается зачастую в результате длительного и сложного расследования, выражается в основном в деньгах и возмещается в большинстве случаев после вступления приговора в законную силу.

В государственной торговле, заведениях общественного питания и потребительской кооперации такой корреляции не наблюдается. Нередко хищения совершаются посторонними лицами, предметами хищений являются товары массового потребления, деньги, алкогольные напитки, продукты и т.п., которые быстро

Т а б л и ц а 8

Возмещение материального ущерба, причиненного преступлениями социалистическому имуществу по отраслям народного хозяйства (в рублях, в процентах)

Год	Отрасль народного хозяйства													
	Государст- венная торговля		Потребитель- ская коопе- рация		Колхозы		Совхозы		Промышлен- ность		Строитель- ство		Транспорт	
Вид преступ- ления	х	др.	х	др.	х	др.	х	др.	х	др.	х	др.	х	др.
1970	44,2	10,4	39,1	72,5	65,3	15,6	21,5	58,7	44,3	2,1	73,3	4,8	43,1	21,9
1971	54,3	7,8	33,0	93,3	55,5	8,3	81,5	2,6	45,7	16,1	71,0	31,1	32,4	6,3
1972	47,7	100,0	52,2	53,0	76,6	35,8	81,0	40,5	44,9	50,2	59,3	32,3	21,7	31,4
1973	27,7	48,2	46,9	64,0	90,1	79,0	93,3	4,6	80,0	25,7	46,1	20,4	51,7	28,5
1974	21,5	15,8	54,5	54,8	91,1	92,6	100,0	31,8	74,7	44,2	35,1	6,2	36,7	12,9
1975	42,2	29,4	44,2	64,5	84,4	48,3	55,6	36,6	86,0	6,4	87,4	32,7	33,2	18,7
1976	56,8	84,2	50,9	42,8	73,8	13,7	73,6	3,7	60,5	8,4	86,6	18,0	63,5	6,7

Примечание: х - хищения
др. - другие преступления

расходуются. С другой стороны, в магазинах государственной торговли и потребительской кооперации хищения совершаются нередко самими материально-ответственными лицами путем злоупотребления своим должностным положением и виновные лица привлекаются к уголовной ответственности по ст. 93 УК. Из выборочных исследований этой категории уголовных дел усматривается, что в большинстве случаев (до 90%) виновные возмещают причиненный материальный ущерб добровольно. Весьма высокий процент возмещения материального ущерба, причиненного предприятиям и организациям потребительской кооперации должностными и хозяйственными преступлениями, объясняется теми же обстоятельствами.

Наряду с вышеприведенными факторами более успешного возмещения ущерба, причиненного хищениями, по нашему мнению, следует также иметь в виду, что на борьбу с хищениями социалистического имущества и на возмещение материального ущерба, причиненного хищениями, в письмах и приказах Генерального Прокурора СССР и в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР неоднократно обращалось особое внимание органов расследования и суда. Это не могло не иметь положительных результатов. Учитывая, однако, что должностными, хозяйственными и другими преступлениями был социалистическому имуществу причинен не меньший вред, чем хищениями этого имущества (см. таблицу 5), следует признать и более полное возмещение ущерба, причиненного ими, также первоочередной задачей.

Полнота возмещения материального ущерба, причиненного государственным и общественным организациям, во многом зависит и от оперативности обеспечения возмещения ущерба со стороны органов расследования, а также от суммы добровольного возмещения ущерба виновными лицами.

На стадии предварительного расследования возмещение материального ущерба, причиненного хищениями социалистического имущества, обеспечивается следующим образом (в рублях, в процентах); см. таблицу 9.

Добровольное возмещение материального ущерба до возбуждения уголовного дела не составляет еще значительной доли в общей сумме возмещения ущерба, причиненного преступлением, находясь в пределах 10-12%. Однако эта сумма может быть значительней, поскольку в процессе расследования уголовного дела обвиняемый или по его поручению другие лица возмещают еще

Год	Способы обеспечения ущерба					
	Добровольно по- гашено до воз- буждения уголов- ного дела	Изъято и возвра- щено потерпевшей организации, а также доброволь- но погашено в стадии предвари- тельного следст- вия	Наложён арест на денежные суммы и ценности	Итого реально обеспечено воз- мещение ущерба	Кроме того, нало- жен арест в обес- печение возмеще- ния на прочее имущество	
1	2	3	4	5	6	
1970	9,4	40,5	1,2	51,1	13,8	
1971	7,7	25,6	0,7	34,0	8,7	
1972	9,7	30,0	4,6	44,3	10,7	
1973	9,9	47,5	0,9	58,3	12,9	
1974	10,1	32,3	9,5	51,9	13,3	
1975	12,7	42,9	4,7	60,3	19,3	
1976	12,3	37,3	0,4	50,0	15,1	

одну часть ущерба добровольно. Так, например, в 1975 году в процессе расследования было добровольно возмещено 19,8% и и тем самым в совокупности с возмещением до возбуждения уголовного дела 32,5%, в 1976 г. — 17,4%, что в совокупности составляет 29,7%, т.е. примерно одну треть часть от общей суммы ущерба. Поскольку обобщение уголовных дел по признакам ст. 93 УК показывает, что примерно в 90% случаев обвиняемые возмещают причиненный ущерб добровольно, то и эту возможность необходимо прокурорам и следователям всячески **поощрять в стадии** возбуждения уголовного дела.

В процессе расследования происходит обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного хищением, в трех направлениях: 1) в розыске и изъятии похищенных ценностей (имущества); 2) в аресте имущества и 3) путем предложения обвиняемому добровольно возместить ущерб.

Розыск, изъятие и возвращение похищенного имущества их законным владельцам (реституция) является одной из наиболее важных форм уголовно-процессуального возмещения ущерба, причиненного преступлением.

По изученным уголовным делам было обнаружено хищенного имущества и возвращено их законным владельцам в 1968 г. 28,7%, в 1970 г. - 32%²¹, в 1975 г. - 23,12% и в 1976 г. 19,9% из общей суммы причиненного ущерба по этим делам. Немалое значение в деле возмещения ущерба, причиненного хищением, имеет и арест имущества, произведенный органами расследования в целях обеспечения гражданского иска. В таблице 9 арест имущества рассматривается с позиции возможности реального обеспечения возмещения ущерба, либо как арест денежных сумм и ценностей, либо как арест иного имущества обвиняемого (подозреваемого, гражданского ответчика), владелец имущества которого нередко бывает спорным, а стоимость имущества не точной.

Из приведенных в таблице 9 данных усматривается, что в суммах денег и ценностей, на которые наложен арест, имеются большие колебания (например, в 1974 г. - 9,5%, а в 1976 г. - 0,4% от общей суммы ущерба). Это объясняется многими факторами: характером хищения, имущественным положением обвиняемого, а также и оперативностью органов расследования.

В результате деятельности органов расследования и добровольного возмещения ущерба со стороны обвиняемых на стадии предварительного расследования обеспечивается реальное возмещение примерно от 50% до 60% из общей суммы причиненного ущерба, причем сумма обеспечения реального возмещения органами расследования постепенно растет.

Кроме того, органами расследования ежегодно налагается в пределах от 10% до 20% от общей суммы ущерба арест на имущество обвиняемых (подозреваемых, гражданских ответчиков) в целях обеспечения гражданского иска в уголовном деле.

Исходя из приведенных данных о возмещении материального ущерба, причиненного преступлениями, государственным и общественным организациям, полагаем, что несмотря на возмещение значительной части материального ущерба, причиненного преступлениями, в особенности же хищениями, социалистическому имуществу, имеется еще достаточно неиспользованных резервов для более полного возмещения этого ущерба. Это может быть, по нашему мнению, достигнуто путем применения всех уголовно-

²¹ См. Ю. А д о я н. Реституция в уголовном процессе. - "Советское право", 1975, № 3, с. 191-192.

процессуальных и других правовых средств, а также и специальных знаний в совокупности.

Во-первых, необходимо изменить практику возбуждения уголовных дел по всем тем преступлениям, по которым материальный ущерб причиняется государственным и общественным организациям путем присвоения, растраты, злоупотребления должностным положением, вследствие должностной халатности и т.п. (статья 93; 161; 162; 166¹ и др. УК). По этим преступлениям необходимо добиться такого положения, чтобы уголовные дела были бы возбуждены не позднее трех суток с момента поступления сообщения о преступлении (статья 93 ч. 1 УПК). Для этого необходимо в целях подробного ознакомления с поступившей документацией (акт ревизии, приложенные к нему документы, объяснения и т.п.) привлечь для дачи консультации специалиста-бухгалтера и одновременно с возбуждением уголовного дела провести у материально-ответственного лица-подозреваемого обыск и наложить арест на имущество (статья 102, ч. 1; 146, ч. 1, УПК). В исключительных случаях, если для возбуждения уголовного дела необходимо произвести проверку оснований к возбуждению уголовного дела (статья 93 ч. 1), прокурор, по нашему мнению, не прекращая проверку, должен предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства, если из поступивших материалов усматривается материальная ответственность данного лица, и просить суд незамедлительно наложить арест на имущество и деньги ответчика (статьи 142-146 ГПК).

Во-вторых, необходимо объявить материально-ответственному лицу (подозреваемому, обвиняемому), что добровольное возмещение причиненного им организации материального ущерба является обстоятельством, смягчающим ответственность (статья 37, ч. 1, п. 1, УК). Об объявлении необходимо взять расписку.

В-третьих, необходимо принять действенные меры к розыску похищенного имущества, денег, ценностей и иного имущества, подлежащего аресту в целях обеспечения гражданского иска. Все это надо выполнять в первые же дни расследования уголовного дела (если, конечно, не был предъявлен иск в порядке гражданского процесса). Кроме того, необходимо сразу же сделать запросы в бухгалтерию по месту работы подозреваемого, в сберегательные кассы, в кассу взаимопомощи, в ломбард, в бюро инвентаризации, в автоинспекцию, в государст-

венное страхование, в гаражно-строительно-дачные кооперативы, в комиссионные магазины и т.п. для выяснения имущественного положения подозреваемого и наложения ареста на обнаруженные денежные суммы, вклады и имущество.

В-четвертых, при оценке арестуемого имущества должны лицо, производящее дознание, и следователь, во избежание больших расхождений в оценке имущества с оценкой при исполнении приговора, руководствоваться требованием статьи 361 ГПК и сложившейся практикой судебных исполнителей. Если в оценке одного и того же имущества будет все же большое расхождение, необходимо будет выяснить причину такого расхождения, поскольку может иметь место подмена арестованного имущества другим имуществом.

В-пятых, соответствующему ведомству необходимо, по нашему мнению, поставить вопрос о внесении дополнений в приказ НКЮ СССР от 4 июля 1941 г. № 107 "О выплате судебным исполнителям премиального вознаграждения за работы по взысканию денежных сумм в возмещении ущерба от растрат и хищений"²² и предусмотреть выплату премий не только по делам о растратах и хищениях, но и по делам о злоупотреблениях **служебным** положением, должностной халатности и приписках в государственной отчетности, ибо этими преступлениями причиняется социалистическому имуществу немалый ущерб, а взыскание последнего ничем не отличается от взыскания ущерба по делам о хищениях.

В заключение необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство предусматривает в целях охраны социалистического имущества от преступных посягательств много действенных процессуальных средств, которые могут прямо или косвенно способствовать этой охране, а следственная и судебная практика подсказывает использование этих средств с наибольшим коэффициентом полезного действия, остается только их правильно и вовремя применить.

²² См. Приказ НКЮ СССР от 4 июля 1941 г. № 107. Исполнение судебных решений. (Справочник по законодательству и судебной практике). М., 1959, с. 302.

KARISTUSE MÕISTMISEST ISIKULE, KES KA VAREM
ON KURITEO TOIME PANNUD

K. N i g o l a ,
õigust. kand., dotsent

KrK § 38 p. 1 lg. 1 kohaselt on vastutust raskenda-
vaks asjaoluks kuriteo toimepanemine isiku poolt, kes va-
rem on mingisuguse kuriteo toime pannud, kui sellest ei
ole möödunud KrK §-s 53 ettenähtud tähtajad või kui ka-
ristatus ei ole kustunud või kustutatud. Sellest reeglist
on aga võimalikud erandid. KrK § 38 p. 1 lg. 2 sätestab,
et olenevalt esimese kuriteo iseloomust on kohtul õigus
seda mitte lugeda raskendavaks asjaoluks. Milline peab ole-
ma eelmise kuriteo iseloom, et kohus võiks mainitud õi-
gust kasutada, pole seaduses öeldud. See probleem on jää-
nud kriminaalõiguse teooria ja kohtupraktika lahendada.

Erialakirjanduses on kõnealusele küsimusele mitmeti
vastatud, sageli näidete tasandil ja mitmele kriteeriumi-
le tuginedes. Nii märgitakse, et eelmist kuritegu võib mit-
te lugeda vastutust raskendavaks asjaoluks näiteks juhul,
kui see pandi toime ettevaatamatuse tõttu või tahtlikult
toimepanduna ei olnud tunduva ühiskonnaohtlikkusega¹; kui
eelmine kuritegu oli vähetähtis, eriliigiline ja teisest

¹ vt. Н.Ф. Кузнецова, Б.А. Куринов. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания. - Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958, с.115. Sedasama ütles 1962. a. ka G. Kriger (vt. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962, с.289.). Hiljem lisas ta mainitud tingimustele veel ühe: eelmine kuritegu peab oma olemuselt ja iseloomult järgmisest kuriteost järsult erinevama (vt. Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969, с.311). 1970. a. märkis G. Kriger aga, et kohus jätab kõnealuse raskendava asjaolu arvestamata tavaliselt nendel juhtudel, mil varem toimepandud kuritegu ei olnud suure ühiskonnaohtlikkusega ja oma iseloomu poolest erines tunduvalt järgmisest kuriteost (vt. Курс советского уголовного права. В шести томах. Часть Общая. Том III. Наказа-

kuriteost vähem ohtlik²; kui eelmisest kuriteost on möödunud tunduv ajavahemik või kui toimepandud kuriteod erinevad liigi või ühiskonnaohtlikkuse iseloomu ja astme poolest³; kui kumbki kuritegudest ei ole suure ühiskonnaohtlikkusega või kui uus kuritegu on vähetähtis ega kujuta süüdlase kuritegeliku käitumise järke.⁴

Esitatud seisukohtade suhtes saab teha järgmisi kriitilisi märkusi ja täpsustusi.

Tuleks öelda, et kohus ei või alati jätta arvestamata varem ettevaatamatuse tõttu toimepandud kuritegu vastutust raskendava asjaoluna. Mõnikord tõendab ka selline kuritegu süüdlase suuremat ühiskonnaohtlikkust, eriti siis, kui uuski kuritegu pandi toime ettevaatamatuse tõttu ning kahjustas sama või sarnast objekti. Vaevalt saab KrK § 38 p. 1 lg. 1 kohaldamise põhjendatuses kahelda näiteks juhul, kui ettevaatamatuse tõttu üliraske kehavigastuse tekitamisele järgneb tapmine ettevaatamatuse tõttu. Säärasel isikul jääb palju puudu tähelepanelikkusest ja ettevaatlikkusest kaaskodanike suhtes, mistõttu tema karmim karistamine on igati põhjendatud. Varem ettevaatamatuse tõttu toimepandud kuritegu võib süüdlase suuremat ühiskonnaohtlikkust tõendada aga ka siis, kui uus kuritegu on tahtlikult toime pandud, näiteks juhul, kui purjuspäi autotranspordialase kuriteo (KrK § 204) toimepandanud isik hiljem juhib liiklusvahendit joobeseisundis (KrK § 204¹). Neid kuritegusid ühendab ja süüdlase suuremat ohtlikkust tõendab teoviisi sarnasus. Kui kaks kuritegu on toime pandud samal viisil, oli üks neist vaevalt juhuslik.

Seoses seisukohaga, et eelmist kuritegu võib mitte lugeda vastutust raskendavaks asjaoluks siis, kui see pole tunduva ühiskonnaohtlikkusega (on vähetähtis), kerkib küsimus: millistel kaalutlustel on kergema karistuse ära teeni-

ние. М., 1970, стр. 144). Vt. ka Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1972, с.371.

² Vt. А.Д. Соловьев. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958, с.112.

³ Vt. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1963, комм. 2, ч. 4, к ст. 39.

⁴ Vt. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1964, с.268.

nud just selline isik, kes varem pani toime vähem, hiljem aga enam ohtliku kuriteo? Kui karistuse karmus seada sõltuvusse kuritegude raskuse vahekorrast, kas poleks siis õigem asuda seisukohale, et isik, kes algul pani toime kergema, seejärel aga raskema kuriteo, on ohtlikum sellest, kes varem pani toime raskema, siis aga kergema kuriteo. Võib ju esimesel juhul täheldada süüdlase ohtlikkuse suurenemise, teisel juhul aga selle vähenemise tendentsi.

Näib aga, et toimepandud kuritegude raskuse põhjal saab süüdlase ohtlikkuse suurenemise või vähenemise üle teatavaid järeldusi teha vaid siis, kui kuriteod on omavahel seoses. Näiteks on ilmne, et kui isik algul paneb toime nn. lihthuligaansuse, hiljem aga kuritahtliku huligaansuse, on tema ohtlikkus suurenenud. Sedasama aga ei saa väita juhul, kui riigivara pisirüüsumisele järgneb autotranspordialane, s. t. raskem ja eelmisega seostumata kuritegu. Toimepandud kuritegude raskuse vahekorrad ei saa seega alati olla iseseisev kriteerium selle üle otsustamisel, kas eelmist kuritegu lugeda vastutust raskendavaks asjaoluks või mitte.

On tõsi, et karistuse mõistmisel kuritegude eest, mille ühiskonnaohtlikkus järsult erineb, võib KrK § 38 p. 1 lg. 1 kohaldamine vahel mõttetuna näida. Seda nimelt siis, kui konkurentsi moodustavatest kuritegudest esimene on teisest tunduvalt ühiskonnaohtlikum ning lõplik karistus mõistetakse absorptsiooniprintsiibi alusel (nii see tavaliselt toimubki). Sel juhul süüdlase karistus tegelikult ei raskene. Selline olukord kujuneb näiteks juhul, kui tahtliku tapmise järel tekitatakse teisele isikule kerge kehavigastus. Nüüd võib KrK § 38 p. 1 lg. 1 alusel raskendada vaid kehavigastuse tekitamise eest mõistetavat karistust. Kuna selle aga neelab tapmise eest mõistetud karistus, mis jääb lõplikuks, siis süüdlase olukord kahe kuriteo toimepanemisele vaatamata ei halvenegi. Kohtuotsuse kasvatusliku mõju huvides on KrK § 38 p. 1 lg. 1 kohaldamine soovitatav siiski ka sääras-tel juhtudel.

Väheveenvaks jääb seisukoht, et KrK §-s 38 p. 1 lg. 1 ettenähtud vastutust raskendava asjaolu mittearvestamine on põhjendatud siis, kui kumbki kuritegudest ei ole suure ühiskonnaohtlikkusega. Isik, kes on toime pannud kaks mitteohtlikku kuritegu (näit. solvamine), vajab siiski karmimat kriminaalõiguslikku kohtlemist kui isik, kes analoogiliselt

käitub vaid üks kord. Seepärast peaks varem toimepandud kuritegu arvestatama vastutust raskendava asjaoluna sellistelgi juhtudel.

Näib, et tunduva ajavahemiku möödumine eelmisest kuriteost, võetuna omaette, ei välista samuti KrK § 38 p. 1 lg. 1 kohaldamist. Kui kuriteo toimepanemine varem on uue kuriteo koosseisuline tunnus, raskendab see süüdlase olukorda sõltumata eelmise kuriteo toimepanemise ajast (seda muidugi eeldusel, et kriminaalvastutusele võtmine eelmise kuriteo eest pole aegunud või karistatus selle eest kustunud ega kustutatud). On loomulik, et kui kuriteo toimepanemine varem ei ole vastutust raskendav koosseisuline tunnus, peaks see vastutust raskendava mittekoosseisulise asjaoluna (KrK § 38 p. 1 lg. 1) olema arvestatav samuti sõltumata kuritegudevahelisest ajavahemikust. Eelmisest kuriteost tunduva ajavahemiku möödumist võib vaid arvestada karistuse individualiseerimisel järgmise kuriteo eest.

Ja lõpuks, ka kuritegude eriliigilisus ei tõenda alati süüdlase väiksemat ohtlikkust ega välista KrK § 38 p. 1 lg. 1 kohaldamist. Nii on see näiteks juhul, kui varem huligaansuse sooritanud isik rikub huligaansel ajendil liikluseeskirju ja paneb selle tulemusena toime autotranspordialase kuriteo. Säärase isiku suuremat ohtlikkust näitab tema kuritegude motiivi samasus.

Erinevalt juba nimetatud õigusteadlastest pakuvad näiteks V. Malkov, I. Rebane ja A. Zelinski vaadeldava probleemi lahendamiseks välja mitte mitu, vaid üheainsa kriteeriumi. I. Rebane ja A. Zelinski peavad selleks kuritegudevahelist seost,⁵ V. Malkov aga seda, kas kuriteo korduvus tõendab kurjategija isiku suuremat ohtlikkust või ei.⁶

Näib, et äsja nimetatud autorid on oma seisukoha kõnealuses küsimuses kõige õnnestunumalt formuleerinud. Төпөө-

⁵ Vt. H. K a d a r i, E. R a a l. I. R e b a n e. Nõukogude kriminaalõigus. Üldosa. Tln., 1963, lk. 310; A. З е л и н с к и й. Повторное совершение преступления как обстоятельство, отягчающее ответственность. - "Советская юстиция", 1972, № 5, с.7. Tõsi, I. Rebane ei ole sama mõtet sõnaselgelt korranud oma hilisemates publikatsioonides.

⁶ Vt. В. П. М а л к о в. Повторность преступления. (Понятие и уголовно-правовое значение). Казань, 1970, с.149 - 152.

lest, KrK §-s 38 p. 1 lg. 1 täheldatud raskendava asjaolu arvestamiseks on alust vaid siis, kui varem toimepandud kuritegu tõendab süüdlase hilisema kuritegeliku käitumise suuremat ohtlikkust või süüdlase enda ohtlikkuse suurenemist. Üksnes sellise kurjategija karmim karistamine on põhjendatud ja vajalik. Tavaliselt iseloomustab mitme kuriteo toimepanek siiski süüdlase isikut. Kuna kurjategija ohtlikkust suurendab vaid omavahel seoses olevate kuritegude toimepanemine, siis ühelt poolt I. Rebase ja A. Zelinski, teiselt poolt aga V. Malkovi seisukoht sisuliselt ei erine. Nende autorite pakutud üheainsa kriteeriumi alusel ei ole mistahes konkreetsel juhul raske otsustada, kas varem toimepandud kuritegu lugeda vastutust raskendavaks asjaoluks või mitte. Teiste eespool nimetatud autorite poolt omaksvõetud kriteeriumide põhjal võib selle küsimuse lahendamisele aga komplitseerituks osutada.

Seega siis - KrK §-s 38 p. 1 lg. 1 ettenähtud vastutust raskendava asjaolu arvestamisest tuleks kohtul hoiduda juhul, kui ta on jõudnud järeldusele, et mitme kuriteo toimepanek ei tõenda süüdlase suuremat ohtlikkust. Nii on see omavahel mitteseostuvate kuritegude toimepanemise korral.

Kuritegudevahelise seose tuvastamiseks tuleb kuritegusid võrrelda nende objekti, objektiivset külge, subjekti ja subjektiivset külge iseloomustavate tunnuste alusel. Kõiki neid tunnuseid tuleb seejuures vaadelda kogumis, üheainsa põhjal võib jõuda ekslikule järeldusele. Nii ei tähenda objektide erinevus veel seose puudumist kuritegude vahel: objekti poolest erinevaid kuritegusid võib ühendada objektiivse külje (näiteks teoviisi) või subjektiivse külje (näiteks motiivi) sarnasus või mõni subjekti iseloomustav tunnus (näiteks sügavalt juurdunud ühiskonnastane hoiak, mis tingib paljude, ka objekti, objektiivse või subjektiivse külje poolest erinevate kuritegude toimepanemist).⁷

Kui kohus ei pea vajalikuks KrK §-s 38 p. 1 lg. 1 ettenähtud vastutust raskendava asjaolu arvestamist, tuleb seda kui erandit reeglilt kohtuotsuses motiveerida.

⁷ Vt. ka X. К и Н Г С. Понятие рецидива преступления в уголовном праве и криминологии. - Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Выпуск 364. Тарту, 1975, с. 59.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЛИЦУ,
РАНЕЕ СОВЕРШИВШЕМУ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

К. Нигола

Р е з ю м е

Согласно ст. 38, п. I, ч. I, УК ЭССР, одним из обстоятельств, отягчающих ответственность, является совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, по которому не истекли сроки давности или не погашена или не снята судимость. Однако на основании части второй того же пункта суд вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признать за ним значения отягчающего обстоятельства. Каким должен быть характер первого преступления, дающим суду основание пользоваться этим правом, в законе не указано.

В настоящей статье анализируются высказывания ряда криминалистов по вопросу о том, в каких случаях суд вправе не признать за ранее совершенным преступлением значения отягчающего обстоятельства. Автор поддерживает и обосновывает мнение тех ученых, которые ставят решение этого вопроса в зависимости от того, связаны ли совершенные преступления между собой и свидетельствует ли повторность о большей опасности личности преступника.

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ СВОЕГО СУПРУГА

Я. Соостак
ст. преподаватель

1. От назначения справедливого наказания во многом зависит достижение целей советского уголовного права. Справедливо наказание, соответствующее требованиям ст. 36 УК. Как известно, ст. 36 УК предусматривает, что при назначении наказания суд учитывает, во-первых, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, во-вторых, личность преступника, и в-третьих, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. При назначении наказания за преступление против своего супруга учет этих факторов, от которых зависят вид и конкретная мера наказания за совершенное преступление, немислим в отрыве от взаимоотношений между потерпевшим и виновным, от всей обстановки в семье. Действительно, наказание затрагивает интересы не только осужденного, но и других членов семьи — супруга осужденного и его детей. Пройти мимо этих обстоятельств при назначении наказания нельзя.

В настоящей статье подробно рассматриваются факторы, учитываемые судами, при назначении наказания за преступление против своего супруга. Эмпирический материал получен путем обобщения судебной практики 13 районных и городских народных судов и Верховного Суда ЭССР за 1972-1976 годы, причем анализу подвергнуты все уголовные дела данной категории (всего 300 дел). Материал разработан при помощи ЭВМ.

2. Данные о распределении преступлений против своего супруга по группам приведены в таблице I.

Из таблицы I видно, что самую большую группу составляет хулиганство (39,2%), а, по сути дела, преступления против своего супруга — это преступления против личности (55,4%) и хулиганство (39,2%).

Субъектом преступлений против своего супруга являются почти во всех случаях мужчины. Их среди осужденных 95,4%.

3. Конкретные обстоятельства, смягчающие или отягчающие

Т а б л и ц а I
 Распределение преступлений против своего
 супруга по группам

Преступления по УК	Удельный вес в %
Убийство (статьи 100-104)	14,9
Телесные повреждения (статьи 107-112)	32,7
Преступления против имущества (статьи 139, 144)	5,1
Хулиганство (статья 195)	39,2
Иные преступления	8,1
Всего:	100,0

ответственность, во многом зависят от вида преступления¹. Оказывается, что смягчающие обстоятельства, указанные в ст. 37, ч. I, УК, зачастую отсутствуют: 69,1% из всех преступлений против своего супруга совершены при отсутствии смягчающих обстоятельств.

В 28,3% из приговоров указывается на чистосердечное раскаяние, в 1,0% - на возмещение ущерба. В 1,0% уголовных дел виновный чистосердечно раскаялся и в то же время возместил причиненный им ущерб, а в 0,7% дел было учтено чистосердечное раскаяние и стечение тяжелых семейных обстоятельств. (В чем именно это стечение заключается, из приговора суда не усматривается).

4. К сожалению, суды при назначении наказания не всегда учитывают все обстоятельства, предусмотренные ст. 37 УК в качестве смягчающих обстоятельств. В некоторой степени это, очевидно, объясняется тем, что многие смягчающие ответственность обстоятельства, перечисленные в уголовном законе, предусмотрены в кодексе в одном пункте статьи. Так, например, ст. 37, ч. I, п. 8 УК указывает на два обстоятельства: чистосердечное раскаяние и явку с повинной². В судебной прак-

¹ См., например, З. Вышинская, Г. Борзенков. Учет судом при назначении наказания данных о личности виновного. - "Советская юстиция", 1969, № II, с.17.

² В ст. 38, ч. I, п. 9, УК РСФСР предусмотрены три обстоятельства: чистосердечное раскаяние, явка с повинной и активное способствование раскрытию преступления.

тике не всегда ясно, следует ли эти обстоятельства учитывать лишь тогда, когда оба они налично, или же наличие хотя бы одного из них смягчает ответственность. В литературе вполне обоснованно указывается на самостоятельность разных смягчающих обстоятельств, указанных в одном пункте соответственной статьи³. Это значит, что при наличии хотя бы одного из этих обстоятельств, оно должно непременно учитываться, независимо от того, имеются ли другие обстоятельства, приведенные в том же пункте, или нет⁴.

И.Р. был осужден по ст. 100 УК за убийство своей жены. После совершения убийства он ушел из дома, выпил бутылку водки и явился в милицию, где заявил о совершенном им преступлении. При назначении наказания суд не нашел в поведении И.Р. смягчающих обстоятельств. Что касается чистосердечного раскаяния, то наличие этого обстоятельства из материалов уголовного дела действительно не усматривается⁵. Но суд не имел права не обращать внимания на явку с повинной, которая предусмотрена в том же пункте ст. 37, ч. I УК и представляет собой самостоятельное обстоятельство, смягчающее ответственность.

5. Согласно ст. 37, ч. I, п. 2, УК обстоятельством, смягчающим ответственность, является совершение преступления вследствие стечения тяжелых семейных обстоятельств. В литературе это обстоятельство понимается по-разному. Часто в качестве примера приводится случай, когда жена наносит в споре пьянице-мужу телесные повреждения, доведенная до этого постоянным пьянством, дебошами и издевательствами с его стороны⁶.

Представляется, что такое понимание этого обстоятельст-

³ Ю. Д у б ш е в. Учет судом при назначении наказания чистосердечного раскаяния, явки с повинной и активного способствования раскрытию преступления. - "Советская юстиция", 1971, № 17, с. 15.

⁴ Например, ст. 38, ч. I, п. 9, УК РСФСР, о чем идет речь и в статье Ю. Дубшева. См. Ю. Д у б ш е в. Указ. статья с. 15.

⁵ Уголовное дело № I-35/1972 г. Тартуского городского народного суда.

⁶ Комментарий к уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, ст. 38, комм. 3; И.И. К а р п е ц. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961, с. 102; И.И. К а р п е ц. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. М., 1959, с. 75.

ва не совсем удачно и не может полностью выразить специфику семейных отношений. Сам термин стечение обозначает, на наш взгляд, совпадение, образование совокупности разных семейных обстоятельств и поэтому неправильно характеризовать его как результат лишь одного фактора — неправильного поведения другого супруга. Ссоры, драки и дебоши со стороны мужа и отсюда исходящие тяжелые переживания жены и детей не могут, по нашему мнению, оцениваться как стечение разных семейных обстоятельств. Все это одно явление, которое сводится на аморальное поведение мужа — алкоголика. И наоборот, если, например, в семье есть дети, мать которых ввиду их малолетства не работает, а муж часто пьянствует или изменяет ей, то, действительно, налицо стечение тяжелых семейных обстоятельств⁷. При совершении преступления в результате стечения этих обстоятельств суд, независимо от того, какое преступление было совершено, должен смягчать ответственность. Если же такие обстоятельства отсутствуют, ссылка на ст. 37, ч. 1, п. 2 УК недопустима. Это, конечно, не значит, что наличие только одного обстоятельства не может смягчать ответственность. Такое обстоятельство будет учтено в соответствии с иными пунктами ст. 37, ч. 1, или же на основе ст. 37, ч. 2 УК, согласно которому суд может при назначении наказания учитывать и такие обстоятельства, отягчающие ответственность, которые не указаны в ст. 37, ч. 1, УК.

Смягчение ответственности на основании ст. 37, ч. 2, УК может иметь место и в таких случаях, когда осуждение виновного влечет за собой затруднения в положении детей или всей семьи. Здесь речь может идти прежде всего о материальных трудностях семьи. Эти проблемы будут рассмотрены ниже.

6. Воспитание детей — одна из основных функций советской семьи. Однако лишь одного факта нахождения на попечении у виновного малолетних детей никак нельзя считать обстоятель-

⁷ Аналогичный подход к этой проблеме можно заметить и у И.И. Карпеца. Он, критикуя тех авторов, которые полагают, что под тяжелыми семейными условиями понимается и нахождение у виновного на попечении малолетних детей, пишет: "Одно только наличие малолетних детей может и не вести к тяжелым семейным условиям ... Должны быть и иные, какие-то дополнительные затруднения, кроме одного факта наличия малолетних детей". См. И.И. Карпец. Индивидуальные наказания в советском уголовном праве. М., 1961, с. 103. К сожалению, эти интересные мысли не нашли дальнейшей разработки в литературе.

ством, смягчающим ответственность ввиду тяжелых семейных обстоятельств⁸. Факт нахождения у виновного на иждивении малолетних детей — это не стечение тяжелых семейных условий виновного и не может автоматически влечь за собой смягчение ответственности лица, совершившего преступление против матери детей — своей супруги.

Но, с другой стороны, при назначении наказания интересы детей должны быть учтены. Это прежде всего касается их материальных интересов. Если в результате осуждения отца возникают затруднения в воспитании детей, то суд может принять это обстоятельство во внимание и смягчить виновному наказание на основании ст. 37, ч. 2, УК⁹.

Представляется, однако, что указанное обстоятельство не может быть учтено в отрыве от поведения виновного до совершения преступления. Наказание может быть ему смягчено, если он до совершения преступления добросовестно относился к воспитанию детей и в результате отбывания срока лишения свободы его семья в значительной мере лишается материальной поддержки. Если же подсудимый своим заработком в содержании детей практически не участвовал, то наличие детей в семье не может смягчить ответственность виновного.

Неправильно, на наш взгляд, учтено судом при назначении наказания нахождение на иждивении виновного несовершеннолетних детей по делу В.К., осужденного по ст. 195, ч. 2, УК. В.К. систематически пьянствовал, устраивал в своей квартире дебоши, угрожал детям. Потерпевшая (жена виновного) показала, что муж для воспитания детей денег не дает, только хвастается, что опять пропил столько-то.¹⁰ В данном случае неправильное, аморальное поведение виновного до совершения преступления (при этом можно говорить и о противоправном поведении в смысле нарушения ст. 82 КоБС) при назначении наказания служило обстоятельством, смягчающим ответственность. В приведенном примере материальные трудности не возникли в связи с осуждением виновного; они были налицо еще до совершения

⁸ И.И. Карпец. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. М., 1959, с. 75.

⁹ В судебной практике это обстоятельство довольно часто учитывается — см. п. 7 настоящей статьи.

¹⁰ Уголовное дело № I-159/1975 г. Тартуского городского народного суда.

преступления и, разумеется, не должны смягчить ответственность виновного. Правда, трудное материальное положение в семье продолжается и после осуждения виновного, но институт назначения наказания не имеет целью уголовно-правового обеспечения ст. 82 КоБС (согласно которой родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей). Эта статья кодекса о браке и семье конкретизируется и гарантируется алиментными обстоятельствами родителей, которые урегулированы статьями 83-89 КоБС, а уголовно-правовое обеспечение алиментных обязательств, в свою очередь, предусмотрена ст. 121 УК.

С точки зрения справедливости наказания недопустимо, чтобы суд лишь в общей форме указывал на обстановку в семье, не раскрывая, каким образом эта обстановка влияет на ответственность^{II}.

7. Перечень смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 37, ч. 1, УК, неисчерпывающий. Согласно ст. 37, ч. 2, УК суд может при назначении наказания учитывать также такие смягчающие обстоятельства, не указанные в этой статье. Анализ уголовных дел показывает, что суды часто учитывают при назначении наказания именно такие смягчающие обстоятельства, которые не указаны в ст. 37, ч. 1, УК. По данным проведенного нами анализа судебной практики можно наметить следующий перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, которые учитывались судами в соответствии со ст. 37, ч. 2, УК: совершение преступления впервые - 30,5%, неправильное поведение потерпевшего - 13,7%, тяжелое семейное положение - 13,7%, прощение со стороны потерпевшего - 10,5%, материальные трудности или трудности воспитания детей - 10,5%, тяжелое состояние здоровья виновного - 8,4%, отсутствие тяжких последствий - 7,4%, прочие - 5,3% (всего - 100,0%).

Однако большинство преступлений против своего супруга совершается при отсутствии обстоятельств, которые могли быть учтены как смягчающие в силу ст. 37, ч. 2, УК¹².

Многие смягчающие обстоятельства, не указанные в ст. 37, ч. 1, УК, но учтенные судами при назначении наказания в соот-

^{II} Ю. М а н а е в. Мотивировка меры наказания в обвинительном приговоре. - "Советская юстиция", 1965, № 14, с. 13.

¹² Из всех дел смягчающие обстоятельства учитывались в 59,3%.

ответствии со ст. 37, ч. 2, УК, выражают специфику супружеских отношений: семейные трудности и трудности воспитания детей, неправильное поведение другого супруга¹³, прощение со стороны потерпевшего—супруга, хорошее отношение виновного к членам семьи (потерпевшим) после совершения преступления. Эти обстоятельства составляют среди других смягчающих обстоятельств 48,4%, а их удельный вес по всем делам 15,3%.

8. Уголовный закон (ст. 36 УК) указывает на следующие три фактора, которые должны учитываться при назначении наказания, а именно: общественная опасность деяния; личность виновного; смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства.

Представляется, что удачную систему положений уголовного закона изложил в комментариях к Уголовному кодексу Эстонской ССР И. Ребане, рассматривающий общественную опасность деяния, личность виновного, отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства как самостоятельные факторы, от которых зависит конкретное наказание¹⁴. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые утверждают, что отягчающие обстоятельства, приведенные в уголовном законе, неисчерпывающие¹⁵. В настоящее время имеется по этому поводу указание Верховного Суда СССР, согласно которому суды не вправе при мотивировке избранной ими меры наказания сослаться на отягчающие обстоятельства, которые не указаны в законе¹⁶. Эта точка зре-

¹³ Неправильное поведение потерпевшего снижает общественную опасность преступления; это необходимо учитывать не только при индивидуализации наказания, но и с точки зрения соизмерения его с общепредупредительным воздействием наказания. (См. Ю.А. Афиногенов. Личность потерпевшего и цели наказания. — Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974, с. 47). Вопрос о неправильном поведении потерпевшего неразрывно связан со всей виктимологической характеристикой данных преступлений и в настоящей статье рассматриваться не будет.

¹⁴ Уголовный кодекс Эстонской ССР. Комментированное издание. Сост. И. Ребане. Таллин, 1968, ст. 36, комм. 6, 7.

¹⁵ См., например, З. Вышинская, Г. Борзенков. Учет судом при назначении наказания данных о личности виновного. — "Советская юстиция", 1969, № II, с. 17.

¹⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973. М., 1974, с. 585.

ния нашла поддержку и в литературе.¹⁷

П.С. Дагель согласен с тем, что перечень отягчающих обстоятельств должен быть исчерпывающим. Но для того, чтобы этот перечень действительно стал таковым, он считает нужным дополнить его рядом обстоятельств, например антиобщественный образ жизни, применение в прошлом мер административного или общественного воздействия и т.д.¹⁸ Аргументируя свою позицию, он пишет: "Обстоятельства, характеризующие личность виновного, могут характеризовать ее как положительно, так и отрицательно, и, следовательно, влиять как на смягчение, так и на усиление наказания".¹⁹

В этом смысле П.С. Дагель, конечно, прав. Но характер и степень общественной опасности преступления также влияют как на смягчение, так и на усиление наказания — ведь они представляют собой факторы, от которых зависит конкретное наказание. Тем не менее уголовный закон (ст. 36 УК) предусматривает три самостоятельных фактора, учитываемых при назначении наказания. Это значит, что наряду с факторами, влияющими на усиление или на смягчение наказания (статьи 37 и 38 УК), уголовный закон указывает еще на такие обстоятельства, которые сами по себе не смягчают или не отягчают ответственность.

Таким фактором выступает, прежде всего, личность виновного. Правда, ст. 37 УК приводит два смягчающих обстоятельства, характеризующих личность виновного: совершение преступления несовершеннолетним либо беременной женщиной (ст. 37, ч. I, п. 6 и 7). Совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, бесспорно, характеризу-

¹⁷ И.Г. Ф и л а н о в с к и й. К вопросу о юридической ответственности за правонарушения. — "Вестник Ленинградского университета", 1973, № 5, с. 132; Г.Т. Т к а ш е л и а д з е. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975, с. 131; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. Л., 1970, с. 343; Б.С. М а р к о в. Разграничение понятий общественной опасности преступления и обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. — Вопросы криминологии, уголовного права, процесса и прокурорского надзора. М., 1975, с. 116.

¹⁸ П.С. Д а г е л ь. О принципе индивидуализации уголовной ответственности. — "Вестник Ленинградского университета", 1974, № II, с. 125.

¹⁹ А также П.С. Д а г е л ь. Учение о личности виновного в советском уголовном праве. Владивосток, 1970, с.100-101.

ет личность виновного и является одновременно обстоятельством, отягчающим ответственность согласно ст. 38, ч. I, п. I УК.²⁰ Это, однако, не противоречит положению о том, что личность виновного является самостоятельным фактором, учитываемым при назначении наказания, так как преобладающее большинство данных, характеризующих личность виновного, не входит в перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, указанных в статьях 37 и 38 УК (к этим данным, в частности, относятся производственная и бытовая характеристика виновного, административные взыскания в отношении его и т.д.). Вполне понятно, что эти данные не могут быть а priori признаны смягчающими или отягчающими ответственность, а поэтому должны учитываться самостоятельно.

К сожалению, в судебной практике встречаются довольно существенные недостатки при учете факторов, от которых зависит конкретное наказание.

Например, в приговоре по делу В.М., осужденного по статьям 15, ч. 2, и 100 УК, в частности, сказано: "Обстоятельством, отягчающим ответственность, является в соответствии ст. 38, п. 10, УК совершение преступления в нетрезвом состоянии. Суд учитывает также, что подсудимый не понимает общественной опасности совершенного им преступления и не дает о совершенном им преступлении честных и чистосердечных показаний. Суд учитывает также, что ... подсудимый причинил большие страдания своему несовершеннолетнему сыну М., который просил его не ударять маму топором; подсудимый также бил ногой в ботинке потерпевшую в лицо в присутствии 7-летнего сына и таскал ее за волосы".²¹

²⁰ Слишком широко, на наш взгляд, понимает обстоятельства, характеризующие личность виновного, Ю. Мельникова. По ее мнению, личность виновного характеризуют такие обстоятельства, как чистосердечное раскаяние, совершение преступления вследствие стечения тяжелых семейных обстоятельств, оговор заведомо невиновного лица и т.д. См. Ю. М е л ь н и к о в а. Индивидуализация наказания с учетом обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. - "Советская юстиция", 1969, № 5, с. 13. Каждое деяние совершается конкретным лицом и все, что он совершил, характеризует его. Но уголовный закон (ст. 36 УК) относит личность виновного к самостоятельному обстоятельству, от которого зависит конкретное наказание.

²¹ Уголовное дело № I-87/1973 г. Тартуского районного народного суда.

Что касается избиения потерпевшей при вышеуказанных обстоятельствах на глазах сына, не обращая внимания на просьбы ребенка, то не может быть исключен вопрос о покушении на убийство с особой жестокостью (ст. 101, п. 7, УК).

Вместе с тем суд назначил наказание с учетом того, что подсудимый не дал по делу честных и чистосердечных показаний. Чистосердечное раскаяние — это смягчающее обстоятельство, отсутствие же такого не должно отягчать ответственность виновного. Подсудимый сам имеет право решать, как ему себя защищать, и мы не в праве отягчать ему за это ответственность.²²

Анализ изученных нами дел показывает, что иногда в приговорах назначенное наказание обосновывается ссылками на разные обстоятельства, причем не указывается, характеризуют ли они личность виновного, или же суд считает их отягчающими ответственность обстоятельствами (например, паразитический образ жизни). Такие ссылки содержатся в 12,4% приговоров.

Следует еще раз подчеркнуть, что такая практика неправоверна. Отягчающие ответственность обстоятельства должны быть зафиксированы в приговоре со ссылкой на ст. 38 УК, а анализ личности должен составлять отдельный элемент той части приговора, где мотивируется выбор вида и меры наказания.²³

Одним из основных доказательств, содержащих данные о личности виновного, это характеристика преимущественно производственная. М.С. Строгович полагает, что по делам об умышленном убийстве из низменных побуждений служебная и общественная работа не имеет значения смягчающего обстоятельства.²⁴ И.И. Карпец, критикуя эту мысль М.С. Строговича, пишет, что нельзя игнорировать безупречное прошлое подсуди-

²² Отсутствие чистосердечного раскаяния, как показывает Ю. Дубшев, весьма характерно для преступлений против своего супруга. Но это не исключает необходимости учета при назначении наказания других обстоятельств. См. Ю. Дубшев. Учет судом при назначении наказания чистосердечного раскаяния, явки с повинной и активного способствования раскрытию преступления. — "Советская истица", 1971, № 17, с. 15.

²³ Ю. Манаев. Мотивировка меры наказания в обвинительном приговоре. — "Советская истица", 1965, № 14, с. 14.

²⁴ М.С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 278.

мето²⁵.

Нам кажется, что оба автора правы. Безупречная работа не может быть смягчающим обстоятельством, так как при назначении наказания она будет учитываться в качестве самостоятельного фактора - при анализе личности виновного. А это и значит, что она не будет игнорироваться.

Но И.И. Карпец неправ, утверждая, что нельзя игнорировать безупречную прошлую жизнь человека при выборе меры наказания, например, за убийство из ревности, если оно не отягчено другими обстоятельствами, например особо мучительным способом²⁶ (выделено нами - Я.С.).

Любые данные, характеризующие личность подсудимого, должны всегда учитываться при выборе вида и меры наказания. К этому прямо обязывает уголовный закон (ст. 36 УК). Наличие одних факторов (например, отягчающих обстоятельств) не исключает учета других (в частности личности виновного).

Важной задачей при выборе наказания лицу, совершившему преступление против своего супруга, является всестороннее установление данных, относящихся к личности виновного. Дело в том, что одна только положительная трудовая характеристика не всегда раскрывает подлинный облик обвиняемого.²⁷ Уже сам факт совершения на бытовой почве преступления против своего супруга свидетельствует о том, что анализ личности виновного не должен ограничиваться лишь ссылкой на трудовую характеристику. Вполне возможно, что "под личиной" передового производственника и "общественника" скрывается злостный преступник, с глубоко укоренившимися антиобщественными взглядами и установками²⁸.

²⁵ И.И. Карпец. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961, с. 114

²⁶ Там же.

²⁷ См. например, В.И. Шилова. За коммунистический быт (по материалам судебно-следственной практики). Л., 1975, с. 5-7.

²⁸ Ю. Манаев. Мотивировка меры наказания в обвинительном приговоре. - "Советская юстиция", 1965, № 14, с. 14.

Поэтому в деле должна быть не только производственная характеристика лица, совершившего преступление против своего супруга, но и другие материалы, характеризующие личность виновного, например, бытовая характеристика потерпевшего супруга.

9. По рассмотренным делам можно сказать, что 81,4% преступлений против своего супруга совершается при отягчающих обстоятельствах, указанных в ст. 38 УК. Причем мы имеем в виду только такие обстоятельства, которые указаны в приговоре суда. Анализ этих уголовных дел свидетельствует вместе с тем о том, что суды далеко не всегда учитывают в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления в состоянии опьянения. Совершение преступления в состоянии опьянения как отягчающее обстоятельство указано в 83,1% изученных нами приговоров, хотя фактически их совершено 89,9% из всех преступлений против своего супруга. Правда, согласно ст. 38, п. 10, УК суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность. Между тем, ни в одном приговоре не приводятся мотивы такого решения суда. Но дело не только в "юридическом оформлении" применения ст. 38, п. 10, ч. 2, УК. Подобная практика может создать в семье обстановку терпимости в отношении пьяниц, так как суд не использует одно из уголовно-правовых средств борьбы против пьянства. На самом же деле необходимо применять все меры, в том числе и правовые, в борьбе с алкоголизмом и антиобщественными проявлениями на почве алкоголизма. Из обобщенных нами уголовных дел усматривается, что 55,9% из субъектов преступлений - мужей, совершивших преступления против своей супруги - систематически пьянствовали и скандалили, а 53,8% из осужденных за рассматриваемые преступления - хронические алкоголики.

10. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства должны в соответствии со статьями 36-38 УК обязательно учитываться судом при назначении наказания. Но, кроме этого, суду следует прислушаться и к мнению разных лиц, участвующих в процессе и высказывающих свою точку зрения в отношении наказания. Это прежде всего касается потерпевшего, а также коллектива трудящихся, выражающего свое мнение через общественного обвинителя или за-

дителя. Совершенно правильно отмечается в литературе, что суд, безусловно, должен прислушаться к мнениям указанных участников процесса, но недопустимо превращать это мнение в фактор, способный усиливать или снижать наказание²⁹.

Сображения потерпевшего о мере наказания могут, по нашему мнению, касаться двух аспектов вопроса. Во-первых, это своего рода продолжение показаний потерпевшего по делу, характеристика положения семьи в данный момент и в будущем, т.е. после приведения наказания в исполнение. В зависимости от того, подтверждаются ли эти показания другими доказательствами, суд может учесть их в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность (например, стечение тяжелых семейных обстоятельств, тяжелое положение детей и т.д.). Во-вторых, потерпевший высказывает чисто внешнее, формальное "заключение" по поводу конкретного наказания. Такие соображения потерпевшего не связывают суд, и они не могут быть объективными обстоятельствами, влияющими на вид и меру наказания.

Отношение потерпевшего к наказанию, назначаемому подсудимому, характеризуется данными, приведенными в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Отношение потерпевшего к назначаемому наказанию

Отношение потерпевшего	Доля в % по всем делам
Оставляет решить суду	33,2
Безразличен	3,9
Не высказывается	27,4
Просит строго наказать	4,6
Согласен с заключением прокурора	2,9
Просит смягчить наказание	24,4
Просит оправдать или не наказывать	1,0
Не участвует в заседании	2,6
Итого:	100,0

Из таблицы усматривается, что в большинстве случаев потерпевший выражает явно нейтральное, индифферентное отноше-

²⁹ Л. К р у г л и к о в. Учет судом смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания. - "Советская юстиция", 1974, № 14, с. 5.

ние к мере наказания. Целых 64,5% из потерпевших оставляли этот вопрос решить суду, не выражали вообще своего мнения или заявили, что им безразлично, каким будет наказание. С точки зрения коммунистической морали никак не может быть признано правильным поведение тех потерпевших, которые фактически не видят преступления в деянии своего супруга и просят суд не наказывать виновного. В правосознании таких супругов, которые полагают, что семейные дела сугубо личные, независимо от того имеются ли в поведении другого супруга признаки преступления или нет, имеются существенные дефекты.

Противоречит требованиям коммунистической морали и полная индифферентность потерпевшего в отношении преступления, совершенного против него самого. В какой-то степени можно понять тех потерпевших, которые присоединяются к заключению прокурора или оставляют решение вопроса на усмотрение суда. Но порицания заслуживают потерпевшие, которые либо вообще не высказывают своего мнения, либо выражают полное равнодушие относительно назначаемого виновному наказания.

Безусловно, большое влияние на потерпевшего оказывает при этом его фактические отношения с виновным. Об этом свидетельствует таблица 3. Оказывается, что при законном браке больше всего потерпевшие высказываются в пользу смягчения наказания (32,3%, среднее - 25,4%), строгого наказания просят 2,3% из потерпевших (среднее свыше трех раз больше - 7,5%, а индифферентное отношение отмечается меньше среднего (65,4%, среднее 67,1%). Среди тех, у кого супружеские отношения прекратились, больше всего встречается безразличное отношение к назначаемому виновному наказанию (80,9%, среднее - 67,1%). То же самое следует сказать о потерпевших, состоящих в фактических брачных отношениях. Строгого наказания виновных просят преимущественно те потерпевшие, у которых брачные отношения с виновным после развода в какой-то мере сохранились (10,2%, среднее - 7,5%).

Из таблицы 4 видно, как отношение потерпевшего к назначаемому виновному наказанию зависит от совершенного преступления.

Оказывается, что при умышленном убийстве³⁰ потерпевшие ходатайствовали о суровом наказании виновного более часто,

³⁰ 64,9% из убийств квалифицировались как покушение на убийство.

Т а б л и ц а 3

Отношение потерпевшего к назначаемому наказанию в зависимости от брачных отношений (в %)

Отношение потер- певшего к на- значаемому на- казанию	I : 2 : 3 : 4 : 5 : 6					
	Законный брак	Фактический брак	Разведены, супружеские отношения сохранились	Супружеские отношения прекратились	Отношение потерпевшего, в среднем	
Просит смягчить наказание	32,3	17,7	26,6	14,3	25,4	
Относится безразлично	65,4	78,5	63,2	80,9	67,1	
Просит строго наказать	2,3	3,8	10,2	4,8	7,5	
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	

нем. в случае совершения других преступлений (II, 4%, среднее - 7,5%), а равнодушно относились к назначаемому наказанию более редко, чем это имело место в среднем (соответственно 50,0% и 67,1%). Удивление вызывает, что в 38,6% случаев потерпевшие просили виновного строго не наказывать.

При совершении других основных видов преступлений против своего супруга (телесные повреждения и хулиганство) отношение потерпевших к назначаемому виновному наказанию в целом не отклоняется от среднего. Некоторое исключение составляет лишь хулиганство, за которое ходатайства о суровом наказании встречаются значительно реже среднего (соответственно 4,9% и 7,5%), а также реже, чем при телесных повреждениях (соответственно 4,9 и 7,9%).

В итоге можно утверждать, что отношение потерпевшего к назначаемому наказанию за преступления, совершенные против него, в значительной мере зависит от характера его брачных отношений с виновным - своим супругом, а также от вида совершенного преступления. В то же время не подлежит какому-либо сомнению тот факт, что у супругов-потерпевших не хватает критического отношения к совершенному другим супругом против него преступлению. Это свидетельствует о значительных пробелах в правосознании супруга-потерпевшего. А если, кроме того, иметь в виду, что только 28,3% из виновных чистосердечно раскаялись в содеянном, то можно говорить и о пробелах во всей супружеской этике.

II. Из всех изученных нами дел 35,5% были рассмотрены судами при участии представителей коллективов трудящихся или общественных организаций. Среди указанных лиц преобладающее большинство составляют общественные обвинители - 67,8%. Однако только 23,9% из общественных обвинителей ходатайствовали в суде о строгом наказании для подсудимого. 33,8% из них просили в суде для подсудимого несурового наказания, а 43,3% выразили нейтральное отношение к наказанию.

Материалы уголовных дел свидетельствуют о том, что 18,5% из виновных не работали. Это значит, что по делу остальных 81,5% лиц, совершивших преступления, коллектив должен был бы послать своего представителя в суд.

Следовательно, как качественный, так и количественный уровень участия общественности в разбирательстве дел о преступлениях, совершенных против супруга, является неудовлет-

ворительным.

При пассивном участии представителей трудовых коллективов или общественных организаций в судебном рассмотрении этих дел, а также либеральном отношении общественных обвинителей к подсудимым напрашивается вывод, что порой в коллективах распространены неправильные взгляды на супружескую этику. Бытует понимание, что преступления против своего супруга — это дела семейные, личные, в которые коллективу не следует вмешиваться. Разумеется, от коллектива не требуется разрешения семейных неурядиц, но коллектив должен выразить свое отношение к преступлению. В суде представитель общественности прежде всего должен изложить отношение своего коллектива к преступлению и лицу, совершившему это преступление. Между тем оказывается, что многие общественные обвинители вместо того, чтобы проанализировать поведение подсудимого и высказывать свои соображения о справедливости наказаний, направляют свою критику в адрес супруга подсудимого, т.е. потерпевшего.

В.М. совершил преступление, предусмотренное статьями 15, ч. 2, и 100 УК (покушение на убийство). Общественный обвинитель сказал в суде: "Мы были возмущены, когда узнали о преступлении В.М., но он не опасен для общества. Следует раскрыть, что довело его до этого. По-моему, в этом виновата его жена". Материалами дела установлено, что В.М. и раньше угрожал своей жене убийством. Он хронический алкоголик. Даже трудно поверить, что такие слова мог произнести общественный обвинитель по делу об убийстве.³¹

Общественный обвинитель и защитник — представители социалистического коллектива. Выступление в суде — это важное общественное поручение. Факт совершения преступления в семье не упрощает, а наоборот, усложняет выполнение этой задачи. Коллективы и общественные организации должны проверять качество выполнения этого важного задания.

³¹ Уголовное дело № I-87/1973 г. Тартуского районного народного суда.

KAS KANNATANU ALAEALISUS ON ÕNNESTUNUD KRITEERIUM
KrK § 115 lg. 3 TUNNUSENA?

H. T Õ n i s m ä g i ,
aspirant

1. KrK §-s 115 lg. 3 ettenähtud kuriteo ühiskonna-
ohtlikkus on eriti ilmne juhtudel, kui kannatanuks osutub
alaealine. Selgub see mitmeti - paljudel juhtudel ei ole
alaealisel ettekujutust sugupooltevahelistest suhetest, ta
ei mõista üldse või mõistab mittetäielikult suguakti tä-
hendust, enamuses pole meie alaealised saavutanud suguküp-
sust ning tavaliselt on nad kaugel sotsiaalsest küpsusest.
Kõik see kahjustab alaealise psüühilist ja füüsilist aren-
gut vägivaldse suguakti korral.

Kahjuks on nende vägistamiste arv, kus kannatanuks
osutub alaealine, erialase kirjanduse andmetel küllaltki
suur: J. Jakovlevi järgi on sõrased vägistamisi 20,7 %¹,
A. Ignatovi järgi - 40 %², A. Gertsensoni järgi - 49 %³,
NSV Liidu Prokuratuuri instituudi andmetel - 39,5 %⁴. Küll-
altki märkimisväärse osa alaealistest kannatanutest mood-
ustavad kurjategijate perekonnaliikmed (tütar, kasutütar)
või muud lähedased sugulased - L. Andrejeva järgi 19,6 %⁵,
J. Jakovlevi järgi - 9,7 %⁶.

Võrdluseks esitame meie vabariigi kohta andmeid va-
likuuringu alusel (1975. - 1976. a.), mis hõlmas Eesti NSV

¹ Я.М. Яковлев. Половые преступления. Душанбе, 1969, с.244.

² А.Н. Игнатов. Квалификация половых преступлений. М., 1974, с.94.

³ А.А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970, с.83.

⁴ Личность преступника. М., 1971, с.197.

⁵ Л.А. Андреева. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Канд. дисс. Л., 1962, с.151.

⁶ Я.М. Яковлев. Указ. работа, с.245.

Ülemkohtus arutatud 50 konkreetset kriminaalasja. Kannatanute koguarv oli 57. Meie vabariigi ulatuses on selline arv küllaltki usaldusväärne, sest on hõlmatud mitme aasta andmed seda liiki asjades.

Vägistamisel kannatanute vanust iseloomustavad tabelis 1 toodud andmed. Kannatanute vanusegrupid on valitud sellise arvestusega, et oleks võimalik võrrelda kirjanduses avaldatud andmetega.

T a b e l 1

Vägistamisel kannatanute vanus (%)

Kannatanu vanus täisaastates	kuni 12 a.	12- 13 a.	14 - 15 a.	16 - 17 a.	Kok- ku
Besti NSV-s	26,3	17,5	26,3	29,8	100
A. Ignatovi andmetel Vene NFSV-s	18	16	24	42	100
J. Jakovlevi andmetel Tadžiki NSV-s ⁷	37,5	37,5	14 - 17 a. 25		100

Tabelist nähtub, et tunduvalt enam kui 1/3 kannatanute vanus oli meie vabariigis alaealise vägistamise korral alla 14 aasta, alla 10 aasta oli 11 isikut (seega 1/5 alaealistest kannatanutest). See viitab vajadusele tõhus-tada võitlust just lapsealiste vägistamise vastu, võivad ju nemad oma naiivsuse ja elukogemuste puudumise tõttu sattuda palju kergemini situatsioonidesse, mis võivad viia vägistamiseni. Seda kinnitab TRÜ pedagoogika kateedri dotsendi H. Kurmi uurimus, mis hõlmab 42 raskestikasvatatavat tütarlast. Nendest oli esmakordselt sugulises vahekorras 12-aastaselt 2,4 %, 13-aastaselt - 23,8 %, 14-aastaselt - 14,3 % ja 15-aastaselt - 21,4 %.⁷ Seega vähemalt 61,5 % raskestikasvatatavatest tütarlastest oli sugulises vahekorras olnud enne 16-aastaseks saamist. H. Kurm oli arvesse võtnud vaid esimest seksuaalvahekorda. Enamikul neist olid aga korduvad sugulised vahekorrad, seejuures erinevate partne-

⁷ H. K u r m . Raskestikasvatatavate tütarlaste arengutee - Alaealiste kuritegevusest ja selle ärahoidmisest. Koost. K. K i m m e l , Tln., 1966, lk. 42.
J. Jakovlev põhjendab siin erinevust vanade kommete ja religioossete tavade, mille järgi pannakse mehele tütarlapsi, kes pole jõudnud abieluikka.

ritega. Süüdlased jäid vastutusele võtmata aga peamiselt selle tõttu, et tütarlapsed ise ei olnud sellest vähimalgi määral huvitatud. Seksuaalkuritegude leviku tõusu alaealiste hulgas meie vabariigis on märgitud ka H. Randalu ja J. Napa uurimuses.⁸ Eeltoodu teeb alaealise sugulise puutumatus kaitse meie vabariigis eriti aktuaalseks.

2. Võitluses selliste ohtlike rünnete vastu nagu alaealiste vägistamine ei saa kriminaalseaduse osa alahinnata. Seejuures on aga vajalik diferentseeritud lähenemine vägistamise mitmesugustele juhtudele. Ise küsimus on, kas kannatanu alaealisus on selleks kõige õigemaks kriteeriumiks, mida vastutuse diferentseerimisel arvesse võtta ning millest lähtudes tunnistada vägistamine toime panduks eriti raskendavatel asjaoludel. Selles küsimuses on avaldatud kõige rohkem eri seisukohti.

Alaealise vägistamise tunnistamine eriti raskendavatel koosseisulistel asjaoludel toimepanduks tuleneb praegu üleliidulisest normist⁹ ning sellisena on nimetatud eriti kvalifitseeriv tunnus ühtviisi kõigi liiduvabariikide KrK-des. Milliseid kvalifitseerivaid tunnuseid pakutakse siis alaealisuse kui vastutust eriti raskendava koosseisulise tunnuse asendamiseks? Levinum on ettepanek lugeda selliseks tunnuseks kannatanu suguküpsust.¹⁰

B. Blinderi arvates olevat väga raske tuvastada 16 - 17-aastaste tütarlaste vanust välimuse järgi. Suguküpsust olevat kergem märgata, kuna see väljenduvat nii käitumises kui ka psüühikas. Eksimine olevat siin vähem tõenäoline kui vanuse hindamisel. Suguküpsusena mõistab B. Blinder võimet astuda ilma tervise kahjustuseta sugulisse vahekorda, eostada, sünnitada ja toita last, samuti ka õiget ettekujutust suguaktist ja selle tagajärgedest. B. Blinder teeb

⁸ H. R a n d a l u . J. N a p a . Eesti NSV-s aastail 1964-1967 kohtu alla antud alaealiste kuritegevusest - "Nõukogude õigus" 1968, nr. 5, lk. 278.

⁹ NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 15. veebr. 1962.a. seadlus - NSVL ÜT, 1962, nr. 8, art. 84.

¹⁰ Б.А. Б л и н д е р. Уголовноправовая охрана свободы и достоинства женщины. Научные труды Ташкентск. ун-та. Вып. 370. 1970, с.95 - 199.

ettepaneku 14 - 18-aastaste kannatanute vägistamise puhul teostada igal konkreetsel juhul kohtumeditsiiniline ekspertiis kannatanu suguküpsuse küsimuses.

Ometi pole suguküpsus üksnes bioloogiline, vaid bioloogilis-sotsiaalne mõiste. Siiani ei ole kindlaid kriteeriume, mille alusel saab kategooriliselt väita, et isik on teataval momendil saavutanud suguküpsuse. See on sügavalt individuaalne nähtus. Kuidas suudaks kannatanu suguküpsust määrata kurjategija, kui spetsialistidelegi tekitab see raskusi. Teisiti on meie arvates vanuse tuvastamisega - see võib selguda jutuajamisest (kas tütarlaps käib koolis või tööl), isiku viibimisest teatavais kohtades (näiteks õhtusel ajal restoranis), riietusest või kaasasolevatest esemetest (näiteks koolivormi kandmisest, kaasasolevast rantsast jne.) ning muidugi ka dokumentidest. Igal juhul on süüdistataval kergem saada andmeid kannatanu vanuse kui tema suguküpsuse kohta. J. Jakovlevi arvates kaasnevad elukogemused (ohtlikku situatsiooni sattumise vältimiseks) just isiku vanusega, mitte tema suguküpsusega.¹¹

A. Ignatov peab õigeks, kui KrK § 115 lg. 3 järgi loetakse kannatanuiks nooremaid kui 16-aastasi naisisikuid, kuna enamik 17-aastasi tütarlapsi on juba saavutanud suguküpsuse. Seega jagab ta kaudselt B. Blinderi seisukohta. 16-aastast vanusepiiri peab A. Ignatov õigeks seepärast, et nii KrK §-s 115 lg. 3 kui ka KrK §-s 116 (meie vabariigi KrK järgi) peaks olema fikseeritud ühtne vanusepiir.¹²

On avaldatud ka arvamust, et eriti ohtliku vägistamisena tuleb käsitleda mitte alaealise, vaid abiellumisikka veel mittejõudnud naisisiku vägistamist. On ju reas vabariikides (Ukraina, Usbeki, Eesti NSV-s) lubatud abielluda 17- või isegi 16-aastaselt. A. Ignatov, kes seda seisukohta kaitseb, arvab, et on väär kvalifitseerida abielus, isegi lapsi omava, kuid täisikka veel mittejõudnud naisisiku vägistamist alaealise vägistamisena, kuna sel juhul puudu-

¹¹ Я.М. Яковлев. Половые преступления. Душанбе, 1969, с.248.

¹² А.Н. Игнатов. Квалификация половых преступлений. М., 1974, с.187 - 189.

vat kuriteo kõrgendatud ühiskonnaohtlikkus.¹³ Ka M. Šargorodski jagab seda seisukohta.¹⁴

Eelnimetatud autoritele vaidleb vastu J. Jakovlev, kes väidab õigesti, et kõik see, mis kehtib alaealise kriminaalõigusliku kaitse kohta, laieneb ka alaealisele abielunaisele.¹⁵ Küll aga soovitab J. Jakovlev jagada alaealised vanuse järgi kahte rühma - nooremad kui 14-aastased ja 14-17-aastased ning kvalifitseerida nende vägistamised vastavalt KrK-s vägistamist ettenägeva paragrahvi lg. 2 või lg. 3 järgi.¹⁶ Siiski ei saa seda seisukohta toetada, kuna uurimisorganid ja kohus selle ettepaneku vastuvõtmise korral satuksid veel suurematesse raskustesse kuriteo subjektiivse külje tuvastamisel. On ju selge, et vahetegemine 13- ja 14-aastase tütarlapse vahel on veelgi komplitseeritum kui alaealise eristamine täiskasvanust.

Õeldust järeldub, et seni ei ole kriminaalõigusteadlased ega ka kohtupraktika leidnud sobivat kriteeriumi vägistamise liikide eristamisel sõltuvalt kannatanust, kui seda on alaealisus ning selle kriteeriumi on fikseerinud ka kehtiv kriminaalkodeks. Leiame, et see kriteerium on õige.

3. Alaealiste vägistamiste ärahoidmise seisukohalt on oluline, et kuriteost saaksid õiguskaitse organid võimalikult kiiresti teada. Kohtupraktika näitab aga, et seal, kus kannatanu on kurjategija perekonnaliige (kasutütär, tütar) või muu lähedane sugulane või tuttav, õnnestub kuriteo fakt avalikuks teha tavaliselt alles pikema ajavahemiku möödumisel. Sugulised vahekorrad alaealisega on seejuures aga olnud süstemaatilised ja kestnud pikemat aega. Meie poolt uuritud 57 kannatanust olid sellise süstemaatilise vägistamise objektiks 12 (20,1 %). Kohtualuse ja kannatanu suhteid iseloomustavad järgmised arvud: 6 kannatanut olid

¹³ А.Н. И г н а т о в. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М., 1966, с. 132-133.

¹⁴ М.Д. Ш а р г о р о д с к и й. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953, с.100.

¹⁵ Я.М. Я к о в л е в. Указ. работа, с.249 - 250.

¹⁶ Sealsamas, lk. 250.

kohtualuse tütreid (10,5 %), 8 - kasutütred (14 %), 1 - õde (2 %), muud sugulased - 3 (6 %), 6 - kooliõed, naabrid - (10,5 %), 14 - tuttavad (25 %) ning 18 - v88rad (32 %).

Siit j8uame olulisele järeldusele. Kuna kurjategijal on lähedaste isikute ründamisel rida eeliseid: soodsa kuriteokohta valik, kannatanu ei oota rünnet lähedaselt isikult, usaldab teda, ei võta kasutusele enesekaitsevahendeid, teda on kergem šantažeerida kuriteost vaikima sundimiseks, lühidalt - kuritegu on kergem toime panna ja kergem varjata, siis on seda liiki kuriteod ühiskonnaahtlikumad, ühiskonnaahtlikum on ka kuriteo subjekt ise ning seda asjaolu peaks ka kriminaalseadus vastutuse diferentseerimisel arvestama. Eeltoodut tuleks laiendada ka muudele rasketele isikuvastastele kuritegudele (näit. tapmisele). Kelnevast lähtudes peame õigeks üldosa vastava normi (KrK § 38 p. 5) täiendamist nii, et kuriteo toimepanemine oma perekonnaliikme või muu lähedase sugulase kallal loetakse karistuse mõistmisel vastutust raskendavaks asjaoluks.

Eesti NSV Ülemkohus on antud kateooria asjades kannatanu sõltuvust süüdlasest (perekonnaliige, lapsevanem) arvestanud vaid üksikutel juhtudel, kuigi alust selle rakendamiseks oli. See ei jää kajastamata ka karistuspraktikas.

4. NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 15. veebr. 1962. a. seadlusega "Kriminaalvastutuse tugevdamisest vägistamise eest"¹⁷ kehtestati eriti raskendavatel asjaoludel (KrK § 115 lg. 3) vägistamise eest vabadusekaotus 8 - 15 a., erandlikel juhtudel aga isegi kõrgeima karistusemäära kohaldamise võimalikkus. 14 aastat on möödunud selle seaduse jõustumisest. On huvi pakkuv kontrollida, kuidas kohtud seaduses ettenähtud sanktsioone rakendavad. Kuna alaealiste suhtes on vabadusekaotuse ülemmääraks 10 a., on vaja eristada alaealiste ja täiskasvanute suhtes KrK § 115 lg. 3 järgi kohaldatavaid karistusi. Kohtustatistikas näidatakse vabadusekaotuse intervallidena 1 - 2 a., 2 - 3 a., 3 - 5 a., 5 - 8 a. (8 on kaasa arvatud), mistõttu on raske otsustada, kui sagedasti on karistus mõistetud alla seaduses ettenähtud alamääraks (KrK § 39). Seaduse järgi on KrK § 39 kohaldatav küll

¹⁷ NSVL ÜT, 1962, nr. 8, art. 84.

vaid erandlikel asjaoludel, siiski on KrK § 115 järgi süüdimõistetute suhtes see tüüpiline ja laialt levinud. Nii mõisteti (5 a. näitajate alusel 1972. - 1976. a.) KrK § 115 lg. 3 järgi 66,2 %-le süüdimõistetutest karistuseks vabadusekaotus alla 8 a., § 115 lg. 1 järgi süüdimõistetute hulgas oli sähvaseid isikuid, kelle suhtes kohaldati KrK § 39 seevastu üksnes 12,2 %.

Alaealiste kohta saame esitada järgmised arvud: KrK § 115 lg. 3 järgi süüdimõistetuid karistati vabadusekaotusega alla 5 a., s. o. tunduvalt alla seaduses ettenähtud alamäärana 63 % kohtualustest.¹⁸ Lisame, et alaealistest KrK § 115 lg. 3 järgi karistati 1 - 2-aastase vabadusekaotusega aga 5 % ja 2 - 3-aastase vabadusekaotusega 15 % alaealisi süüdimõistetuid. Siit võib teha kaksipidise järelduse - kas karistuspraktika vägistamise asjades on ilmselt liberaalne või ei ole seaduses kehtestatud sanktsioonid kooskõlas vaadeldava kuriteoliigi ühiskonnaohtlikkusega. Üks on aga selge: kõrgeima karistumäärana kehtestamiseks ei olnud vajadust. Vägistamised seoses kannatanu tapmisega on ju ette nähtud KrK § 101 p. 3. Isegi vabadusekaotuse ülemäärana (15 a.) on vaadeldud perioodil mõistetud vaid üksikutel juhtudel.

Illustreerime õeldut ka meie valikuurimise tulemustega, kus analüüsiti 50 kriminaaltoimikut 79 kohtualusega. Vabadusekaotusega alla 8 a. karistati 25 %, 8 - 10 a. - 48%, 11 - 14 a. - 21,5 % kohtualustest, vabadusekaotust tähtajaga 15 a. ei mõistetud kordagi, ühel korral kohaldas kohus kõrgeimat karistumäärana - surmanuhtlust, kuid Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium andis sel juhul armu ning surmanuhtlus asendati 15-aastase vabadusekaotusega.

Kõrge on ka KrK § 115 lg. 3 sanktsiooni määr juhtudel, mil alaealine on alaealisega vägivaldses sugulises vahekorras. Nendel juhtudel on vabadusekaotuse alam- ja ülemäärana vahe vägistamise eest vaid 2 aastat (8 - 10 aastat), kusjuures 10 a. on isegi vabadusekaotuse kui karistusliigi ülemäär üldse alaealiste jaoks. Alaealisi on aga KrK §

¹⁸ Alaealiste karistuse osas on kohtustatistikas sellesid vabadusekaotuse intervallid nagu 3-5 a. ja 5-10 a., mis samuti ei võimalda otsustada KrK § 39 kohaldamise üle.

115 järgi süüdimõistetute hulgas arvukalt (30,6 % 1972. - 1976. a.).

Vaatamata sellele, et meie arvates on karistuspraktika vägistamise asjades üldiselt õige, tuleks siiski muuta KrK § 115 lg. 3 sanktsiooni alam- ja ka ülemmäära karistuse kergendamise suunas.

Karitegevuse vastu võitlemise seisukohalt on vähese efektiivsusega seaduse järgi ähvardav karistus, mida tegelikult ei kohaldata. Võrratult suurem on normi mõjujõud, mida tõepoolest täie ranguse ja järjekindlusega kohaldatakse.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ПОТЕРПЕВШЕЙ
УДАЧНЫМ КРИТЕРИЕМ В КАЧЕСТВЕ ПРИЗНАКА
СТ. 115, Ч.3, УК?

Х. Тынисмяги, аспирант

Р е з ю м е

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 115, ч.3, УК, особенно значительна в тех случаях, когда потерпевшая оказывается несовершеннолетней. Пагубное воздействие насильственного полового акта на психическое и физическое развитие несовершеннолетней не подлежит сомнению. Почти все убийства детей в нашей республике совершены именно по сексуальным мотивам и сопряжены с изнасилованием.

Автором обобщены 50 уголовных дел об изнасиловании несовершеннолетних, рассмотренных в 1975-1976 годах Верховным Судом Эстонской ССР. В масштабах нашей республики такое количество дел вполне достаточно по своей репрезентативности для соответствующих выводов.

При группировке потерпевших по возрасту выяснилось, что в возрасте до 12 лет было 26,3% потерпевших, от 12 до 13 лет - 17,5%, от 14 до 15 лет - 26,3% и от 16 до 17 лет - 29,8%. В возрасте ниже 10 лет было 11 потерпевших, то есть одна пятая от их общего количества.

Анализируя опубликованные в печати предложения о замене в ст. 115, ч. 3, УК такого особо отягчающего признака, как "несовершеннолетней" признаками "не достигшей половой зрелости" (Б.Блиндер), "не достигшей 16 лет" (А.Игнатов), "не достигшей брачного возраста" (М.Шаргородский, А.Игнатов), "в

возрасте до 14 лет" (отягчающий признак) и "от 14 до 17 лет" (Я.Яковлев), автор находит, что с точки зрения установления субъективной стороны преступления наиболее приемлемо признание изнасилования несовершеннолетней, совершенным при особо отягчающих обстоятельствах любым.

В статье анализируются также взаимоотношения обвиняемого и потерпевшей. Оказывается, что обвиняемый часто бывает связан с потерпевшей близким родством: потерпевшая являлась его дочерью (10,5%), падчерицей (14%), сестрой (2%), другой родственницей (6%), соученицей, соседкой (10,5%), знакомой (25%), либо посторонним по отношению к нему лицом (32%).

Нападение на близкого человека дает преступнику ряд преимуществ - выбор удобного ему места преступления, возможность шантажировать потерпевшую, добиваясь сокрытия преступления и т.п., такое преступление обвиняемому легче совершить и легче скрыть. Тем самым общественная опасность преступления повышается. В судебной практике нашей республики это обстоятельство учитывается недостаточно.

В карательной практике наблюдается частое применение к лицам, осужденным за изнасилование, мер наказания ниже низшего предела, предусмотренного законом. Так, из числа осужденных по ст. 115, ч. 3, УК к лишению свободы сроком до 8 лет было приговорено 66,2% лиц (по данным статистики за пять лет - 1972-1976 гг.), но по ст. 115, ч. 1, УК только лишь 12,2% лиц было приговорено к срокам ниже низшего предела (3 года).

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что 63% несовершеннолетних осужденных были приговорены по ст. 115, ч. 3, УК к срокам лишения свободы ниже 5 лет, т.е. значительно ниже низшего предела, предусмотренного законом, к лишению свободы от 1 до 2 лет - 5% и от 2 до 3 лет - 15% осужденных.

По нашему мнению, такую карательную практику нельзя признать явно либеральной, однако следовало бы изменить санкцию ст. 115, ч. 3, УК в сторону смягчения низшего и высшего пределов наказания.

С точки зрения эффективности борьбы с преступностью, угрожающее по закону наказание не дает должного эффекта, если оно не применяется на самом деле. Неизмеримо действеннее тот закон, который ежедневно применяется со всей последовательностью.

KROONILISTE ALKHOOLIKUTE POOLT TOIMEPANDAVATEST
KURITEGUDEST JA NENDE ÄRAHOIDMISEST

H. K ä r t n e r ,
õigustead. kandidaat

Meil pannakse enamuse kuritegudest toime otseses seoses alkoholi kuritarvitamisega (jooabeseisundis, alkohoolsete jookide saamiseks ja krooniliste alkohoolikute poolt). Lisaks sellele soodustab või põhjustab alkoholism kuritegevust ka kaudsel viisil. Nii satuvad alkohoolikute ohjeldamatuse või muidu negatiivse käitumise tõttu sageli kuritegelikule teele ka nende mõju all olevad isikud (perekonnalikmed, sõbrad, tuttavad, lähemad töökaaslased, naabrid jt.).¹

Allpool peatume mõnedel küsimustel, mis on otseselt seotud krooniliste alkohoolikute poolt toimepandavate kuritegudega ja nende ärahooldamisega, leidmaks teid ja võimalusi nende kuritegude profülaktika tõhustamiseks.

Statistilise materjali osas tuginetakse käesolevas artiklis kriminaalasjadele, mille eest süüdlasi karistasid Tartu ja Kohtla-Järve linna rahvakohtud ning vastavalt kohtualluvusele Eesti NSV Ülemkohus erinevatel aastatel: Tartu osas aastatel 1958, 1964, 1970 ja 1973 ning Kohtla-Järve osas aastatel 1964 ja 1970. Uurimine on valikuline: vaatluse alla on võetud kõik nimetatud kriminaalasjades süüdimõistetud, kelle kohta vastavates kriminaaltoimikutes leidis materjale, millest nähtus, kas süüdimõistetud oli krooniline alkohoolik või mitte (või võis eeldada, et ta ei ole krooniline alkohoolik, kuna toimikus viiteid kroonilisele alkoholismile ei esinenud)². Peale selle on kasutatud

¹ Nii näiteks iseloomustab umbes 60 % alaealiste kurjategijate vanemaist joomarlus. Vt. Г.М. М и н ъ к о в с - к и й. Основные направления и этапы развития исследований проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних. - Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 20. М., 1974, с.43.

² Lugeja tähelepanu tuleb pöörata sellele, et kriminaaltoimikus ei leidunud neid materjale enamiku süüdimõistetute kohta. Nähtavasti puudus ka vajadus vastavaid andmeid koguda, kuna midagi ei osutanud sellele, et isik võiks

võrdluseks vastavaid koondandmeid ka hilisemast ajast.

Vaadeldavatest kuritegudest on kroonilised alkohoolikud toime pannud ligi ühe kolmandiku - 31,9 %. Võrdluseks märgime, et krooniliste alkohoolikute protsent on kurjategijate hulgas olnud suur ka hilisematel aastatel. Näiteks oli see Tartus 1975. a. 33,1 % ja 1977. a. 29,4 %.

Krooniliste alkohoolikute poolt toimepandavate kuritegude protsent on kuriteorühmade ja -liikide lõikes vägagi erinev.

Käesoleva uurimuse andmeil oli krooniliste alkohoolikute poolt toimepandud kuritegude protsent suhteliselt kõige suurem valitsemiskorravastaste kuritegude rühmas. Nendest kuritegudest panid kroonilised alkohoolikud toime üle 2/3 (69,8 %). Väga suur oli krooniliste alkohoolikute protsent ka isikuvastaste kuritegude rühmas: ligemale pool (48,7%) isikuvastastest kuritegudest. Õigusemõistmise vastu suunatud kuritegudest panid kroonilised alkohoolikud toime 38,5%, ühiskondliku korra ja ühiskondliku julgeoleku vastu suunatud kuritegudest ligemale 1/3 (32,7 %), riigi ja ühiskonna vara vastu suunatud kuritegudest 23,6 % ja kodaniku isikliku vara vastu suunatud kuritegudest 23,3 %.

Valitsemiskorravastaste kuritegude rühmas on krooniliste alkohoolikute protsent silmatorkavalt suur süüdimõistetute hulgas, keda on karistatud vastuhakkamise eest miilitsatõotajale või rahvamalevlasele, kes täitis neile pandud kohustust ühiskondliku korra kaitsmisel. Sellega kaasnes vägivald või vägivallaga ähvardamine, samuti nende isikute sundimine vägivallaga või vägivallaga ähvardamise teel ilmselt ebaseaduslikule teole (Krk § 182¹ lg. 2). Nende kuritegude eest süüdimõistetutest oli kroonilisi alkohoolikuid 71,4 %.

Krk §-s 182¹ lg. 2 ettenähtud kuriteo toimepanemises avaldub teravalt ühiskonnavastane suhtumine avalikusse korrasse. Sellist suhtumist esineb krooniliste alkohoolikute juures sageli, eriti siis, kui nad on jooobeseisundis. Krk §-s 182¹ ettenähtud vastuhakkamised miilitsatõotajale või rahvamalevlasele pannakse aga üldreeglina toime jooobeseisundis, käesoleva uurimuse andmeil - 97,1 %.

olla krooniline alkohoolik. Kuid muidugi ei saa välistada võimalust, et käesolevate isikute hulgas võib siiski leida ka kroonilisi alkohoolikuid. - Toimetaja märkus.

Veelgi suurem oli krooniliste alkohoolikute protsentsüüdimõistetute hulgas, keda karistati passita või sissekirjutamata elamise eest, kui aasta kestel oli süüdlase suhtes samasuguse seaduse rikkumise eest kohaldatud administratiivkaristust (KrK § 189 lg. 2) ja nimelt 84,6.

Administratiivjärelevalve eeskirjade kuritahtliku rikkumise eest (KrK § 189²) süüdimõistetutest moodustasid kroonilised alkohoolikud 60 %. See on ka mõistetav, sest administratiivjärelevalvet rakendatakse üksnes nende kinnipidamiskohtadest vabanenud isikute suhtes, kes on a) kohtu poolt tunnistatud eriti ohtlikeks retsidivistideks; b) karistatud vabadusekaotusega raskete kuritegude eest või karistatud vabadusekaotusega enam kui kaks korda ükskõik milliste tahtlikult toimepandud kuritegude eest, kui nende käitumises karistuse kandmise ajal kinnipidamiskohas ei ilmenud püsivat tahtmist asuda paranemise teele ja ausalt tööle hakata; c) karistatud vabadusekaotusega raskete kuritegude eest või karistatud vabadusekaotusega enam kui kaks korda ükskõik milliste tahtlikult toimepandud kuritegude eest, kui nad pärast karistuse ärakandmist või tingimisi enne tähtaega karistusest vabanemist süstemaatiliselt rikuvad ühiskondlikku korda ja sotsialistliku ühiselu reegleid ning jätkavad miilitsaorganite hoiatusest hoolimata ühiskonnavastast eluviisi.²

Seega on administratiivjärelevalve eeskirjade rikkujateks tavaliselt isikud, kelle kuritegelik ja üldse ühiskonnavastane hoiak on tugevalt välja kujunenud. Selliste isikute hulgas on krooniliste alkohoolikute osakaal aga küllaltki suur.

I s i k u v a s t a s t e kuritegude rühmas on krooniliste alkohoolikute protsentsuur eelkõige KrK §-s 121 ettenähtud kuriteo, s. o. lapsele alimentide maksmisest kõr-

² Vt. lähemalt NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 1966.a. 26. juuli seadlusega kinnitatud "Kinnipidamiskohtadest vabastatud isikute üle miilitsaorganite administratiivjärelevalve põhimäärus" (NSVL ÜT 1966, 30, 597) ja NSVL Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 12. juuni 1970. a. seadlus "Muudatuste tegemisest "Kinnipidamiskohtadest vabastatud isikute üle miilitsaorganite administratiivjärelevalve põhimääruses"" (NSVL ÜT 1970, 24, 206).

valehooldumise tõttu. KrK § 121 järgi süüdimõistetuid oli kroonilisi alkohoolikuid 80,4 %. Et KrK § 121 järgi süüdimõistetuid moodustavad rõhuva enamiku kroonilised alkohoolikud, seletub eelkõige selle kuriteo olemusega. Nimelt eeldab selle vältava kuriteo toimepanemine tugevalt väljakuju-
nenud ühiskonnavastast hoiakut.

Tahtliku tapmise (KrK §-d 100 ja 101) ning kehavigastuse tahtliku tekitamise (KrK §-d 107, 108 ja 112) eest süüdimõistetuid moodustasid kroonilised alkohoolikud 40,4 %, sealhulgas mõrvaritest 30 % ja ülliraske kehavigastuse tahtliku tekitamise eest süüdimõistetutest 50 %.³

Samal ajal oli vägistajate hulgas kroonilisi alkohoolikuid palju vähem - vaid 5,9 %. Ühelt poolt seletub see muudugi asjaoluga, et vägistajate hulgas on suhteliselt palju noorukeid, sealhulgas alaealisi. Noorukite seas on aga krooniliste alkohoolikute protsent väike. Samuti tuleb arvestada seda, et vägistamine kuulub suurel määral nn. situatsioonikuritegude hulka. Selle kuriteo toimepanemisel ei etenda kroonilisele alkohoolikule iseloomulik tugevalt väljakujuenenud ühiskonnavastane hoiak ligilähedaseltki nii olulist osa kui näit. mitmete vältavate kuritegude toimepanemisel. Vägistamisel etendab antud momendiks väljakujuenenud situatsioon (näiteks joobeseisundist tingitud ohjeldamatus või kannatanu kergemeelne käitumine joomaseltskonnas) hoopis suuremat osa kui see, kas kurjategija on krooniline alkohoolik või mitte.

Siinkohal olgu märgitud, et meie uurimuse andmeil pandi isikuvastastest kuritegudest joobeseisundis toime 4/5 (80,6 %), sealhulgas 82,4 % tahtlikke tapmisi, 91,5 % kehavi-

³ V. Raudsalu andmetel, mis tuginevad 100 tahtlikus tapmises KrK §-de 100-104 järgi süüdimõistetud kriminoloogilisele uurimisele, oli nende hulgas alkoholi liigtarvitajaid 72 %, sealhulgas kroonilisi alkohoolikuid 26 %. Vt. V. R a u d s a l u. Tahtlikus tapmises süüdimõistetute isiksuse struktuurist. - TRÜ Toimetised. Vihik 257. Kriminoloogia-alaseid töid II. Tartu, 1970, lk. 73. E. Pähna andmeil, kes uuris Võru rajooni 1964., 1970., 1972., 1973. ja 1974. aasta kriminaalasju, oli isikuvastaste kuritegude eest süüdimõistetutest kroonilisi alkohoolikuid 44,6 %, sealhulgas tahtliku tapmise ja kehavigastuse tekitamise eest süüdimõistetutest 30 %. Vt. E. P ä h n a. Krooniliste alkohoolikute poolt toimepandud kuriteod (kriminoloogiline uurimus Võru rajooni materjalide alusel). Tartu, 1975, lk. 33 - 34 (diplomitöö TRÜ õigusteaduskonnas).

Gastuste tahtlikke tekitamisi ja mitmeid muid vägivallategusid isiku kallal (KrK §-d 107-114) ning 80,8 % vägistamisi.⁴

Need andmed viitavad sellele, et joobeseisundis vägistajatest moodustavad põhilise osa alkoholi kuritarvitajad, kes ei ole (või veel ei ole) kroonilised alkohoolikud. Sama on täheldatav ka enamiku teiste tahtlikult toimepandavate vägivaldsete isikuvastaste kuritegude puhul, kuid hoopiski mitte nii teraval kujul kui vägistamiste puhul.

Õigusemõistmise vastu suunatud kuritegudest panid kroonilised alkohoolikud toime 38,5 %. Seejuures langes KrK §-s 178 (kuritahtlik kõrvalehoidumine paranduslikust tööst) ja KrK §-s 177 lg. 1 (põgenemine asumiselt või teel sinna) ettenähtud kuritegudest krooniliste alkohoolikute arvele 55 %.

Ühiskondliku korra ja ühiskondliku julgeoleku vastu suunatud kuritegudest panid kroonilised alkohoolikud toime 32,7 %. Peaaegu niisama suur - ja nimelt 32,6 % oli krooniliste alkohoolikute protsent sellesse rühma kuuluva arvukaima kuriteoliigi - huligaansuse - toimepanijate hulgas.

Teatavasti on huligaansus tüüpiline joobeseisundis toimepandav kuritegu. Käesoleva uurimuse andmeil pandi joobeseisundis toime 93,4 % huligaansusi, sealhulgas KrK § 195 lg. 3 järgi kvalifitseeritavatest huligaansustest (eriti kuritahtlik huligaansus) 96,1 %, KrK §-s 195 lg. 1 ettenähtud huligaansustest 94,1 % ja lg. 2 järgi kvalifitseeritavatest huligaansustest (kuritahtlik huligaansus) 93,0 %.⁵ Seepärast

⁴ K. Marks'i andmeil moodustasid Eesti NSV-s aastail 1962-1968 tahtliku tapmise eest süüdimõistetuid 61,5-84,3 % ja vägistamise eest süüdimõistetuid 66,6-89,7 % need, kes olid nimetatud kuriteod toime pannud joobeseisundis. Vt. K. Marks. Alkohol, kuritegevus ja kained arvud. - "Nõukogude Õigus", 1969, nr. 3, lk. 170; Ü. Rootsi andmeil pandi Eesti NSV-s (1974. a. I poolel) tahtlikest tapmistest 77,8 %, ülliraske kehavigastuse tahtlikest tekitamistest 90,6 % ja vägistamistest 93,1 % toime joobeseisundis. - Vt. Ü. Rootsi. Sõda alkoholismile! - "Rahva Hää", 30. juulil 1974.

⁵ Kuna sageli on särmiselt raske, real juhtudel aga praktiliselt võimatu vajalikus korras tõestada fakti, et kuritegu pandi toime joobeseisundis, siis on arusaadav, et vasta-

ka fakt, et ligemale 1/3 huligaansuse eest süüdimõistetuid on kroonilised alkohoolikud, ei ärata tähelepanu. Küll aga äratatakse sellest aspektist tähelepanu, et KrK §-s 195 lg. 1 (huligaansuse põhikoosseis) ettenähtud kuritegude eest süüdimõistetuid moodustasid kroonilised alkohoolikud 44,2 %, lg. 2 järgi süüdimõistetuid 26,3 % ja lg. 3 järgi süüdimõistetuid 59,1 %.

Paistab teravalt silma, et meie kohtupraktikas kõige sagedamini esineva huligaansuse ja nimelt KrK § 195 lg. 2 järgi kvalifitseeritava kuritahtliku huligaansuse eest⁶ süüdimõistetute hulgas on kroonilisi alkohoolikuid suhteliselt vähem (26,3 %), kuigi ka rõhuv enamik (93,0 %) nendest huligaansustest pandi toime jooesiseisundis. Seega on põhiline osa kuritahtliku huligaansuse toimepanijaist küll alkoholi kuritarvitajad, kuid ei kuulu (või ei kuulu veel) krooniliste alkohoolikute hulka. Põhiliselt seletub see asjaoluga, et KrK § 195 lg. 2 järgi süüdimõistetute hulgas on noorte osakaal suur (märksa suurem kui KrK § 195 lg. 1 või lg. 3 järgi süüdimõistetute hulgas).

KrK §-s 197 ettenähtud auto või muu mehhaniseeritud transpordivahendi ärandamise eest süüdimõistetuid moodustasid kroonilised alkohoolikud umbes 1/4 (25,5 %). Arvestades seda, et auto või muu mehhaniseeritud transpordivahendi ärandajate hulgas on üldteadaolevalt suhteliselt palju noori, tuleb seda protsenti siinkohal pidada kõrgeks.

KrK §-s 204 ettenähtud transpordivahendi ohutu liiklemise või ekspluateerimise eeskirjade rikkumise eest isiku

vad statistilised andmed kajastavad antud ajavahemikus ja kohas jooesiseisundis toimepandud kuritegude minimaalarvu. - Alkoholi jooesiseisundi tuvastamise meditsiinilistest probleemidest vt. E. K a r u . Alkoholi jooesiseisundi ekspertiis. - "Nõukogude Eesti Tervishoid", 1974, nr. 6, lk. 485-487 ja seal osund. kirjandus. Vt. ka E. K a r u . Bemerkungen zur Einteilung der Blutalkoholkurve. "Blutalkohol. Alcohol, Drugs and Behavior". Hamburg. Vol. 12. Nr. 5. September 1975. S. 307 - 315 ja seal osund. kirjandus; И. В. С т р е л ь ч у к . Острая и хроническая интоксикация алкоголем. М., 1966, с. 57 - 67; Э. Ю. К а р у . О некоторых теоретических основах диагностики алкогольного опьянения. - "Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова". Т. LXX. Вып. 8. М., 1970, с. 1246 - 1249. ja seal osund. kirjandus.

⁶ Vaadeldavates kriminaalasjades moodustasid huligaansuse eest süüdimõistetuid KrK § 195 lg. 2 järgi karistatud 74 %.

poolt, kelle juhtimisel on transpordivahend, süüdimõistetutest moodustasid kroonilised alkohoolikud vaid väikese osa - 4,3 %. Krooniliste alkohoolikute protsent selle kuriteo toimepanijate hulgas ei saagi olla suur. Kuna kontroll liikluse üle on küllaltki tugev, siis ei saa krooniline alkohoolik üldreeglina - isegi siis, kui tal on korda läinud endale juhiloa hankida - pikemat aega juhtida autot või muud mehhaniseeritud transpordivahendit. Tavaliselt tabatakse ta üsna peagi mootorsõiduki juhtimiselt joobeseisundis. Lisaks sellele tuleb arvestada, et autoomanike hulgas on kroonilisi alkohoolikuid suhteliselt vähe.

Väga suur (90,5 %) on krooniliste alkohoolikute protsent KrK §-s 201³ ettenähtud süstemaatilise hulkurluse või kerjamise eest süüdimõistetute hulgas.⁷

See on ka igati mõistetav. Tegelevad ju kaasajal meil süstemaatiliselt hulkurluse või kerjamisega vaid need, kelle isiksus on tugevalt degradeerunud, ja ka nendest vaid väike osa. Et aga tugevalt degradeerunud isikute seas on krooniliste alkohoolikute osakaal suur, siis sellega seletubki, miks KrK § 201³ järgi süüdimõistetutest umbes 9/10 on kroonilised alkohoolikud.

Riigi ja ühiskonna vara vastu suunatud kuritegudest panid kroonilised alkohoolikud toime 23,6 %. Seejuures moodustasid kroonilised alkohoolikud pisiriisumise kvalifitseeritavate kuritegude (KrK § 94) eest süüdimõistetuist 38,9 % ja KrK § 88 järgi varguse eest süüdimõistetuist 28,3 %. Vähe (2,3 %) oli kroonilisi alkohoolikuid süüdimõistetute hulgas, keda karistati riigi või ühiskonna vara riisumise eest omastamise, raiskamise või ametiseisundi kuritarvitamise teel (KrK § 93). Selle kuriteo eest süüdimõistetute hulgas ei saagi krooniliste alkohoolikute protsent praktiliselt suur olla, sest kroonilisi alkohoolikuid on ametiisikute hulgas suhteliselt vähe, samuti on neid vähe isikute hulgas, kellele on usaldatud või kelle korraldusse on antud riigi või ühiskonna vara.⁸

⁷ K. Pihlaka uurimuse andmeil olid süstemaatilise hulkurluse eest süüdimõistetuist 86,8 % alkoholi kuritarvitajad. Viimastest 80,8 % olid kroonilised alkohoolikud. Vt. K. Pihlaka s. Kes on hulkur? - "Nõukogude Oigus", 1974, nr. 5. lk. 339.

⁸ Selle kuriteo subjekti kohta vt. lähemalt Eesti NSV kriminaalkodeksi. Kommenteeritud väljaanne. Koostanud I. Rebane. Tln., 1972, § 93 komm. 11.

Arusaadavalt asjaoludel püütakse vältida krooniliste alkohoolikute pääsemist niisugustele töökohtadele.

K o d a n i k u i s i k l i k u v a r a v a s -
t u s u n a t u d kuritegude rühmas oli krooniliste alkohoolikute osakaal kõige suurem salajase varguse (KrK § 139) eest süüdimõistetute hulgas - 27,2 %.

Avaliku varguse eest (KrK § 140) süüdimõistetute hulgas oli kroonilisi alkohoolikuid suhteliselt vähe - 14,7 %. Veelgi vähem oli neid röövimise eest (§ 141) süüdimõistetute hulgas - 5,9 %. Võrdluseks märgime, et meie uurimuse andmetel pandi avalikest vargustest toime joobeseisundis 74,5 % ja alkohoolsete jookide saamiseks või vahendite hankimiseks, et muretseda nende eest alkohoolseid jooke, 51,2 %. Röövimiste puhul olid vastavad protsendid 88,9 ja 82,4.⁹

Röövimise ja avaliku varguse eest süüdimõistetute hulgas on krooniliste alkohoolikute protsent palju väiksem kui salajase varguse eest süüdimõistetute hulgas eelkõige seetõttu, et avaliku varguse ja röövimise eest karistatute seas on noori suhteliselt rohkem kui salajase varguse eest karistatute hulgas. Et aga enamik röövimistest ja avalikest vargustest on toime pandud joobeseisundis ja (või) alkohoolsete jookide saamiseks või vahendite hankimiseks nende muretsemiseks ning samal ajal on nende kuritegude toimepanijate hulgas krooniliste alkohoolikute protsent suhteliselt väike, seletub asjaoluga, et põhiline osa nendest kuritegudest pannakse toime noorte alkoholi kuritarvitajate poolt, kes ei ole (või ei ole veel) kroonilised alkohoolikud.

M a j a n d u s a l a s t e s t kuritegudest panid kroonilised alkohoolikud toime 16,6 % ja a m e t i a l a s t e s t kuritegudest 4,2 %. Siinkohal tuleb arvestada, et ametialastest kuritegudest vaid kaks - altkäemaksu vahendus (KrK § 164¹) ja altkäemaksu andmine (§ 165) - ei eelda subjektina ametiisikut.

Kokkuvõttes võib märkida, et viie kuriteo eest (KrK §-d 201³; 189 lg. 2; 121; 182¹ lg. 2; 195 lg. 3) süüdimõistetud moodustasid tervelt 30 % süüdimõistetud krooniliste alkohoolikute üldarvust. Samal ajal moodustasid nende viie ku-

⁹ Osa kuritegudest on toime pandud nii joobeseisundis kui ka alkohoolsete jookide saamiseks.

riteo eest süüdimõistetud, kes ei olnud kroonilised alkohoolikud, vaid 4,4 % süüdimõistetute üldarvust, kes ei olnud kroonilised alkohoolikud.

Krooniliste alkohoolikute protsent kurjategijate hulgas sõltub suurel määral viimaste vanusest. Käesolevas töös kasutatud andmetel oli süüdimõistetute erinevates vanusegruppides kroonilisi alkohoolikuid (protsentides) järgmiselt:

14 - 15-aastastest süüdimõistetutest		3,7
16 - 17	"	4,3
18 - 19	"	7,5
20 - 24	"	24,0
25 - 29	"	42,3
30 - 39	"	47,2
40 - 49	"	51,1
50 - 59	"	47,6
60-aastastest ja vanematest	"	50,0

Et noorte (sealhulgas eriti alaealiste) kurjategijate hulgas on kroonilisi alkohoolikuid suhteliselt palju vähem kui vanemate kurjategijate seas, seletub sellega, et krooniline alkoholism kujuneb pikaajalise (0,5 - 10 aastat ja enam) alkoholi kuritarvitamise tagajärjel.¹⁰

Ühtlasi olgu märgitud, et joobeseisundis kuritegusid toimepannud isikute vanuseline struktuur erineb tunduvalt kuritegusid toimepannud krooniliste alkohoolikute vanuselisest struktuurist. Meie uurimuse andmeil oli kuritegusid joobeseisundis toimepannud isikuid (protsentides) järgmiselt:¹¹

14 - 15-aastastest süüdimõistetutest		29,7
16 - 17	"	59,7
18 - 19	"	71,5
20 - 24	"	72,6
25 - 29	"	79,2
30 - 39	"	75,4

¹⁰ E. K a r u ja J. S a a r m a . Materjale psühhiaatria praktikumiks. Tartu, 1976, lk. 49.

¹¹ Joobeseisundis toimepandud kuritegude hulka on arvatud ka need jätkuvad ja vähemalt teistkordsed kuriteod, millest osa (näiteks kahest episoodist üks) on toime pandud joobeseisundis.

40 - 49-aastastest süüdimõistetutest		64,9
50 - 59	-"-	41,7
60-a. ja vanematest	-"-	50,0

Seega on kõige madalam joobeseisundis kuritegusid toimepannud isikute protsent alaealiste kurjategijate nooremas vanuserühmas (14-15 a.). Nii oli see ka krooniliste alkohoolikute poolt toimepandud kuritegude puhul. See on ka igati mõistetav, sest alkoholi mõju kuritegevusele ei avaldu isikute selles vanuserühmas veel kaugeltki nii tugevalt kui ealt järgnevas vanuserühmades.

Võrreldes kuritegusid toimepannud krooniliste alkohoolikute ja joobeseisundis kuritegusid toimepannud isikute osakaalu vanuserühmade lõikes, paistab silma fakt, et joobeseisundis kuritegusid toimepannud isikute protsent on kõige kõrgem täisealiste kurjategijate nooremates vanuserühmades, kuritegusid toimepannud krooniliste alkohoolikute osakaal aga vanemates. Ka see on igati seaduspärane: kuritegusid joobeseisundis toimepanevas nooremate inimeste seas on tunduvalt rohkem kui vanemate hulgas niisuguseid alkoholi kuritarvitajaid, kes ei ole (või ei ole veel) kroonilised alkohoolikud.

Krooniliste alkohoolikute osakaal kurjategijate hulgas sõltub olulisel määral ka nende soost. Meie uurimuse andmeil oli süüdimõistetud meeste hulgas kroonilisi alkohoolikuid 33,4 %, naiste hulgas aga 22,1 %. Samal ajal olid süüdimõistetud meestest 74,9 % ja naistest 31,9 % kuriteo toimepannud joobeseisundis. Seega oli meessoost kurjategijate hulgas krooniliste alkohoolikute protsent umbes 1/3 võrra ja joobeseisundis kuriteo toimepannute protsent enam kui 2,3 korda suurem kui naiskurjategijate juures. Et meeskurjategijate hulgas on alkoholi mõjul kuritegusid toimepannud isikute osakaal suurem kui naiskurjategijate seas, seletub sellega, et alkoholi kuritarvitajaid, sealhulgas kroonilisi alkohoolikuid, on meeste hulgas palju rohkem kui naiste seas. Siinkohal äratub tähelepanu aga fakt, et joobeseisundis kuriteo toimepannud meeste protsent on palju suurem kui joobeseisundis kuriteo toimepannud naiste protsent, kuna süüdimõistetud krooniliste alkohoolikute protsendi erinevus olevalt kurjategija soost on hoopis väiksem. Ilmselt on see tingitud eelkõige asjaolust, et mitmed tavaliselt või vähe-

malt enamikel juhtudel joobeseisundis toimepandud kuriteod on sellised, mille subjektide hulgas tugevalt domineerivad mehed või mille subjektideks on ainult mehed. Sellisteks kuritegudeks on vägistamine, rüüvimine, avalik vargus, vastuhakkamine miilitsatöötajale või rahvamalevlasemale raske-
davatel asjaoludel, huligaansus jmt.

Eeltoodud andmed näitavad, et kuritegude ärahoidmise seisukohalt on võitlusel kroonilise alkoholismi vastu suur tähtsus, ehkki veel olulisem on võitlus alkoholi kuritarvitamise vastu üldse.

Samal ajal tuleb arvestada, et krooniliste alkohooli-
kute poolt toimepandavaid kuritegusid on tavaliselt väga raske, sageli aga peaaegu võimatu ära hoida. Asi on selles, et alkohoolse degradatsioon korral on neil isikuil sageli välja kujunenud niisugused negatiivsed iseloomujooned, nagu seda on kohuse- ja vastutustunde kadumine, hoolimatus, julmus, äärmine valelikkus. Teisi inimesi hindab krooniline alkohoolik eelkõige selle järgi, kuidas see suhtub tema joomarlusse. Kes soodustab seda, neid krooniline alkohoolik soosib ja vajaduse korral ka lipitseb nende ümber (kuni see on talle kasulik). Nende suhtes aga, kes püüavad teda korraks kutsuda, on ta vaenulik, terroriseerib neid või püüab seda teha. Haiguse süvenedes toimub kroonilistel alkohoolikutel allakäik ka kutsetöös. Kõigele vaatamata on kroonilised alkohoolikud endast väga heal arvamisel, nad nõuavad enda eriti kõrget hindamist. Neis on arenenud endaõigustuse süsteem. Nad kinnitavad, et joovald väljakannatamatu olukorra pärast kodus, ebameeldivuste pärast tööil jne. Esineb vastuolu käitumise motiivi (püüdlene alkoholi järele) ja selle käitumise motiveerimise vahel.¹² Lisaks sellele on paljud kroonilised alkohoolikud -

¹² Vt. E. K a r u ja J. S a a r m a . Materjale psühhiaatria praktikumiks. Tartu, 1976, lk. 50-54; K. A r u , Alkoholism - halb harjumus või haigus. Tln., 1973, lk. 20-22; J. S a a r m a . Kohtupsühhiaatria. Tln., 1970, lk. 75, 193-194; Б.С. Б р а т у с ь . Психологический анализ изменения личности при алкоголизме. М., 1974, с.5 - 8, 29-92; Ю.М. Т р а ч е в с к и й . Правовые меры борьбы с пьянством. М., 1974, с.5 - 29; Э.Ф. П о б е г а й л о , О.Д. Л у ч и н . Пьянство - путь к преступлению. Куйбышев, 1972, с.24 - 26; Б.В. З е й г а р и к . Личность и патология деятельности. М., 1971, стр. 46; М.В. С т р е л ь ч у к . Острая и хроническая интоксикация алкоголем. М., 1966, с. 121-127.

nagu paljud teisedki alkoholi kuritarvitajad - joobnuna vä-
ga ohjeldamatud.¹³ Selge, et selliste iseloomujoonte ja kal-
duvustega inimeste ärahoidmine kuritegelikule teele sattu-
mast on härmiselt komplitseeritud ülesanne.

Järelikult on võitluses krooniliste alkohoolikute poolt
toimepandavate kuritegude vastu põhiprobleemiks see, kuidas
ära hoida kroonilist alkoholismi. Tuleb arvestada, et alko-
holismiravi tulemused on seni osutunud üpris tagasihoidli-
keks. A. Portnovi ja I. Pjatnitskaja uurimuses toodud and-
meil on alkoholismivastase ravi puhul statsionaaris tähel-
datud suhteliselt pikemaajalist (kestusega üks kuni kaks
aastat) alkoholismi haigusnähtude nõrgenemist 5,4 %-l ja
ambulatoorsetes tingimustes 16,4 % haigusjuhtudest.¹⁴

Alkoholismivastast võitlust raskendab seegi, et mitte
kõigi krooniliste alkohoolikute suhtes pole võimalik kohal-
dada sundravi. Vastavalt Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi
31. oktoobri 1975. a. seadlusele "Krooniliste alkohoolikute
ja narkomaanide sundravi ja tööga ümberkasvatamise kohta"
ei kuulu ravi- ja tööprofülaktooriumi saatmisele I ja II
grupi invaliidid; rasedad naised ja rinnaga toitvad emad;
isikud, kes põevad rasket haigust, mis takistab nende seal-
viibimist; üle 60 aasta vanused mehed ning üle 55 aasta va-
nused naised ja isikud, kes ei ole saanud 18-aastaseks. (Kui
profülaktooriumis olles saavad mehed 60- ja naised 55-aas-
taseks, jätkub nende ravi kohtu poolt määratud tähtaja lõ-
puni).¹⁵

Eesti NSV Tervishoiuministeeriumi Raviprofülaktilise
Abi Valitsuse juhataja poolt 25. juunil 1976. a. kinnitatud
vastunäidustuste loetelu kohaselt on ravi- ja tööprofülak-
tooriumi saatmist takistavateks rasketeks haigusteks

1) nakkushaigused nakkavas järgus;

¹³ A. Frenkeli ja A. Katšajevi vaatluse andmeil on kroo-
nilise alkoholismi algstaadiumi pildis täheldatav kaldumus
agressiivsusele, konfliktidele, mis kroonilise alkoholismi
keskstaadiumis on domineerivad. Vt. А.Я. Френкель,
А.К. Качаев. К вопросу о совершении правонарушений боль-
ными хроническим алкоголизмом в состоянии опьянения и ме-
рах по их предупреждению. - Проблемы алкоголизма. Под ред.
Г.В. Морозова. М., 1970, с.229 - 231.

¹⁴ А.А. Портнов, И.М. Пятницкая. Клиника
алкоголизма. Л., 1973, с.344.

¹⁵ ENSV ÜVT 1975, nr. 39, art. 470.

2) haigused, mis antud ajal vajavad statsionaarset ravi;

3) haigused, mis on põhjustanud täieliku püsiva töövõimetuse;

4) haigused, mis on põhjustanud antud ajal ajutise töövõimetuse, sealhulgas töövõimetuselehega ja vormiga nr. 54 (nn. valge lehega);

5) psühhootilised häired, nende raskekujulised defektseisundid ja väljendunud nõdrameelsus;

6) väljendunud intellektuaalne mahajäämus (keskmine ja reskemad astmed).¹⁶

Vastunäidustuste loetelu kohaselt teeb miilitsaorganite ettepanekul somaatilised häired (p-d 1-4) kindlaks poliiklinniku AKK enne spetsiaalset arstlikku komisjoni. Viimane teeb kindlaks psüühilise seisundi (p-d 2-6), hindab esinevate tervisehäirete raskust ja annab arvamuse, milles peab olema märgitud alkoholismi (narkomaania) diagnoos, alkoholismivastase (narkomaaniavastase) sundravi vajadus, meditsiiniliste vastunäidustuste olemasolu ja soovitav ravi kestus. Spetsiaalse arstliku komisjoni arvamus on kehtiv kolm kuud.

Alkoholismiravi tulemuste vähene püsivus, s. t. alkoholismi retsidiivide suur arv ei ole mitte niivõrd meditsiinvahendite vähese tõhususe väljendus, kui võrd annab tunnistust sellest, et perekonna, töökollektiivi ja üldsuse osavõtt alkoholismiravi kompleksusest ei seisa veel nõutaval tasemel. Isegi krooniline alkohoolik leiab sageli kaaskodanike poolt rohkem leebet suhtumist kui vajalikult korrigeerivat kohtlemist. Ühenduses eeltooduga on ka arusaadav, et vaid harva tunnevad alkohoolikud piinlikkust joomarluse pärast. Küll aga häbenevad nad tavaliselt narkoloogi poole pöördumist ja alkoholismiravil käimist.¹⁷

Alkoholismiravi kuuri läbiteinud isiku joomisele (see-

¹⁶ Vastunäidustuste loetelu ravi- ja tööprofülaktooriumi saatmiseks. Kinnitatud Eesti NSV Tervishoiuministeeriumi Raviprofülaktilise Abi Valitsuse juhataja poolt 25. juunil 1976. a. Tallinna Vabariikliku Psühhoneuroloogiahaigla org-metoodilise osakonna väljaanne. Tln., 1976.

¹⁷ Vt. J. S a a r m a . Võitlus alkoholismi vastu - meditsiiniline ja sotsiaalne probleem. - "Nõukogude Eesti Tervishoid", 1974, nr. 6, lk. 483-485.

ga sisuliselt retsidiiviohu) õhutamise eest juriidilisi sanktsioone ette nähtud ei ole. Isegi hukkamõistetev suhtumine pole selles osas veel tavaks kujunenud. Alkoholismiravi läbitanud inimeste joomisele ahvatlemist esineb aga veel palju. Kõik see juhib tähelepanu järjekindla selgitus- ja kasvatus töö vajalikkusele elanikkonna hulgas, et kujundada rangelt hukkamõistetev suhtumine alkoholismisse ja joomarlusse. Kuid ühtlasi tuleb arvestada, et kiiret ja kerget edu siin loota ei ole. See aga rõhutab veelgi vajadust võidelda süstemaatiliselt suure sotsiaalse pahe - alkoholismi - vastu. Krooniliste alkohoolikute rohkus näitab, et varajast alkoholismi tavaliselt ei avastata ja esineb liigset leebust suhtumises alkoholi kuritarvitajatesse (alkoholiga liialdajatesse), kes ei ole (veel) kroonilised alkohoolikud või keeda ei loeta (veel) kroonilisteks alkohoolikuteks. Selle tagajärg on kurb; alkoholi liigtarvitajaga hakatakse tõsisemalt tegelema alles siis, kui temast on välja kujunenud krooniline alkohoolik ja kõik hea on temast juba kadunud või kadumas.¹⁸ Sellele viitab ka tõsiasi, et suur osa jooobeseisundis ja (või) alkohoolsete jookide saamiseks toimepandavatest kuritegudest (esmajoones vägivaldsetest) - röövimistest, vägistamistest, avalikest vargustest, tahtlikest tapmistest, kuritahtlikest huligaansustest jmt. - pannakse toime alkoholi kuritarvitajate poolt, kes ei ole (veel) kroonilised alkohoolikud või kelle puhul seda ei ole (veel) tuvastatud.

Seejuures tuleb arvestada, et alkoholismi seotusel kuritegevusega on oma seaduspärasus. Noori alkohoolikuid iseloomustavad esmajoones vägivallaaktidega seotud kuriteod (röövimine, vägistamine, kehavigastuste tahtlik tekitamine jmt.). Vanematele, lõppstaadiumis alkohoolikutele on iseloomulikud teistsugused kuriteod (salajane vargus, hulkurlus jmt.). Arvestades seoses alkoholismiga vallanduvate reaktsioonide dünaamikat, ei ole agressiivsus iseloomulik mitte üksnes jooobele, vaid ka selle järeelperioodile (1 - 2 nädalat). Tavaliselt on aga alkohoolikute kainuse intervallid harva sel-

¹⁸ H. K a d a s t i k. Avameelselt alkoholist. - "Edasi", 11. oktoobril 1975.

lest pikemad.¹⁹ Seetõttu on kroonilise alkoholismiga ja üldse alkoholi kuritarvitamisega seoses toimepandavate kuritegude osakaal tegelikult suurem, kui see peegeldub ametlikus statistikas, mis arvestab ainult otsest seost joobega (alkoholi kuritarvitamisega).

Krooniline alkoholism on pikaajalise alkoholi kuritarvitamise tõttu väljakujunenud progresseeruv haigus psühholoogilise ja kehalise ehk füüsilise olenevusega alkoholist (alkoholtõbi), mille arengus on eristatavad järgmised etapid (staadiumid): 1) episoodiline või perioodiline alkoholi kuritarvitamine; 2) alaline (harjumuslik, süstemaatiline) alkoholi kuritarvitamine; 3) krooniline alkoholism ehk alkoholinarkomaania.²⁰

Kroonilise alkoholismi kujunemise seisukohalt on eriti ohtlik sagedane, ka väikestes annustes, alkoholi tarvitamine. Kroonilise alkoholismi tagajärjel kujunevad organismis välja iseloomulikud ainevahetuse muutused, eriti närvrakkude ainevahetuses ja peaaegu kõrgemate mehhanismide pidurdus. Võib tekkida järkjärguline orgaanilis-destruktiivne kahjustus.²¹

Kroonilistel alkohoolikutel on sedastatav tõvvõime ja jõudlustahte alanemine, väsimus, nõrkus, huvide kitsenemine, eetiliste omaduste alanemine. Arenevad emotsionaalne pidurdamatus, ärritatavus, asotsiaalne käitumine, seksuaalne lõtvus. Kaovad paremad tunded oma perekonna vastu. Toimub

¹⁹ Х.Я. В я р е. Об измененной реактивности и о взаимосвязях психических и соматических расстройств при алкоголизме. (Диссертация докт. мед. наук.) Тарту, 1975, с.9 - 13, 322-325, 329-331. (Kasikiri). Н. В а р е. Kertsipink on pigine. - "Edasi", 28. detsembril 1976.

²⁰ П с ү һ һ о о л о о г и л и н е о л е н е в у с а л к о h o l i s t avaldub püües sagedaseks alkoholi tarvitamiseks. Sellega algab alkoholism. Psühholoogiline olenevus tekib harilikult enne 20. eluaastat, harva isegi lapseeas. F ü ü s i l i n e e h k k e h a l i n e o l e n e v u s a l k o h o l i s t e k i b h i l j e m . S e e v ä l j e n d u b v õ i m e p u u d u m i s e s k e e l d u d a a l k o h o l i t a r v i t a m i s e s t , k o n t r o l l i k a d u m i s e s t t a r v i t a t a v a a l k o h o l i h u l g a (a n n u s t e) ü l e , a b s t i n e n t s i e h k k a a t r i s ü n d r o o m i k u j u n e m i s e s , m i l l e k u p e e r i m i s e k s t e k i b v a j a d u s u u e a l k o h o l i a n n u s e j ä r e l e . V t . E . K a r u j a J . S a a r m a . M a t e r j a l e p s ü h h i a t r i a p r a k t i k u m i k s . T a r t u , 1976, lk. 49-50.

²¹ V t . E . K a r u j a J . S a a r m a . M a t e r j a l e p s ü h h i a t r i a p r a k t i k u m i k s . T a r t u , 1976, lk. 49-50.

Üldine allakäik. Alkoholismi esimeses ja teises staadiumis alkoholitolerants tõuseb, abstinentsisündroom süveneb. Tekivad amnestilised joobed (s. o. joobed, millega käivad kaasa mäluhäired, mälu nõrgenemine või kaotus). Esineb tugev tremor laugudes, keelel, jäsemetes või kogu kehas. Väga sageli esinevad mitmesugused somaatilised haigused. Alkoholismi kolmandas staadiumis langeb tolerants alkoholi suhtes, tekivad pseudodipsomaania hoid, süvenevad orgaanilis-destruktiivsed muutused.²²

Kõigele eeltoodule vaatamata on alkoholivastane selgitustöö olnud vähetulemuslik. Kes veel mõõdukalt joob, see arvab, et tema alkoholismist ei nakatu, kes aga on juba alkohoolik, sellele ei ole sõnadel, mis veenavad teda hoiduma alkoholi kuritarvitamisest, enam mõju.

Ühenduses eeltooduga on ka igati mõistetav, et vastavalt Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi otsusele on kohustatud ettevõtete, asutuste ja organisatsioonide juhte tugevdama joomarluse- ja alkoholismivastast võitlust kollektiivides ning tagama, et igas asutuses, ettevõttes ja organisatsioonis selgitataks välja ja võetaks arvele kroonilised alkohoolikud ja töötajad, kes sageli tarvitavad alkoholiseid jooke.²³

Nõukogude riigi arengu käesoleval etapil on võitluses alkoholismi vastu meie esmaseks kohustuseks kõrvalekaldumatuult täita NLKP Keskkomitee otsuses "Joomise- ja alkoholismivastase võitluse tugevdamise abinõude kohta"²⁴ seatud ülesanded. Resoluutne võitlus alkoholismi ja joomarluse vastu on ka üheks põhiliseks eelduseks, mis tagab krooniliste alkohoolikute ja teiste alkoholi kuritarvitajate poolt toimepandavate kuritegude tunduva vähenemise ning aitab seega oluliselt kaasa ka kuritegevuse üldisele vähenemisele.

²² Kroonilise alkoholismi etioloogia, patogeneesi, sümptomatoloogia ja profülaktika kohta vt. lähemalt E. K a r r u ja J. S a a r m a . Materjale psühhiaatria praktikumiks. Tartu, 1976, lk. 49-55; K. A r u . Alkoholism - halb harjumus või haigus. Tln., 1973, lk. 16-26, 44-51; S a a r m a . Kohtupsühhiaatria. Tln., 1970, lk. 189-202; jt.

²³ "Rahva Hääl", 26. detsembril 1974.

²⁴ "Правда", 13/VI 1972.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ХРОНИЧЕСКИМИ АЛКОГОЛИКАМИ, И МЕРАХ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ

Х. Кяртнер

Резюме

В настоящее время подавляющее большинство преступлений совершается у нас в непосредственной связи со злоупотреблением алкоголем (в состоянии опьянения, с целью получения алкогольных напитков, а также преступления, совершаемые хроническими алкоголиками). Кроме того, алкоголизм содействует преступности либо вызывает ее также и косвенным путем. Так, в результате необузданного и вообще противообщественного поведения алкоголиков на преступный путь зачастую попадают люди, находящиеся под их влиянием (члены семьи, друзья, знакомые, ближайшие товарищи по работе, соседи и т.п.).

Настоящая статья посвящена некоторым вопросам, касающимся преступлений, совершаемых хроническими алкоголиками, и их профилактики. В части статистического материала используются уголовные преступления, виновные в которых были осуждены народными судами городов республиканского подчинения Тарту и Кохтла-Ярве, а также соответственно подсудности - Верховным Судом Эстонской ССР в 1958, 1964, 1970 и 1973 годах. Данные 1958 и 1973 г. использованы только в части г. Тарту.

31,9% рассматриваемых преступлений совершены хроническими алкоголиками. Удельный вес преступлений, совершенных хроническими алкоголиками, во много раз превышает удельный вес хронических алкоголиков среди населения.

Имеются существенные различия в удельном весе преступлений, совершенных хроническими алкоголиками, в зависимости от групп и видов преступлений. По данным настоящего исследования, наибольший удельный вес хронических алкоголиков среди осужденных за преступления против порядка управления (69,8%). Весьма значительный удельный вес хронических алкоголиков и среди осужденных за преступление против личности (48,7%). Особенно много хронических алкоголиков среди осужденных за следующие преступления. Так, хронических алкоголиков среди осужденных по ст. 201³ УК ЭССР (систематическое занятие бродяжничеством либо попрошайничеством) - 90,5%, по ст. 189, ч. 2

(нарушение правил Положения о паспортах при отягчающих обстоятельствах) - 84,6%, по ст. 121 (злостное уклонение от уплаты алиментов детям) - 80,4%. Велик удельный вес хронических алкоголиков и среди осужденных по ст. 182¹ УК (сопротивление работнику милиции и народному дружиннику) - 71,4%, по ст. 195, ч. 3 (особо злостное хулиганство) - 59,1% и по некоторым другим преступлениям, совершенным, как правило, в состоянии алкогольного опьянения.

Борьба с подобными преступлениями затруднена потому, что обычно крайне трудно, а зачастую практически почти невозможно предотвратить преступления, совершаемые хроническими алкоголиками. Дело в том, что в результате алкогольной деградации у этих лиц формируются такие отрицательные черты характера, как потеря чувства долга и ответственности, жестокость, крайняя лживость.

Борьба с преступлениями, совершаемыми хроническими алкоголиками, должна прежде всего базироваться на профилактике хронического алкоголизма. При этом, однако, следует считаться с тем печальным фактом, что результаты мер лечения алкоголизма пока остаются весьма ограниченными. В то же время большое число рецидивов алкоголизма выражает прежде всего не столько недостаточную эффективность медицинских средств, сколько пассивность семьи, трудового коллектива и вообще общественности в участии в лечении от алкоголизма. К хроническому алкоголику подчас относятся скорее мягко, чем осуждающе. Все это вновь свидетельствует о необходимости более последовательно проводить среди населения объяснительную и воспитательную работу, чтобы создать строго осуждающее отношение к алкоголизму. Решительная борьба с алкоголизмом и пьянством - это одна из основных предпосылок сокращения числа преступлений, совершаемых хроническими алкоголиками и другими лицами, злоупотребляющими алкоголем. Такая борьба тем самым оказывает существенное влияние на общее сокращение преступности.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Л. Аувиарт
ст. инженер

Введение

Лаборатория криминологии ТГУ начиная с 1974 года изучает средства и эффективность правового воспитания молодежи^ж. В ходе составления программы исследования и обработки первичных данных с помощью ЭВМ пришлось разрешить ряд теоретических вопросов. О некоторых из них, могущих заинтересовать читателя данного выпуска, будет идти речь в настоящей статье.

Лаборатория ставила целью выявление некоторых общих закономерностей в механизме возникновения у молодежи ЭССР предпосылок, могущих привести к правонарушениям. Как известно, это одна из важнейших проблем криминологии и судебной психологии.

Формированию личности несовершеннолетнего преступника посвящено немало исследований социологов, психологов, педагогов и криминологов, в том числе ряд кандидатских диссертаций.¹ Несколько интересных кандидатских диссертаций написано

^ж Программа исследования (в т.ч. анкета для сбора эмпирического материала) была разработана под руководством проф. И. Ребане в 1974 г. Под его же руководством был собран в 1975 г. эмпирический материал для исследования.

¹ А.М. А л е м а с к и н. Психологическая характеристика несовершеннолетних правонарушителей. М., 1968; С.Д. А р з у м а н я н. Психологический анализ процесса становления личности несовершеннолетних правонарушителей. Тбилиси, 1972; Т.Н. В и н н и к о в а. Предупреждение правонарушений и перевоспитание подростков средствами школ и обществности. М., 1970; Э.И. Д р а н и щ е в а. Психологические особенности личности девочек правонарушителей. Киев, 1972; Т.М. Д р о з д о в. Причины и условия, способствующие правонарушениям подростков, работающих на промышленных предприятиях, и меры по их устранению. Свердловск, 1971; А.В. К о р н е е в. Межличностные отношения и антиобщественное поведение. Киев, 1972; Т.И. К о р о т к о в а. Изучение личности детей и подростков с антиобщественным поведением. М., 1966; И.А. М а л ю к о в. Форми-

и в ТГУ². Однако большинство авторов уделяет внимание изучению несовершеннолетнего правонарушителя как такового, упуская при этом из виду процесс возникновения соответствующих сдвигов в структуре личности. Некоторые же работы являются малорепрезентативными и поэтому не позволяют делать социологических обобщений и выводов.

Сбор эмпирического материала был произведен лабораторией путем анкетирования 2200 юношей в возрасте от 14 до 18 лет, репрезентативно представляющих молодежь ЭССР этого возраста. Методологической основой исследования послужило важнейшее положение материалистической философии о диалектическом взаимодействии и единстве психики и среды, положение о том, что все в психике человека так или иначе внешне обусловлено, но ничто в ее развитии не выводится непосредственно из внешних воздействий.³

Следует отметить, что в психологии как относительно молодой науке в СССР, начавшейся бурно развиваться лишь с 60-х годов, существуют и другие трактовки о месте и развитии психики, из которых наиболее интересной является теория деятельности, разработанная А.Н. Леонтьевым.⁴ Сам А.Н. Леонтьев не считает свою работу законченной теорией, а относит скорее

рование общественного мнения и использование его сил для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. М., 1971; Ф.С. Махов. Социально-психологическая характеристика несовершеннолетнего правонарушителя. (На материале США). Л., 1972; Э.П. Погребняк. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних. М., 1970; Г.А. Уманов. Причины преступности несовершеннолетних. Алма-Ата, 1965; Л.Г. Сагаатовская. Социально-психологический анализ личности несовершеннолетнего правонарушителя. Томск-Ленинград, 1968; В.-Ц.П. Шария. Причины правонарушений несовершеннолетних и педагогические основы их профилактики. Тбилиси, 1970.

² H. King. Noorukite retsidiivne kuritegevus. (Eesti NSV materjalide alusel). Tartu, 1968; П. Кенкманн. Некоторые методологические вопросы социологического анализа формирования личности. М., 1975; Э. Раска. О некоторых сдвигах в структуре личности юношей, совершивших преступления. Тарту, 1974.

³ С.Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957, с. 10 и сл.

⁴ А.Н. Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

к поискам. Можно согласиться с В.А. Ядовым, отметившим, что А.Н. Леонтьев обращает внимание на когнитивный аспект мотивации, между тем как, например, Л.И. Боневич выдвигает на первый план эмоциональную сторону мотивации.⁵ На самом деле при сравнении положений А.Н. Леонтьева с высказываниями других вышеуказанных авторов, каких-либо принципиальных расхождений между ними найти нельзя. Различные авторы акцентируют свое внимание лишь на разных аспектах вопроса. С.Л. Рубинштейн сформулировал общие философские принципы психики, А.Н. Леонтьев изучал развитие психики, особенно ее филогенезис, криминолог же, в первую очередь, интересуется онтогенезисом, особенно психическое формирование акта действия. В этом смысле особый интерес для криминолога представляет собой теория установки Д.Н. Узнадзе.⁶ Однако к анализу акта поведения мы можем приступить лишь тогда, когда будем иметь общее представление о закономерностях онтогенезиса. По нашему мнению, переход от онтогенезиса к деятельности и обратный путь от деятельности к онтогенезису их диалектическую связь правильно объясняет М.С. Каган.

М.С. Каган выделяет на основе отношения к объектам влияния три вида деятельности: 1) преобразовательная, 2) познавательная и 3) ценностно-ориентировочная.⁷ Нас интересует, в первую очередь, преобразовательная и ценностно-ориентировочная деятельность. В известной мере, первый вид деятельности связан с преобразованием людей, т.е. он является воспитанием, ценностно-ориентировочная же деятельность определяет цели и жизненные планы человека. Взаимовлияния между людьми М.С. Каган называет общением. Здесь важно иметь в виду тот факт, что преобразовательная деятельность переходит в общение, односторонняя связь преобразуется в двустороннюю, ребенок перестает быть пассивным объектом и начинает действовать как активный субъект. В результате общения у человека появ-

⁵ В.А. Я д о в. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975, с. 90.

⁶ Подробнее см. L. A u v ä ä r t. Teadvustamata psüühika ja kriminoloogia. TRÜ Toimetised. Vihik 400. Kriminoloogia-alaseid töid VI, Tartu, 1976, lk. 72-89.

⁷ М.С. К а г а н. Человеческая деятельность. М., 1974, с.39.

яется и ценностно-ориентировочная деятельность, формируются его жизненные планы, цели, своя структура личности, при этом условия жизни сами по себе уже не способны определить психическое развитие человека, его поведение. С формированием определенной структуры личности любое воздействие опосредуется ранее сложившимися психическими особенностями. Целенаправленное (неимпульсивное) поведение требует, по выражению С.Л. Рубинштейна, четкой и прочной иерархической организации побуждений, и если правильно воспитанный человек в случае конфликта антиобщественных и нравственных побуждений поступает, следуя мотивам нравственности, подчиняя им другие побуждения, то правонарушитель в этих случаях руководствуется эгоистическими мотивами, вопреки требованиям социальных норм.⁸

1. Структура личности и ее изучение

Среди ученых имеются разногласия по поводу того, как называть иерархическую структуру личности. Л.И. Божович рассматривает эту структуру как внутреннюю позицию личности или ее направленность. М.С. Неймарк уточняет, что эта направленность есть "постоянное доминирование определенных мотивов, создающих не только целенаправленность поведения, но и целенаправленность всей жизни человека"⁹. При этом в понятия "установка" и "аттитюд" вкладывается весьма широкое содержание. Рамки настоящей статьи не позволяют входить в подробное рассмотрение всех или хотя бы вышеупомянутых теорий структуры личности. Учитывая цели нашего исследования, мы сочли целесообразным исходить из теории диспозиционной структуры личности, разработанной в последнее время В.А. Ядовым в виде общей теоретической концепции мотивации. "Систематизирующим признаком, единым для этой целостности, должно быть выявление различных состояний и уровней предрасположенности или предуготовленности человека к восприятию условий деятельно-

⁸ Г.Г. Б о ч к а р е в а. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей. В кн.: Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972, с. 265.

⁹ М.С. Н е й м а р к. Психологическое изучение направленности личности подростка. Автореф. докт. дисс. М., 1973, с. 4.

сти, его поведенческих готовностей, направляющих деятельность, которые так или иначе фиксируются в личностной структуре в результате онтогенезиса¹⁰. В общей диспозиционной структуре личности В.А. Ядов различает четыре уровня.

1. Нижний уровень, куда входят элементарные установки, фиксируемые под влиянием витальных потребностей и простейших ситуаций.

2. Второй уровень – уровень социальных установок, которые по сравнению с элементарными установками имеют гораздо более сложную структуру. Условно здесь можно выделить три аспекта: когнитивный, эмоциональный и волевой.

3. Третий уровень составляет направленность личности, которая может быть рассмотрена как высший уровень социальных установок, образующих систему, характеризующуюся новым качеством.

4. Высшее качество структуры личности составляют ее ценностные ориентации или системы последних. Они связаны с целями жизнедеятельности человека и средствами их достижения.

По нашему мнению, диспозиционная структура личности может быть описана двояким образом – по горизонтали и по вертикали. В.А. Ядов описывает эту структуру по вертикали, двигаясь тем самым от отдельного к общему. При анализе же диспозиционной структуры личности по горизонтали, мы тем самым описываем проявления феномена диспозиционной структуры (ценности, жизненные ориентации и жизненные планы) в разных формах сознания. Так, мы можем условно выделить в этой диспозиционной структуре как в целостности относительно самостоятельные подструктуры, регулирующие поведение человека в различных сферах жизнедеятельности, такие как политическое сознание, правосознание, мораль, эстетические взгляды и т.д. Тем не менее в регуляции поведения человека как в психическом явлении, которое представляет собой, в первую очередь, интерес для криминолога, участвуют не отдельные формы сознания, а именно целостная диспозиционная структура личности. Ввиду сложности диспозиционной структуры личности в настоящей статье могут быть рассмотрены только некоторые аспекты проблемы, являющиеся, по нашему мнению, самыми главными для

¹⁰ В.А. Я д о в. Личность как субъект социальной активности. В кн.: Активность личности в социалистическом обществе. Варшава, 1974, с. 80.

криминологии. Предметом нашего анализа являются:

1. Ценностно-установочный блок, в рамках которого следует различать:

1. Интересы. При этом выясняется, какие темы(статьи, передачи) интересуют респондентов в газетах, журналах, в радио- и телепередачах;

2. Ценности. При этом выясняется, как респонденты относятся к социалистической и личной собственности, общественному порядку, групповым установкам, своим собственным убеждениям и какие мотивы поведения являются для них доминирующими;

3. Суждения (мнения). При этом выясняется кого, по мнению молодежи, следует наказывать за совершение преступления несовершеннолетним, какие преступления с точки зрения респондентов наиболее тяжкие и позорные, как респонденты поступают в определенных ситуациях, т.е. респонденты решают правовые казусы;

4. Правовые знания. При этом выясняются правовые знания респондентов, связанные с решением казусов, и умение использовать их в жизненных ситуациях;

5. Установки и ориентации. При этом обобщаются ценности, знания и мнения респондентов при помощи статистического анализа (используя индексы.);^{II}

II. Правовые знания как характеристика правовой культуры личности.¹²

Центральным в структуре личности является, несомненно, ценностно-установочный блок, поэтому наибольшее значение приобретает вопрос об изучении ценностей и установок. Хотя в нашей философской и социологической литературе уже немало работ, посвященных социальной природе ценностно-нормативных регуляторов,¹³ само определение ценности нуждается в ряде уточнений. Особенно важно это в юридическом исследовании.

^{II} Об индексах см. ниже.

¹² О субъективной правовой культуре см. С.С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966, с. 172 и сл.

¹³ См., например, О.Т. Дробницкий. Мир оживших предметов. Проблемы ценности и марксистская философия. М., 1967; В.И. Куценко. Социальная задача как категория исторического материализма. М., 1972; Е.М. Пеньков. Социальные нормы - регуляторы поведения личности. М., 1972; В.П. Тугаринов. Теория ценностей в марксизме. М., 1968.

Впервые в советской юридической литературе основные проблемы уголовноправовой охраны, общественной опасности, вины и ответственности рассматриваются в аксиологическом (ценностном) аспекте в монографии Ю.А. Демидова.¹⁴ Аксиологические проблемы других отраслей права, насколько нам известно, пока не разработаны.

Ценность, подобно истине, всегда конкретна. Ценности существуют лишь постольку, поскольку существуют потребности, стремления и цели людей. Предметы сами по себе никогда не бывают ни ценными, ни аморальными; только их отдельные свойства могут быть оценены как ценные и аморальные.¹⁵ Ценность в социологическом плане выражает собой отношения между субъектом и объектом. Благодаря своей способности удовлетворять какие-то потребности (материальные или духовные) данный предмет становится объектом направленного на него интереса.¹⁶ Ценности — "своеобразные маяки", помогающие заметить в потоке информации то, что наиболее важно (в положительном или отрицательном смысле) для жизнедеятельности человека.¹⁷ Мы будем называть ценностью любой предмет, материальный или идеальный, идею или институт, предмет действительный или воображаемый, в отношении которого индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывают ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию им ощущают как необходимость.¹⁸

Как справедливо отметил В.Н. Шердаков, ценности можно классифицировать по разным признакам, однако аксиологически привилегированной классификацией ценностей будет та, которая исходит из разделения потребностей, а не разделения объектов оценок, носителей ценностей.¹⁹ За основу дополнительной

¹⁴ Ю.А. Демидов. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.

¹⁵ В.Н. Шердаков. Социально-психологический анализ христианской морали. Л., 1974, с. 71.

¹⁶ А.Т. Здравомыслов, А.С. Шаев, В.А. Ядов. Некоторые ценностные ориентации личности рабочего. В кн.: Человек и его работа. М., 1967, с. 237.

¹⁷ В.Б. Ольшанский. Личность и социальные ценности. В кн.: Социология в СССР. Т. I. М., 1966, с. 471.

¹⁸ Ян Шепанский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 52.

¹⁹ В.Н. Шердаков. Указ. соч., с. 68.

классификации социальных норм мы берем объем влияния, оказываемого ими на поведение человека, предложенный А.В. Мудриком в качестве основы классификации.²⁰

Все ценности можно разделить на:

- 1) ценности личности;
- 2) ценности группы, где особое место занимает ценности класса;
- 3) ценности, культивируемые и одобряемые обществом как таковым.

В криминологическом плане исключительно важное значение имеет обстоятельство, в какой мере ценности индивида совпадают с ценностями, охраняемыми законом. При наличии конфликтов между ценностями необходимо выяснить, какие ценности одерживают верх.

Подчеркиваем, что социальная среда не пассивна, а оказывает активное воздействие на человека. Человек на необитаемом острове ведет себя совсем по-иному, чем в обществе. При совершении какого-то поступка, например правонарушения, человек действует на перекрестке различных установок, как отдельных лиц, так и целых групп.²¹ Отдельный человек, планируя определенный поступок, выбирает, учитывает или признает лишь некоторые из многих существующих установок, остальные же отвергает либо частично, либо полностью. В литературе мало внимания уделяется тому, чем обоснован выбор установок, предпочтение одних ценностей другим. Можно полагать, что здесь мы имеем дело в основном с такими явлениями, как кон-

²⁰ А.В. Мудрик. Общение как объект педагогического исследования. В кн.: Проблемы общения и воспитания. Тарту, 1974, с. 44.

²¹ Теория установок групп пока не разработана, а сам этот термин ("установка группы") употребляется в литературе довольно редко. Несколько чаще встречается понятие "социальный стереотип" и "групповые нормы". Поскольку мы имеем в виду целостность когнитивного, эмоционального и волевого аспектов психического модуса группы, то, по нашему мнению, понятие "установка" является наиболее удачной. Что касается термина "стереотип", то общая психология его относит в область физиологии, а в понятие "групповые нормы" на задний план оттесняется эмоциональная сторона психического модуса. Некоторые авторы не усматривают различия между содержанием групповой установки и общественного мнения. Хотя данная проблема еще ждет своего исследователя, мы все же полагаем, что она входит в систему социальных явлений лишь как аспект групповой установки.

формизм и коллективность. Мы вполне согласны с мнением А.А. Ручки о том, что люди с конформными ориентациями быстрее вживаются в новую среду, менее болезненно адаптируются в коллективе.²² Можно также полагать, что соблюдение правовых норм имеет своей основой, если не в полном объеме, то во всяком случае в значительной мере, конформизм и коллективность. В то же время нам представляется, что конформизм и коллективность понимаются слишком узко, их необоснованно связывают только с малыми неформальными группами.²³ По нашему мнению, конформизм и коллективность свойственны также большим группам и даже классам. Однако сами эти явления следует рассматривать как вторичные. Они возникают на основе таких психических процессов, как подражание, идентификация, внушение и т.д.²⁴ В.М. Якушев, говоря о том, что в нашей социальной психологии для обозначения механизма взаимодействия в толпе употребляется термин "психическая заразительность" и что некоторые наши психологи считают его психологической основой врожденный подражательный рефлекс, заключает: "Едва ли можно подвергнуть эти положения какому-либо сомнению."²⁵ Но едва ли можно подвергнуть какому-либо сомнению и то, что изучая влияние группы на личность, следует учитывать и ее коллективизм и конформизм.

Учитывая особое значение группы в жизнедеятельности индивида, мы считаем вполне обоснованным при изучении преступности молодежи использовать именно социологические методы, в данном случае массовое анкетирование, для выяснения социологических закономерностей в правовой социализации и в формировании диспозиционной структуры личности вообще.

По мнению Т. Шибутани, при изучении ценности следует исходить не из того, что сам человек говорит о ценности, а из

- ²² И.А. Ручка. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976, с. 46.
- ²³ А.В. Петровски и др. К построению социально-психологической теории коллектива. - "Вопросы философии", 1973, № 12.
- ²⁴ О подражании, идентификации и учении см. Х. Гибш, М. Фюрверг. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972, с. 159-170.
- ²⁵ В.М. Якушев. Гносеологические и психические основы агитации и пропаганды. Канд. дисс. Филос. наук. Львов, 1966, с. 102 (рукопись).

усилия, которое он предпринимает, чтобы приобрести и использовать средства, без чего цель недостижима.²⁶ Важность изучения деятельности подчеркивают и другие ученые. Не отрицая значения поведения, мы все же примыкаем к мнению В.И. Каминской о том, что изучение поведения является уже вторым этапом исследования после того, как получено определенное представление о сознании. На определенной стадии развития советской криминологии теорию "черного ящика"²⁷ использовали и криминологи.²⁸ При помощи этой конструкции, когда знания о человеческой психике были еще поверхностные, создавалась схема структуры причин преступного поведения и описывались факторы, имеющие криминогенное значение, что, однако, вовсе не означало отказа от глубокого изучения человеческого сознания и ограничения задачи лишь изучением поведения. Правда, уголовные кодексы подчеркивают, что наказания могут применяться только за преступное поведение.²⁹ За последовательное проведение этого принципа боролись еще классики марксизма.³⁰ Но поскольку здесь речь идет о наказаниях, имеется в виду уголовноправовой аспект проблемы, который "... выражается в том, что определенные деяния объявляются законодателем преступными, а лица, совершившие их, привлекаются к уголовной ответственности и наказываются. Следовательно, это - реакция общества на уже совершенные конкретные преступления, хотя и имеющая важное общепредупредительное значение".³¹ Однако более широкое значение имеет криминологический аспект. Совет-

²⁶ Т. Ш и б у т а н и. Социальная психология. М., 1969, с. 93.

²⁷ "Черным ящиком", куда нельзя заглянуть, считали человеческое сознание.

²⁸ См., например, В.Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 116-117; Э. Раска. О некоторых сдвигах в структуре личности юношей, совершивших преступление. Дисс. канд. юрид. наук. Тарту, 1974, с. 11; I. Р е в а н е. *Algteadmisil kriminoloogia*. Т., 1975, lk. 128. Следует отметить, что в последнее время в криминологии теория "черного ящика" уже не пропагандируется.

²⁹ Так, например, ст. 36 УК постановляет: "Суд назначает наказание ... за совершенное преступление ...".

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, с. 182-183.

³¹ Криминология. М., 1976, с. 5.

ская криминология - это марксистская наука "...о преступности, ее состоянии, структуре, динамике, о причинах преступности и условиях, ей способствующих, о личности преступника и о путях и средствах предупреждения преступлений в социалистическом обществе"³². Криминологический аспект интересующей нас проблемы заключается "... в выявлении причин и условий, с которыми связано существование преступности в целом и совершение отдельных преступлений, а также в осуществлении разнообразных социальных мер, направленных на устранение таких причин и условий, и предупреждение преступлений"³³. Криминология изучает социальные закономерности, благодаря которым преступность существует. Эти законы находят свое выражение в совершении отдельных преступлений, причем всякое поведение человека, в том числе и антиобщественное, есть форма взаимодействия личности со средой. В этом взаимодействии В.Н. Кудрявцев выделяет: 1) формирование личности с антиобщественной ориентацией; 2) формирование у субъекта конкретного решения на совершение противоправного поступка; 3) реализация этого решения, включая совершение правонарушения и наступление вредных последствий.³⁴ Что касается исследования, предметом которого являются "средства и эффективность правового воспитания молодежи (криминологические аспекты)", то здесь внимание должно быть сконцентрировано на первом этапе вышеуказанного взаимодействия, т.е. на этапе формирования личности. При этом в целях изучения формирования личности, по нашему мнению, в равной мере могут быть использованы как вербальные высказывания, так и анализ реального поведения человека. При изучении сознания личности можно даже согласиться с Г. Клакхоном в том, что люди часто лгут своими поступками и говорят правду словами.³⁵

³² Криминология. М., 1976, с. 6.

³³ Там же, с. 5-6.

³⁴ В.Н. Кудрявцев. Причины правонарушений. М., 1976, с. 89.

³⁵ G. Kluckhohn. Values and Value Orientations in the Theory of Action. - Toward a General Theory of Action Ed. by T. Parsons and E. Shils. Cambridge, 1951, P. 406.

2. Агенты социализации

А.С. Макаренко подчеркивал, что еще в начальной стадии онтогенезиса ребенок входит в бесконечное число развивающихся отношений с окружающей действительностью и "весь этот "хаос" как будто не поддается никакому учету, тем не менее он создает в каждый данный момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им — задача воспитателей"³⁶. Сказанное в полной мере распространяется и на правовое воспитание.

В процессе воспитания и обучения объектом воздействия является человеческий индивид, а цель этого воздействия — социализация индивида, направленная на формирование его как личности. Социализация, как справедливо указывает М.С. Кветной, разветвляется в двух планах: во-первых, под стихийным влиянием социальной среды на разных ее уровнях и по разным каналам; во-вторых, под целенаправленным воздействием на человека со стороны других людей.³⁷ Второй процесс, как мы уже отметили, можно называть воспитанием, а первый — нецеленаправленным общением. Оба эти процесса тесно связаны между собой, но основополагающее значение в формировании личности имеет все же воздействие со стороны социальной среды, создающее общие условия для деятельности и развития человека. Между тем воспитание якобы вторгается в стихийный процесс формирования личности, старается овладеть им, задать ему некую программу.³⁸ Поэтому и мы сочли нецелесообразным ограничиваться изучением влияния, оказываемого агентами правового воспитания, а попытались исследовать также первый этап процесса правовой социализации.

Если субъект черпает свою программу социального поведения непосредственно из жизни, то можно говорить о материальном (непосредственном) влиянии со стороны среды; если же

³⁶ А.С. Макаренко. Соч. Т. 4. М., 1957, с. 20.

³⁷ М.С. Кветной. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы. (Социологический аспект). Изд. Саратовского университета. 1974, с. 101.

³⁸ М.С. Кветной. Там же.

программа социального поведения передается в форме обобщенных идей и принципов, уместно говорить об опосредованном (идеальном) влиянии. Источником непосредственного влияния является, например, семья, а опосредственного – органы массовой коммуникации. Представляется, что материальность как характеристика оказываемого на человека влияния, связана, как правило, со стихийностью этого влияния, а опосредованность – с его целенаправленностью. Материальность и стихийность в купе относятся к образу жизни.³⁹ Вместе с тем целенаправленностью и опосредованностью характеризуются средства массовой пропаганды, агитации и культура.

Отдельные элементы как образа жизни, так и коммуникации представляют собой агенты социализации, поскольку они в большей или меньшей мере направлены на изменение диспозиционной структуры личности. При воспитании из среды агентов социализации не может быть исключена также обратная связь, так как воспитание – это в первую очередь общение, то есть взаимный процесс, в ходе которого изменяется и сам воспитатель.

Поведение человека обусловлено не только субъективными факторами, но также средой. При этом ситуация поведения людей как составная часть среды всегда носит социальный характер, ибо каждый человек так или иначе связан с обществом и люди свои оценки распространяют на чужие поступки и на прошлое. Говоря о ситуации, мы имеем в виду те объективные условия, в которых осуществляется акт поведения человека. Среда, в которую эта ситуация входит, представляет собой определенное единство общего, особенного и единичного. Не только черты общества в целом, но и свойства таких элементов "микросреды", как семья, а также друзья, товарищи, знакомые, соседи и т.п., с которыми индивид общается, – все они оказывают влияние на развитие личности и формируют особенности ее

³⁹ "Образ жизни – это совокупность существенных черт, характеризующих формы жизнедеятельности общества, народа, классов, социальных групп, индивидов в определенной общественно-экономической формации. Он зависит от условий жизни людей и включает в себя их деятельность в различных сферах: в сфере труда, быта, общественно-политической и культурной жизни". – Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба. М., 1976, с.17-18.

духовного мира. Разумеется, каждый из этих элементов характеризуется как общими, так и особенными и единичными признаками, в неодинаковой мере находят в них свое выражение типичные для данного общества социальные отношения, в них могут сочетаться противоречивые элементы, порожденные различными социальными условиями. В социологическом плане Ю.В. Сычев различает ряд основных типов микросреды по следующим признакам: 1) по виду деятельности индивида (производственно-трудовая, семейно-бытовая, учебно-воспитательная, воинская, воспитательно-принудительная и т.д.); 2) по территориальному признаку (микросреда большого города, рабочего поселка, села и т.д.); 3) по национально-этническому признаку; 4) по возрастному признаку; 5) по половому признаку.⁴⁰ В настоящем исследовании мы более подробно останавливаемся на группах микросреды, выделяемых по виду деятельности индивида, другие же критерии классификации вышеуказанных типов учтены при выборе контингентов, подлежащих анкетированию. Этим контингентом была молодежь, домашний язык которой эстонский. В качестве дополнительного признака принадлежность анкетруемых в группы рабочей молодежи, учащихся средних школ, учащихся профтехучилищ и правонарушителей. В дальнейшем рассматривается так же вопрос, какое значение для результатов исследования могут иметь местожителство, пол и возраст изучаемых контингентов.

В исследовании для характеристики социальной среды использованы следующие измерители:

1. Партнеры общения:

- а) общение в кругу семьи;
- б) общение в школе;
- в) общение в трудовом коллективе;
- г) общение при общественной работе;
- д) неконтролируемое общение;

2. Наиболее важные социальные институты;

3. Средства массовой пропаганды, агитации и культура.

В выборе показателей, характеризующих влияние названных элементов социальной среды, мы исходили из меткого указания

⁴⁰ Ю.В. Сычев. Микросреда личности и ее место в системе социальных связей. - Философские проблемы общественного развития. М., 1971, с. 145-151.

М.Я. Ковальзона о том, что люди считаются с мнением других лишь тогда, когда оно связано с силой - с авторитетом силы или с силой авторитета.⁴¹ Поэтому нельзя было пройти мимо силы авторитета как одного из показателей. Главное внимание было обращено на партнеров общения. При изучении авторитета средств массовой пропаганды, агитации и культуры была поставлена цель выяснить:

- а) значение их при получении правовых знаний;
- б) значение их при регуляции поведения.

При изучении авторитета партнеров общения, кроме названных, были использованы и такие индикаторы как:

- а) влияние партнеров общения (с кем считает респондент себя схожим);
- б) идеал (на кого респондент хочет походить);
- в) лицо, внушающее доверие (к кому обращается респондент за советами);
- г) источник отрицательного влияния (кого респондент считает виновным в своих недостатках);
- д) другая сторона в конфликтах (с кем респондент имеет разногласия).

Авторитет социальных институций характеризовался в основном через посредство их представителей - партнеров общения. При изучении авторитета органов правосудия дополнительно был выяснен престиж профессии юриста.

Разумеется, приведенный перечень агентов социализации не является всеобъемлющим. Классификация этих агентов еще далека от идеала, некоторые индикаторы переплетаются. Так, например, общение при общественной работе школьников связано с общением в школе. Да и сами названия агентов даны, исходя из их особого места, которое они занимают в правовой социализации, и они, конечно, условны.

Не подлежит сомнению, что в микросреду любого человека входят отдельные личности и малые группы, которые, в свою очередь, состоят из отдельных лиц. Поэтому, естественно, что в настоящем исследовании особое внимание уделялось малым группам, являющимся носителями определенного образа жизни. Именно в призме образа жизни как самых малых групп, так и

⁴¹ М.Я. К о в а л ь з о н. Мировоззрение и мораль. М., 1966, с. 26-29.

индивида преломляется влияние этих групп на индивида. В настоящем исследовании предпринята попытка выяснить роль лишь некоторых элементов образа жизни интерпретируемых как фон поведения:

1. Обстановку роста;
2. Социально-экономический и культурный статус;
3. Законопослушность.

Изученные в настоящем исследовании три группы явлений (диспозиционная структура личности, агенты и условия воспитания, т.е. фон влияния). Эти группы тесно взаимосвязаны и могут менять свои функции и место в процессе взаимодействия.

3. О статистической обработке эмпирических данных

Каждая отдельная анкета дает информацию на уровне единичного, но на уровне отдельных признаков отдельного и неповторимого события, реально существовавшего, ограниченного во времени и пространстве. При этом "... действуют с максимальной силой, полнотой и размахом случайные факторы исторического развития. Прежде всего тут мы имеем дело с царством случайности в общественной жизни. Именно на этом уровне имеется больше всего отклонений от общественных закономерностей, некоторые из которых представляют собой прямую противоположность требованиям данной закономерности. Наряду с прочим с этой особенностью связано то известное обстоятельство, что общественные закономерности действуют как тенденции, а общественные процессы имеют вероятностный характер. Отсюда следует, что сведения об отдельных признаках отдельных индивидов и событий не могут служить непосредственно для выводов о типичных общественных явлениях и процессах в общественной жизни, для раскрытия их сущности, закономерностей общественного развития".⁴²

Свойства полученного материала диктуют и ход статистической обработки его.

Заканчивая свою статью о корреляционном анализе, Ф.М. Бороткин делает следующий вывод: "Любая задача по исследова-

⁴² С. Михайлов. Эмпирическое социологическое исследование. М., 1975, с. 157-158.

нию связей (в том числе и социологическая) на начальном этапе не может формулироваться только на основе каких-либо формальных соображений. Главную роль в постановке задачи анализа связей играют логика исследователя, уровень его профессиональной подготовленности".⁴³ Однако не только для разработки программы обработки первичных данных, но и для интерпретации эмпирических данных требуется длительная теоретическая подготовка. Эмпирическое и теоретическое составляют в процессе научного исследования единое целое. Следовательно, значение эмпирических данных и законов нельзя определить с помощью одних только эмпирических средств.⁴⁴ "Теоретический процесс обработки эмпирических данных выполняет двойную функцию: с одной стороны, из эмпирических данных должны быть получены эмпирические знания для возможно точного описания обследованного явления, и с другой стороны, нужно вскрыть особенности, взаимосвязи, закономерности этого явления — процесс получения теоретических знаний".⁴⁵ Из сказанного, конечно, не вытекает, что отдельный факт якобы лишен всякого значения.⁴⁶ Здесь просто подчеркивается, что каждый факт занимает свое место в определенной системе — вне системы социологический факт не имеет какого-либо смысла.

⁴³ Ф. М. Б о р о т к и н. Корреляционный анализ в социологических исследованиях. В кн.: Количественные методы в социологии. М., 1966, с. 135.

⁴⁴ Подробнее см. В. А. Д е к т о р с к и й. Единство эмпирического и теоретического в научном познании. В кн.: Проблемы научного метода. М., 1964; А. Т. А р т ю х. Категориальный синтез теории. Киев, 1967.

⁴⁵ Процесс социального исследования. М., 1975, с. 500.

⁴⁶ По А. Т. Здравомыслову, "под фактом прежде всего имеется в виду некое объективное состояние вещей или событий, которые могут быть неизвестны ни отдельному исследователю, ни науке в целом. В этом смысле мы говорим, что задача исследования состоит в открытии и установлении открытия фактов. Далее, будучи открытыми и установленными, факты оказываются исходными кирпичиками, атомами знания. Каждый факт выступает относительно теории в виде нерасчлененного целого, он момент единичного в строении знания; относительно теоретического знания факт выступает как объект анализа обобщения и интерпретации". А. Т. З д р а в о м ы с л о в. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 193.

Нельзя не согласиться с автором только что процитированной монографии "Процесс социального исследования" в том, что только статистически подготовленные данные (вторичные данные) могут быть использованы для теоретической обработки. Для изучения социальных явлений пригодны также отдельные индикаторы, которые только в их совокупности характеризуют какой-либо признак. Обычно текст заданного вопроса не совпадает с словесной формулировкой проблемы. Это обстоятельство было учтено и при разработке анкеты для настоящего исследования.

Анализ эмпирического материала, в свою очередь, предполагает целую совокупность операций. Важнейшие из них - упорядочение фактического материала по определенному комплексу признаков, классификация этого материала, измерение его как способ сравнения или сопоставления, и наконец, типологизация, представляющая собой уже важнейший элемент обобщения. Обобщение - это выявление общего, идентичного, повторяющегося в бесчисленном множестве фактов. По сути дела, обобщение - это один из наиболее важных этапов теоретической работы вообще. Без обобщения нет теоретических знаний. Оно осуществляется на основе абстрагирования от частных, особенностей, деталей единичных фактов и наблюдений.⁴⁷

В. Шляпентох подчеркивает, что "основная задача статистических методов состоит в установлении роли отдельных факторов в социальных процессах. Чтобы решить эту задачу, необходимо уметь отграничивать действие одних факторов от других.

Решающая роль здесь принадлежит статистическим методам, в частности, группировке, регрессионному, корреляционному и факторному анализу ..."⁴⁸.

Учитывая вышеизложенное, схема статистической обработки эмпирического материала, собранного посредством анкеты, которая использовалась в настоящем исследовании, представляется в следующем виде:

I. Описательно-сравнительный анализ - описание первичных данных на основе одномерного анализа, используя процентное деление и средние индикаторы. Это позволяет дать собранному материалу общую оценку и подготовить следующие этапы;

⁴⁷ А.Т. Здравомыслов. Указ. соч., с. 193.

⁴⁸ В. Шляпентох. Социология для всех. М., 1970, с. 247.

2. Описательно-сравнительный анализ на уровне индексов - описание индексов на основе одномерного анализа (процентное деление и средние), исходя из того, что, по существу, индексы являются сложными показателями. Были использованы: а) индексы установок, б) положительные индексы партнеров общения, в) отрицательные индексы партнеров общения, г) индекс законопослушности, д) индекс семьи;

3. Выяснение комбинаций индексов и индикаторов, характеризующих: а) диспозиционную структуру личности; б) фон (условия) поведения; в) агенты влияния. Эта стадия анализа основывалась на корреляционном и факторном анализе, хотя для подробной характеристики можно использовать и двумерный анализ. На этом этапе исследования были выяснены внутренняя структура и подструктуры отдельных блоков индикаторов;

4. Анализ взаимосвязи трех вышеназванных групп индикаторов и индексов (статистические методы допускают корреляционный и факторный анализы, а равно анализ главных компонентов также по группам). На данном этапе исследования были выяснены функциональные связи между блоками;

5. Группировка респондентов на основе:

а) свойств диспозиционной структуры;

б) пола;

в) возраста;

г) образования;

д) принадлежности к формальным группам.

Группировка оправдана лишь тогда, когда установлено, что индикаторы, лежащие в основе группировки, имеют существенные связи с интересующими нас признаками.

После группировки можно приступить к работе над новообразованными массивами.

ANDMEID NOORE ÕIGUSERIKKUJA ISELOOMUSTAMISEKS

H. K i n g s,
Õigustead. kand., dotsent

1974. aastal võeti TRÜ kriminoloogia laboratooriumi tööplaani teema "Noorte õigusliku kasvatuselise kanalid ja efektiivsus (kriminoloogilisi aspekte)". Teema raames kogutud ulatuslik empiriline materjal võimaldab anda ka teatava iseloomustuse noorele õiguserikkujale (vanus 14 kuni 18 aastat - k. a.).¹ Edukaks võitluseks õiguserikkumiste vastu on vaja pöörata tähelepanu just nendele nähtustele, mis takistavad harmooniliselt arenenud isiksuse kujunemist. Õiguserikkujat seadusekuulekast noorest eristavate asjaolude esiletoomine kodustes kasvatuskeskkondades, hariduse omandamisel, sõprusringkonnas jm. suunab meie tähelepanu nendele negatiivsetele nähtustele, mille vastu võitlemine on eriti aktuaalne.

Ankeetküsitlusega koguti noortelt andmeid muuhulgas ka selle kohta, kas anketeeritava käitumist on arutatud alaealiste asjade komisjonis ja kas ta on arvel millitsa lastetoas. Tehti samuti kindlaks, kas anketeeritav viibib õiguserikkumiste eest Eesti NSV Kutsehariduse Komitee Sindi Erikutsekoolis nr. 35 või Kaagvere Erikutsekoolis nr. 34 või kannab toimepandud kuritegude eest vabadusekaotuslikku karistust Eesti NSV Siseministeeriumi kasvatusliku töö koloonias. Nende andmete alusel oli võimalik jagada vaatluse all olnud noored kolme rühma:

1) noored, kelle käitumist ei olnud arutatud alaealiste asjade komisjonis, kes polnud arvel millitsa lastetoas ega viibinud ka erikasvatusasutustes ega kasvatusliku töö koloonias;

¹ Ankeet, mille alusel materjal koguti, töötati välja 1974. a. TRÜ kriminoloogia laboratooriumis prof. I. Rebase juhendamisel. Tema juhendamisel koguti selle ankeedi alusel ka empiriline materjal.

2) noored, kelle käitumist oli arutatud alaealiste asjade komisjonis või kes olid arvel miilita lastetoas, kuid ei viibinud erikasvatusasutustes ega kasvatusliku töö koloonias;

3) noored, kes viibisid erikasvatusasutustes või kasvatusliku töö koloonias.

Kui esimesse rühma kuuluvad noored on kõigi eelduste kohaselt seaduskuulekad, siis viimasesse rühma kuuluvad väljakujunenud õiguserikkujad, kelle parandamine ja ümberkasvatamine nõuab juba spetsiaalse režiimi kohaldamist. Keskmist rühma võib tinglikult vaadelda üleminekurühmana seaduskuulekate noorte ja õiguserikkujate vahel. Sellesse rühma kuuluvate noorte käitumises on ilmenud teatavaid asotsiaalseid tendentse, mis on äratanud vastavate organite tähelepanu ja nõudnud sekkumist nende kasvatamisse.

Võttes juhttunnuseks vaatluse all olnud noorte jagunemise kõnesolevatesse rühmadesse, vaatleme selle tunnuse seoseid ankeedi teiste tunnustega. Noore õiguserikkuja iseloomustamise seisukohalt pakuvad huvi just need tunnused, mille osas õiguserikkuja iseloomustus osutub oluliselt erinevaks seaduskuuleka noore iseloomustusest. Õiguserikkujat seadusekuulekatest noortest eristavate tunnuste väljaselgitamiseks kasutasime korrelatsioonianalüüsi.

Vaatlusega oli hõlmatud enam kui 2000 noort. Korrelatsioonianalüüsiks valisime välja 514 noort (kõik 2. ja 3. rühma kuuluvad noored, kokku 257; 1. rühmast aga valisime välja noored, kes soo ja vanuse järgi vastasid 2. ja 3. rühma kuuluvatele noortele. Eesmärgiks oli elimineerida soo ja vanuse mõju). Ankeedis oli üldse 223 tunnust, mis peegeldasid noore kasvatingimusi, olukorda perekonnas, iseloomustasid tema õigusteadvust ja selle kujunemise allikaid. Korrelatsioonianalüüsiks valisime välja 132 tunnust, mis kriminoloogilisest aspektist vaadatuna pakkusid kõige enam huvi. Enamus vaadeldud tunnustest ei andnud aga olulisuse nivoo 0,05 juures statistiliselt usaldusväärseid seoseid juhttunnusega. Tunnuseid, kus lineaarsed korrelatsioonikordajad olid olulisuse nivoo 0,05 juures statistiliselt usaldusväärsed ning pakkusid huvi õiguserikkuja iseloomustamisel, oli 44 (vt. lisa).

Enne kui vaadelda neid tunnuseid sisuliselt, peatume

veel korrelatiivse seose ranguse hindamise küsimusel. Seose ranguse astmelt võivad korrelatsioonikordajad olla oluliselt erinevad. Antropoloogias, biomeetrias jm. on mõnede ülesannete lahendamisel võrdlemisi populaarne järgmine skaala:

...	0,2	-	nõrk seos
0,2	...	0,4	- alla keskmise tugevusega seos
0,4	...	0,6	- keskmise tugevusega seos
0,6	...	0,8	- üle keskmise tugevusega seos
0,8	...		- tugev seos. ²

Kui selle skaala järgi hinnata kõesolevas töös vaatluse all olevaid seoseid, siis domineerivad nõrgad ja alla keskmise tugevusega seosed ning ainult üks seos küünib keskmise tugevuseni. Nimelt on vaadeldav juhttunnus kõige tugevamini seotud tunnusega "haridus".³ Õiguserikkujaid iseloomustab seadusekuulekate noortega võrreldes suhteliselt madal haridustase. Kõik ülejäänud seosed, ehkki statistiliselt usaldusväärsed, kuuluvad alla keskmise tugevusega või nõrkade seoste hulka.

Antud uuringus väljendab seose tugevus hinnangut tunnuse kriminogeensuse astmele. Järelikult vaadeldavate tunnuste kriminogeensuse aste on suhteliselt väike. Millega seda seletada? Nähtavasti tuleb arvestada, et põhjust, mis üheselt määraks õiguserikkumise toimepanemise, ei ole olemas. Õiguserikkumise genees on komplitseeritud nähtus, mida suuremal või vähemal määral mõjustavad mitmesugused asjaolud. Mida rohkem neid on, seda väiksem on iga üksiku asjaolu "panus" tagajärje saabumisse. Õiguskasvatuse uurimisega aga eriti kaalukaid kriminogeenseid asjaolusid ei avastatud. Õiguserikkujate madal haridustase ei ole ka avastus, vaid ammu teada olev fakt, mida antud uurimus veelkordselt kinnitas. Tuleb märkida, et noorte õigusliku kasvatuse kanalite ja efektiivsuse kriminoloogiliste aspektide uurimisel kasutatud ankeedis oli suhteliselt vähe tähelepanu pööratud isiksuse kujunemise vahetute sotsiaalsete tingimuste ja uuritavate käitumise väljaselgitamisele. Kuid just kõnesole-

² U. M e r e s t e . Statistika Üldteooria. Fln., 1975, lk. 415.

³ Vt. lisa, p. 1.

vate tingimuste valdkonnast tuleb otsida õiguserikkuja isiksuse deformeerumise põhjusi. Hälbed kätumises aga omakorda süvendavad isiksuse deformeerumist. Asjaolu, et rõhuval enamusel tunnustest ei ilmnenu vaadeldavas aspektis statistiliselt olulist seost, näitab seda, et ankeet "tõõtas" suhteliselt halvasti.

Vaatleme nüüd lähemalt, milliste tunnuste kriminogeensuse õiguskasvatuse uurimine esile tõi ning millise iseloomustuse võib anda noorele õiguserikkujale nende materjalide pinnalt.

Õiguserikkujate uurimisel on kriminoloogid alati pööranud tähelepanu kodusele kasvatusel. Normaalne on, et laps kasvab koos isa ja emaga. Õiguserikkujate puhul see väga sageli aga nii ei ole. Tavaliselt ilmneb õiguserikkujate puhul tendents, et perekonnas puudub isa. Ka antud uuring kinnitab seda. Ühtlasi ilmnas, et seaduskuulekate noortega võrreldes kasvavad õiguserikkujad sagedamini kasuvanemate juures. Midaagi halba selles iseenesest ei ole, kuid kriminoloogilisest aspektist vaadatuna näib siiski, et kasuvanemad ei suuda alati asendada lihaseid vanemaid ja kindlustada lapsele normaalset kasvutingimusi.

Ilmnas seos perekonna suurusega ja laste arvuga: õiguserikkujad on pärit suurematest ja lasterikkamatest perekondadest. Võib arvata, et suuremas perekonnas jääb igale lapsele osakssaav tähelepanu väiksemaks ja seda ei korva muud suuremas perekonnas kasvamise eelised.

Perekonna materiaalse kindlustatuse osas ilmnas tendents, et õiguserikkujad on pärit materiaalselt halvemini kindlustatud perekondadest. Ka küsimuse osas "kuidas suhtuvad Sinu vanemad (hooldajad) Su soovidesse ja vajadustesse?" selgus, et seaduskuulekate noorte perekondades rahuldati noorte soove ja vajadusi paremini kui õiguserikkujate perekondades. Järelikult noorte õiguserikkumiste põhjuste uurimisel ei saa päriselt mööda minna materiaalsest faktorist.

Tähtsaks faktoriks lapse arengu seisukohalt on normaalsed (head, soojad) suhted perekonnas. Õiguserikkujate perekondades on need suhted aga halvemad kui seaduskuulekate noorte perekondades. Ka antud uuringus hindasid õiguserikkujad oma perekonnaliikmete omavahelisi suhteid halvemaiks kui seaduskuulekad noored.

Isiksuse arengut vormib mitte ainult kodu, vaid ka inimese enda käitumine. Vaba aja veetmisel torkab silma, et õiguserikkujad on seaduskuulekate noortega võrreldes rohkem omapead. Õiguserikkujad sisustavad oma vaba aega rohkem kergete meelelahutuslike üritustega: nad käivad seaduskuulekate noortega võrreldes rohkem kinos, peol ja kohvikus. Et õiguserikkujate keskmine vanus oli 16,5 aastat, siis ei ole kohvikus käimine ilmselt kooskõlas nende vanusega.

Andmed, mida anketeeritavad andsid oma sõprade kohta, näitavad, et õiguserikkujate puhul tuleb sõprade mõju hinnata üldiselt negatiivseks. Õiguserikkujate sõpru iseloomustab tendents käia peol ja kohvikus, vabal ajal tarvatakse sageli alkoholi ning pannakse toime õiguserikkumisi. Seaduskuulekate noorte sõprade puhul aga avaldub tendents käia rohkem teatris ja tegelda spordiga.

Kodu kõrval kuulub sõpradele kahtlemata tähtis koht noorte isiksuse kujunemisel ja seepärast on täiesti seaduspärane õiguserikkujate sõprade suhteliselt negatiivne iseloomustus võrreldes seaduskuulekate noorte sõpradega. Sõprade negatiivset rolli tunnetavad ka õiguserikkujad ise ning seda väljendab otseselt tendents anda sõprade osas jäetav vastus küsimustele "kui Sul on puudusi, siis kes on nende tekkimises süüdi?" ja "tahaksid Sa lähemas tulevikus oma sõpru vahetada?"

Puuduste tekkimises süüdistavad õiguserikkujad veel koolikaaslasi, keda nad ei pea oma sõpradeks, "tänavat", sugulasi, ema ja kooli. Eelõeldust kooruvadki välja kolm põhifaktorit isiksuse kujunemisel - perekond, kool ja sõbrad ("tänav") - , mis õiguserikkujate puhul ilmselt ei seisnud oma ülesannete kõrgusel. Sisuliselt on pilt nähtavasti selline, et kõigepealt tekib konflikt kodus ja kaob usalduslik vahekord, mis on lapse käitumise efektiivse sunnamise eeldus. Kodust hoitakse eemale ja vedetakse aega koos sõpradega, keda leitakse tänavalt. Kodune kontroll nende ühiste ettevõtmiste üle aga puudub. Koolis tekib mahajäämus õppimises, mida kool ei suuda takistada õpetajate ülekoormatusest tingitud individuaalse kasvatustöö nõrkuse tõttu. Edasi tuleb juba klassikursuse kordamine ja konflikt kooliga. Õiguserikkujate mahajäämusest hariduses oli

eespool juttu. Sellega on kooskõlas ka vastused küsimusele "kuidas Sul edeneb (edenes) õppimine koolis?", mis näitavad õiguserikkujate halvemat õppeedukust seaduskuulekate noortega võrreldes.

Enne kui minna õiguserikkujate õiguslike teadmiste iseloomustamisele, märgime veel, et mitmesuguste informatsioonikanalite, nagu raadio, televisioon, juriidiline kirjandus jnt., aga samuti vahetute suhtlemispartnerite - isa, ema, sõbrad jne. - uurimisel selgus, et põhiline erinevus õiguserikkujate ja seaduskuulekate noorte vahel käitumisjuhiste saamisel ("nõustud Sa väitega, et peamised teadmised, kuidas tohib ja kuidas ei tohi käituda, oled Sa saanud...") seisneb selles, et seaduskuulekad noored on neid õiguserikkujatega võrreldes rohkem saanud ilukirjanduse ja ajakirjade lugemisest. Teised informatsioonikanalid usaldusväärset seost juhtunnusega ei andnud.

Õiguserikkujate õiguslike teadmiste iseloomustamiseks tuleb kõigepealt öelda, et need on kõrgemad, võrreldes seaduskuulekate noorte õiguslike teadmistega. Nii näitasid vastused küsimustele "missuguse eluaastani ei saa kedagi kohtu alla anda?" ja "kes antakse alaealise (vanus alla 18 aasta) poolt sooritatud kuriteo eest kohtu alla?", et õiguserikkujad orienteeruvad neis küsimustes paremini. Midagi üllatavat siin siiski ei ole. Õiguserikkujate paremad teadmised on seletatavad õiguskaitseorganite poolt õiguserikkujatega tehtud individuaalse kasvatustööga. Samal ajal aga ilmnes õiguserikkujatel tendents hinnata alla kõrgeimat karistumäära, mida seaduse järgi võib mõista toimepandud kuriteo eest alaealistele ja täiskasvanuile. Seaduskuulekad noored lähtusid selles küsimuses nähtavasti rohkem teoreetilistest teadmistest ja andsid õigemaid vastuseid, õiguserikkujad aga arvestasid isiklike kogemusi ja lähtusid nähtavasti nendest, mitte aga seadusest. Olgu märgitud, et küsimus "kas Sa õppisid (õpid) eraldi õppeainet "Nõukogude õiguse alused?" ei andnud statistiliselt usaldusväärset seost juhtunnusega, s. t. selle küsimuse osas olulisi erinevusi seaduskuulekate noorte ja õiguserikkujate vahel ei ole.

Tuleb märkida, et kriminaalõiguslike teadmiste taseme tõus iseenesest ilmselt ei hõlma ära õiguserikkumisi, vähemalt nende isikute osas, kes on juba õiguserikkumisi toime

paanud. Õiguskasvatuse uurijad on ka varem tähelepanu juhtinud sellele, et õiguserikkujate õiguslikud teadmised on mõnevõrra paremad kui seaduskuulekatel kodanikel.⁴ Seni ei ole aga tähelepanu pööratud sellele, millised olid õiguserikkujate õiguslikud teadmised enne õiguserikkumise toimepanemist. Sellele ei anna vastust ka käesolev uuring. Kuid ometi on see õiguskasvatuse ja üldse õiguserikkumiste profülaktika üks tsentraalseid küsimusi, mis edaspidi väärib põhjalikku uurimist.

Teadmistest enam mõjustavad inimese käitumist tema suhtumised. Seepärast võeti ka antud uuringus vaatluse alla noorte suhtumine kriminaalõiguse poolt kaitstavatesse hüvedesse: sotsialistlikku varasse, kodaniku isiklikku varasse ja avalikku korda. Tulemused näitasid, et õiguserikkujate suhtumistes nimetatud hüvedesse avaldusid mõningad negatiivsed tendentsid. Riigi või ühiskonna vara varguse, kodaniku isikliku vara varguse ja avaliku korra rikkumise hukkamõistu tendents avaldus seaduskuulekatel noortel tugevamini võrreldes õiguserikkujatega. Nimelt kaldusid õiguserikkujad mitte nõustuma väidetega, kus mõisteti hukka riigi või ühiskonna vara vargus ("inimene, kes varastab riigi või ühiskonna vara, tahab elada teiste arvel; seetõttu on ta ära teeninud üldise hukkamõistu"), kodaniku isikliku vara vargus ("teiselt inimeselt varastamine - ükskõik mis põhjusel - on alatu ja põlgust vääriiv tegu") ja avaliku korra rikkumine ("noortel on palju võimalusi vaba aja veetmiseks viisil, mis ei riku kaaskodanike rahu; seda enam vääriivad korrarikkujad hukkamõistu"). Suhtumises kodaniku isikliku vara vargusse ilmnis aga õiguserikkujatel tendents nõustuda väitega "tavaliselt mõistavad vargust hukka just need inimesed, kes ise pole tõelist puudust kannatanud", mis ilmselt püüab õigustada vargust teatavates tingimustes. Analoogiline tendents ilmnis ka õiguserikkujate suhtumises väidetes, mis nii või teisiti püüdsid õigustada avaliku korra rikkumisi ("noored on ikka üleemeelikud ja kui nad lähivad liiale, tuleb see andestada", "elu oleks väga igav, kui kõiki käskusid ja keeldusid tõsiselt võtta", "noortel

⁴ Vt. А.М. Яковлев. Преступность и социальная психология. М., 1971, с. 238.

peab olema võimalus oma vaba aega veeta nii, nagu keegi tahab ja oskab; küll vanaduses on aega korralikult elada").

Õiguserikkujate negatiivse suhtumise tendents avalikku korda ja kodaniku isikusse avaldus ka järgmise kaasuse hindamisel. Kaasus: nooruk hakkas pargis tälitama tundmatut tütarlast. Kui tütarlaps palus end rahule jätta, selvas nooruk teda. Tütarlaps andis noorukile kõrvakiilu, mispeale nooruk tütarlast lõi. Võimalikud vastusvariandid olid järgmised: 1) antud olukorras mõistetav, 2) häbiväärne, 3) kuritegu. Õiguserikkujad kaldusid pidama nooruki käitumist antud olukorras mõistetavaks. Selline lahendus ei ole ilmselt kooskõlas sotsialistliku ühiskonna kõlblus- ja õigusteadvusega.

Mitmete väidete abil kontrolliti noorte suhtumist karistuse välditamatusse. Erinevused seaduskuulekate noorte ja noorte õiguserikkujate vahel ilmsesid hinnangutes väitele "karistust sooritatud kuriteo eest saab vältida, kui on mõjukaid tuttavaid". Nimelt kaldusid noored õiguserikkujad seaduskuulekate noortega võrreldes sellega rohkem nõustuma.

Kokkuvõttes võib öelda, et noorte õiguskasvatuse kanalite ja efektiivsuse kriminoloogiliste aspektide empiiriline uuring tõi esile teatavaid olulisi erinevusi seaduskuulekate noorte ja noorte õiguserikkujate vahel kodustes kasvutingimustes, sõprusringkonnas, hariduse omendamisel, õiguslikes teadmistes ja suhtumistes kriminaalõiguse poolt kaitstavatesse hüvedesse. Neis erinevustes avalduvad kindlasuunalised tendentsid: võrreldes seaduskuulekate noorte kasvutingimuste ja sõprusringkonnaga on õiguserikkujate kasvutingimused ja sõprusringkond negatiivsemalt iseloomustatavad; õiguserikkujad õpivad halvemini ja jäävad hariduse poolest seaduskuulekatest noortest maha; vaatamata parematele õiguslikele teadmistele ilmnevad õiguserikkujate suhtumistes kriminaalõiguse poolt kaitstavatesse hüvedesse negatiivsed tendentsid.

Jrk. nr.	Tunnuse nimetus	Lineaarsed korre- latsioonikordajad juhttunnusega
1	2	3
1.	Haridus	-0,544
2.	Kasvamine isaga	0,259
3.	Kasvamine emaga	0,170
4.	Kasvamine kasuvanematega	-0,168
5.	Laste arv perekonnas	0,195
6.	Perekonna suurus	0,123
7.	Kohtu alla andmise ea hindamine	-0,271
8.	Kohtu alla andmise iga (arvtunnus)	-0,182
9.	Alaealise kriminaalvastutus	-0,132
10.	Vanemate vastutus alaealise poolt toime- pandud kuriteo eest	0,147
11.	Kõrgeima karistusemäära teadmine alaealistel	-0,171
12.	Kõrgeima karistusemäära teadmine täisea- listel	0,201
13.	Vanemate suhtumine soovidesse	0,101
14.	Kines käimine	-0,338
15.	Peol käimine	-0,308
16.	Kohvikus käimine	-0,204
17.	Omapead olemine	0,203
18.	Perekonna sissetulek	-0,119
19.	Karistust saab mõjukate tuttavate abiga vältida	-0,131
20.	Inimene, kes varastab riigi või ühiskonna vara, tahab elada teiste arvel. Seetõttu on ta ära teeninud üldise hukkamõistu	0,088
21.	Tavaliselt mõistavad vargust hukka just need inimesed, kes ise pole tõelist puu- dust kannatanud	-0,107
22.	Teiselt inimeselt varastamine - ükskõik mis põhjusel - on alatu ja põlgustväär- riv tegu	0,122
23.	Noored on ikka üleemeelikud ja kui nad va- hel lähevad liiale, tuleb see andestada	-0,211
24.	Elu oleks väga igav, kui kõiki käskusid ja keeldusid tõsiselt võtta	-0,103
25.	Noortel peab olema võimalus veeta vaba aega nii, nagu keegi tahab ja oskab. Küll vanaduses on aega korralikult elada	-0,090

	2	3
26. Noortel on palju võimalusi vaba aja veetmiseks viisil, mis ei hääri kaaskodanike rahu. Seda enam väärivad korrarikrujad hukkamõistu		0,183
27. Suhted perekonnas		0,103
28. Sõbrad käivad peol		-0,141
29. Sõbrad käivad teatris		0,196
30. Sõbrad tegelevad spordiga		0,212
31. Sõbrad käivad kohvikus		-0,182
32. Alkoholi osa sõprade vabas ajas		-0,344
33. Sõprade vaba aja veetmise viiside õigusvastasus		-0,231
34. Soov sõpru vahetada		-0,259
35. Puuduste tekkimises süüdi koolikaaslased, keda ei pea oma sõpradeks		-0,097
36. Puuduste tekkimises süüdi "tänav"		-0,129
37. Puuduste tekkimises süüdi sugulased		-0,147
38. Puuduste tekkimises süüdi sõbrad		-0,187
39. Puuduste tekkimises süüdi ema		-0,110
40. Puuduste tekkimises süüdi kool		-0,112
41. Õppeedukuse hinnang		0,152
42. Käitumisjuhiste saamine ilukirjandusest		0,106
43. Käitumisjuhiste saamine ajakirjandusest		0,112
44. Nooruki käitumise kaasus		-0,118

ДААННЕ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЮНОГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Х. Кингс

Резюме

На основе данных эмпирического исследования, проводившегося в Лаборатории Криминологии ТГУ по теме "Каналы и эффективность правового воспитания молодежи (криминологические аспекты)", делается попытка дать некоторую характеристику юному правонарушителю, т.е. выделить факторы, статистически достоверно отличающие его от законопослушной молодежи. Анализ показал, что наиболее существенные различия наблюдаются в части трех факторов: семья, друзья и школа. В конце статьи приводятся соответствующие линейные множители корреляции ряда признаков с ведущим. Ведущий признак характеризует исследуемую молодежь с точки зрения принадлежности ее к одной из

трех групп - группа законопослушных, группа стоящих на учете в детской комнате милиции и/или подвергшихся обсуждению на комиссии по делам несовершеннолетних, и группа правонарушителей. Вырисовывается следующая характерная для юных правонарушителей картина: семья - зачастую без отца, более многочисленная за счет большего в сравнении с семьями законопослушных количества детей, имеющая меньший доход. Как результат - недостаток положительных эмоций в семье (худшие по сравнению с семьями законопослушных взаимоотношения в семье, отсутствие взаимопонимания и т.д.), что приводит к поискам компенсации их за пределами семьи, в кругу друзей и знакомых, на "улице". Этому содействует и отсутствие достаточного домашнего контроля за друзьями и поступками (юные правонарушители показали, что они больше времени, чем законопослушная молодежь, находятся без присмотра). Друзья и знакомые, формирующие личность юного правонарушителя, носят случайный характер. Поэтому на вопрос "Кто виноват в твоих недостатках?" в части друзей юными правонарушителями зачастую дается утвердительный ответ. Они же обнаруживают тенденцию к стремлению сменять друзей. Все это не может не отразиться и на занятиях в школе: юных правонарушителей характеризует значительно более низкий образовательный уровень, более низкая успеваемость, в результате - конфликты с учителями, школой. И наряду с этим большая по сравнению с законопослушной молодежью осведомленность в правовых вопросах, которую можно объяснить, вероятно, известного рода знакомствами, личным опытом и вынужденным "контактом" с соответствующими правоохранительными органами.

Все вышеприведенное приводит к формированию у юных правонарушителей тенденции относительно отрицательного отношения к охраняемым уголовным правом благам - государственному или общественному имуществу, личному имуществу граждан, к общественному порядку, что реализуется в их поведении.

**EKSPERDI ARVAMUSE KONTROLLIMINE JA HINDAMINE
OBJEKTIVSE TÕE TUVASTAMISEL**

H. L i n d m ä e ,
õigustead. kand., dotsent

Tõendite hindamine on nõukogude kriminaalprotsessis juurdlust teostava isiku, uurija, prokuröri ja kohtu sihipärane tegevus. Selle tulemusena tehakse kindlaks, kas kriminaalasjas kogutud andmed on usaldusväärsed ja tõenditena kasutatavad, selgitatakse välja tõendite omavahelised seosed ja nende osa tõendamisele kuuluvate asjaolude tuvastamisel. See on pidev tunnetusprotsess, mis toimub kogu kriminaalprotsessi vältel ning hõlmab nii üksikuid tõendeid kui ka nende kogumit. Lõplikult hinnatakse tõendeid aga kohtumenetluse käigus.

Tõendite hindamise kohustus kriminaalprotsessis on juurdlust teostaval isikul, uurijal, prokuröril ja kohtul. Nad on kohustatud KrPK § 50 lg. 1 järgi hindama tõendeid oma sisemise veendumuse kohaselt, mis põhineb kõikide asjaolude igakülgsel, täielikul ja objektiivsel läbivaatamisel nende kogumis, juhindudes seadusest ja sotsialistlikust õigusteadvusest. Ühtlasi rõhutatakse KrPK §-s 50 lg. 2, et ühelgi tõendil ei ole kohtu, prokuröri, uurija ja juurdlust teostava isiku jaoks ette kindlaksmääratud jõudu.

Tõendite hindamine toimub nende kontrollimise teel. Kuna tõendite kontrollimist ja hindamist ei ole õige ajaliselalt lahutada, tuleb neid käsitleda omavahel seostatult ja põimuvalt.

Kriminaalprotsessis kasutatakse tõendamisele kuuluva te asjaolude väljaselgitamisel üha sagedamini koos muude tõenditega eksperdi arvamust. Et seda liiki kohtuliku tõendi kasutamine oleks õige ja edukas, on vaja tunda selle kontrollimise ja hindamise eripära.

Põhilise osa ekspertiisidest teevad ekspertiisiasutustes töötavad eksperdid. Nendes tingimustes tuleb arvestada asjaolu, et eksperdi arvamust kontrollivad ja hindavad mitte ainult juurdlust teostav isik, uurija, prokurör ja kohtus, vaid seda tehakse juba ka ekspertiisiasutuses. Muidugi oleks väär arvata, et mõlemal juhul on eksperdi arvamuse kontrollimise ja hindamise sisu ja eesmärgid kokkulangevad. Põhiline erinevus on selles, et ekspertiisiasutuses kontrollitakse ja hinnatakse arvamust tõendi enda raames ega peeta silmas tõendamise vajadusi. Peamine tähelepanu on pööratud arvamuse põhjendatusele ja veenvusele.

Erialakirjanduses jagatakse seisukohta, mille järgi eksperdi arvamust kontrollib ja hindab ekspertiisiasutuses selle juhataja.¹ Arvamused lähevad aga lahku selles osas, kas ekspertiisiasutuse juhataja teeb seda oma protsessuaalseid ülesandeid täites või mitte. Ekspertiisiasutuse arvamuse kontrollimist ja hindamist peavad tema protsessuaalseks ülesandeks näiteks A. Dulov² ja A. Sljahhov.³ Seevastu väidab aga G. Tsimakuridze, et enne uurijat ja kohut on eksperdi arvamuse hindamine kriminaalprotsessi raamides täiesti lubamatu.⁴ Ka I. Krõlov tunnistab, et eksperdi töö kontrollimisel puudub protsessuaalne laad.⁵

¹ Vt. A. В и н б е р г. Заключение по экспертизе от имени юридического лица. - "Социалистическая законность", 1974, № 12, с.53; И.Л. П е т р у х и н. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, с.227; Г.А. Ц и м а к у р и д з е. Процессуальные и методические вопросы криминалистической экспертизы в Грузинской ССР. Тбилиси, 1967, с.64; А.В. Д у л о в. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962, с.315; А.Р. Ш л я х о в. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. - Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 9-10. М., 1962, с.85.

² Vt. А.В. Д у л о в. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962, с.315.

³ Vt. А.Р. Ш л я х о в. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. - Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 9-10. М., 1962, с.85.

⁴ Vt. Г.А. Ц и м а к у р и д з е. Процессуальные и методические вопросы криминалистической экспертизы в Грузинской ССР. Тбилиси, 1967, с.64.

⁵ Vt. И.Ф. К р ы л о в. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963, с.203.

Seisukoht, et eksperdi arvamust kontrollib ja hindab ekspertiisiasutuses üksnes selle juhataja, kutsub esile vastuväiteid. Et kontrollida ja hinnata eksperdi arvamust sisuliselt eelkõige selle teadusliku põhjendatuse seisukohalt, peaks ekspertiisiasutuse juhataja tundma eriliigiliste ekspertise tegemise metoodikat vähemalt eksperdi-ga võrdsel tasemel. Nüüdisteaduse diferentseerituse tingimustes on see aga mõeldav ainult sellel erialal, mida ekspertiisiasutuse juhataja ise esindab. Kuna ekspertiisiasutuse juhatajal jääb ekspertise tegemiseks muude ülesannete täitmise kõrval vähe aega, puudub tal tavaliselt pidev ja ulatuslik ekspertisepraktika. Mõistagi raskendab ka see asjaolu eksperdi arvamuse sisulist kontrollimist ja hindamist. Seetõttu kaldub paratamatult eksperdi arvamuse sisuline kontrollimine ja hindamine ekspertiisiasutuse üksikutesse lüüdesse ning jääb enamjuhtudel osakonna, grupi või filiaali juhataja ülesandeks. Seda asjaolu arvestades ongi "Eesti NSV Kohtuekspertiisi Teadusliku Uurimise Laboratooriumi põhimääruse" p. 9 järgi uusimate ekspertisealaste teadmiste ja meetodite juurutamine ning ekspertise tegemise kontrollimine just laboratooriumi osakondade ja filiaali juhataja kohustus.

On iseloomulik, et ekspertiisiasutuses kontrollitakse vajaduse korral eksperdi arvamuse kujunemist mitte ainult ekspertise järgi, vaid seda võidakse teha juba ekspertise tegemise ajal. Sageli on selline kontroll vajalik siis, kui ekspertiseülesanne on keerukas ning eksperdil puuduvad kogemused ühe või teise objekti uurimiseks, samuti uudsete tehnikavahendite, võtete ja meetodite rakendamiseks. Seejuures on ekspertiseasutuse ja selle all-lüü juhatajal õigus anda eksperdile arvamuse kvaliteedi kindlustamise eesmärgil korraldusi täiendavate uurimismeetodite rakendamiseks ning nõuda, et ekspert esitaks läbivaatamiseks ekspertiseakti mustandi. Kuna valearvamuse kahjustab nii eksperdi kui ka ekspertiseasutuse autoriteeti, on ekspert eelkõige ise huvitatud sellest, et tema poolt antud arvamus oleks veatu. Seetõttu on tavaline, et keerukate ekspertise puhul ei jää ekspert ootama, kuni ekspertiseasutuse juhataja, osakonna või filiaali juhtija kontrollib tema tööd ekspertise tegemise ajal või ekspertiseak-

ti järgi, vaid pöördub ise nõu ja abi saamiseks ekspertiisiasutuse teiste töötajate poole. Tihtilugu vajab ekspert teiste arvamusi kasutatud uurimismeetodite ja uuringute tulemuste kohta oma seisukohtade kontrollimiseks. Sellepärast on tavaline, et ekspertiisi käiku, tehnikavahendi, võtte või meetodi rakendamist ja saadud tulemusi arutatakse mitmekesi. Teisisõnu: ekspertiisi tegemisel kasutatakse sageli arvamuse kujundamisel kollektiivset praktikat, millega võib kaasneda ka arvamuse kujunemise käigu kontrollimine. Kõige selle pinnalt kujuneb eksperdil oma sisemine veendumus arvamuse õigsusest.

Kas eksperdi arvamuse kontrollimine ja hindamine on ekspertiisiasutuse juhataja, samuti selle osakonna või filiaali juhtija protsessuaalne või protsessiväline ülesanne, selle küsimuse lahendamisel tuleb lähtuda kriminaalprotsessi seadusest. KrPK § 34 järgi ei võta nimetatud isikud osa kriminaalasja menetlusest. Ekspertiisiasutuse juhataja protsessuaalne kohustus on vastavalt KrPK §-le 158 lg. 1 üksnes see, et ta teeb ekspertiisi tegemise ülesandeks ühele või mitmele ekspertiisiasutuse töötajale. "Eesti NSV Kohtuekspertiisi Teadusliku Uurimise Laboratooriumi põhimääruse" p. 8 järgi jaotab laboratooriumi direktor tööd osakondade vahel. Seetõttu on põhjendatud, et ekspertiisiasutuse juhataja kohustusi ekspertiisi tegemise ülesande andmisel võib täita ka osakonna või filiaali juhataja. Muid protsessuaalseid kohustusi ekspertiisiasutuse juhatajal ega all-lüli juhil ei ole. Vastavalt KrPK §-le 158 lg. 1 ei hoiata ekspertiisiasutuse juhataja ega tema ülesandeid täitev ametiisik eksperti vastutuse suhtes arvamuse andmisest aluseta keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmise eest, vaid ekspert ise annab allkirja ekspertiisiaktis või eraldi lehel, et ta on sellisest vastutusest ekspertiisiasutuse töötajana teadlik. Järelikult ei esine ekspertiisiasutuse juhataja ja selle all-lüli juhi ning ekspertiisi määranud juurdlust teostava isiku, uurija, prokuröri või kohtu vahel ekspertiisi tegemisel protsessuaalseid suhteid. Sellepärast ei ole õige pidada eksperdi arvamuse kontrollimist ja hindamist ekspertiisiasutuses selle juhataja või teda asendava ametiisiku protsessuaalseks ülesandeks. Kohustus kontrollida ja hinnata eksperdi arvamust tuleneb tema ametiülesannetest, mis on kindlaks määratud ekspertiis-

siasutuse põhimäärusega, ja on seetõttu protsessiväline.

Kui ekspertiisiakt on valmis, on ekspertiisiasutuse või selle all-lüli juhatajal õigus vajaduse korral nõuda täiendavalt mõne uurimismeetodi rakendamist, eksperimentide tegemist või uuringute kordamist, samuti ekspertiisi õhku ja tulemuste näitlikustamist fotode või joonistega, uuringute põhjalikumat kirjeldamist ja arvamuse üksikasjalikumat motiveerimist ekspertiisiaktis ning ekspertiisiakti sõnastuses ja ülesehituses ilmnevate puuduste kõrvaldamist. Selliste korralduste andmisel ei pea ekspertiisiasutuse või selle all-lüli juhataja eksperdile antud ekspertiisi tegemise ülesannet täidetuks.

Nõutud täiendavate või korduvate uuringute tegemist ei tule aga vaadelda kordus- või täiendekspertiisina, kuna nende aluseks on ekspertiisiasutuse või selle all-lüli juhataja korraldus, mitte aga ekspertiisimäärus.

Ei ole välistatud võimalus, et eksperdi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel ekspertiisiakti järgi vaidlustab ekspertiisiasutuse või selle all-lüli juhataja eksperdi järelduse. Mida taolises olukorras ette võtta, selle kohta on erialakirjanduses antud erinevaid lahendusi. L. Petruhin leiab, et kui ekspertiisiasutuse juhataja ei nõustu arvamusega ja ekspert oli määratud nimeliselt, siis on juhataja kohustatud edastama ekspertiisiakti esialgsel kujul. Seejuures on tal õigus teatada uurijale või kohtule, et ei ole nõus eksperdi arvamusega ja soovib määrata kordus-ekspertiisi. Kui aga ekspert ei olnud määratud nimeliselt, võib ekspertiisiasutuse juhataja eksperdi arvamusega mittenõustumise korral teha ekspertiisi tegemise ülesandeks teisele sama asutuse eksperdile või teeb selle ise. Kui ekspert, kelle arvamusega ekspertiisiasutuse juhataja ei nõustunud, tunnistab teistkordse uuringu järel oma viga, siis ühineb ta teise eksperdi arvamusega. Sel juhul koostatakse ühine ekspertiisiakt, kusjuures esialgselt koostatud ekspertiisiakti ekspertiisiasutusest ei väljastata. Vastupidisel juhul saadetakse aga uurijale või kohtule mõlemad ekspertiisiaktid. Kumba eksperdi arvamus on usaldusväärne, täielik ja põhjendatud ning kooskõlas kriminaalasjas kogutud teiste tõenditega, otsustab uurija või kohus tõendite kogumi hindamisel.⁶

⁶ И. Л. Петрухин. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 227-228.

Selle kõrval väidab A. Sljahhov, et kui ekspertiisiasutuse juhataja ei nõustu eksperdi arvamusega, moodustab ta (vaatamata sellele, kas ekspert määrati nimeliselt või ilma tema nime ekspertiisimääruses nimetamata) ekspertide komisjoni. Sellesse komisjoni kuulub ka ekspert, kelle arvamusele vaidlustati. Ekspertide komisjoni võib kuuluda veel ekspertiisiasutuse juhataja tema enda äranägemisel. Kui eksperdid jõuavad ühisele arvamusele, koostatakse ühine ekspertiisakt. Arvamuste lahkumineku korral edastatakse uurijale või kohtule erinevate arvamustega ekspertiisaktid. Milline arvamus on õige, otsustab uurija või kohus arvamuste kontrollimisel ja hindamisel.⁷

Ka A. Vinberg leiab, et ekspertiisiasutuse juhataja võib selle eksperdi, kelle arvamust ta peab vääraks, asendada teisega või moodustada ekspertiisi tegemiseks ekspertide komisjoni. Asjaolust, et ta ei nõustu eksperdi arvamusega, võib ekspertiisiasutuse juhataja teatada uurijale või kohtule.⁸

Soovituste andmisel uue ekspertiisi tegemiseks ei ole aga arvestatud asjaolu, et juhul kui ekspert, kelle arvamus on vaidlustatud, ei loobu sellest ka pärast täiendavalt või uuesti tehtud uuringuid, tuleb lugeda ekspertiisi tehtuks. Ekspertiisi ei tee olematuks see, et ekspertiisiasutuse juhataja ei ole veel ekspertiisakti välja saatnud. Kui ekspertiisiasutuse juhataja nõuab sama ekspertiisimääruse alusel teise ekspertiisi tegemist, viiakse ekspertiisiasutuses läbi sisuliselt kordusekspertiis. KrPK § 59 lg. 1 järgi määravad aga ekspertiisi, sõltumata selle liigist, üksnes juurdlust teostav isik, uurija, prokurör või kohus. Ka ei näe kordusekspertiisi organiseerimist ekspertiisiasutuse juhataja poolt ette KrPK § 58. Sel juhul rikutakse veel juurdlust teostava isiku, uurija, prokuröri või kohtu õigust ise kontrollida ja hinnata iga kohtulikku tõendit. Ühtlasi ei peeta silmas süüdistatava õigusi ekspertiisi määramisel, mis

⁷ Vt. А.Р. Шляхов. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. - Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 9-10. М., 1962, с.86 - 87.

⁸ Vt. А. В и н б е р г. Заключение по экспертизе от имени юридического лица. - "Социалистическая законность", 1974, № 12, с.53.

on ette nähtud KrPK §-des 157 lg. 1, 2 ja 4, ning 162 lg. 1.

KrPK § 59 lg. 4 järgi annab ekspert arvamuse kirjallikult enda nimel ja kannab antud arvamuse eest isiklikku vastutust. Seetõttu ei ole ekspertiisiasutuse juhatajal või selle all-lüli juhatajal mingisugust õigust nõuda eksperdilt oma arvamuse muutmist. Ta võib üksnes juhtida tähelepanu asjaoludele, mis annavad alust arvamuse vaidlustamiseks.

Kui ekspert jääb ka pärast täiendavate uurimismeetodite rakendamist ja uuringute kordamist ning oma arvamuse üksikasjalikku põhistamist ekspertiisaktis, mida talt nõuti arvamuse vaidlustamisel, varem antud arvamuse juurde, edastatakse ekspertiisakt ekspertiisi määranud juurdlust teostavale isikule, uurijale, prokurörile või kohtule.

Ametliku teate saatmisega ekspertiisi määranud juurdlust teostavale isikule, uurijale, prokurörile või kohtule eksperdi arvamuse vaidlustamise kohta ekspertiisiasutuses taotletakse ekspertiisiasutuse autoriteedile toetudes, et seda võetaks arvesse kriminaalasjas arvamuse kontrollimisel ja hindamisel ning kordusekspertiisi määramisel.

KrPK ei anna ekspertiisiasutuse juhatajale või teda asendavale ametisikule sellist õigust. Ühtlasi ei tohi unustada, et tõendite kontrollimine ja hindamine peab põhinema kõigi asjaolude igakülgsel, täielikul ja objektiivsel läbi vaatamisel, hõlmama kõiki tõendeid nende kogumis ning olema põhjalik ja eelarvamusteta. Sellest tuleneb, et kedagi ei tohi tõendite kontrollimisel ja hindamisel mõjustada. Ekspertiisiasutuse või selle all-lüli juhataja ametlik teade, milles vaidlustatakse eksperdi arvamus, põhjustab aga kindlasti eelarvamusi ja umbusku ning mõjustab otseselt eksperdi arvamuse kontrollimise ja hindamise tulemusi. Seetõttu tuleb asuda seisukohale, et taolise teate saatmine ei ole õige. Igatahes ei ole Eesti NSV Kohtuekspertiisi Teadusliku Uurimise Laboratooriumi ekspertiisipraktikas kordagi sellist moodust kasutatud ning selleks pole olnud praktilist vajadustki.

Ekspertiisi arvamust kontrollivad ja hindavad juurdlust teostav isik, uurija, prokurör ja kohus 1) tõendi enda piirides ja 2) arvamuse kõrvutamisel kriminaalasjas kogutud teiste tõenditega. Kuigi erialakirjanduses taolist vahet ei tehta, tuleneb see otseselt eksperdi arvamuse kontrollimise ja hindamise eesmärkidest ja sisust. Kontrollitakse ja

hinnatakse kõigepealt eksperdi arvamust ennast ning alles seejärel, kui jõutakse veendumusele, et arvamus on põhjendatud ja usaldusväärne, kõrvutatakse seda teiste tõenditega. Kui aga kontrollimise ja hindamise esimeses etapis eksperdi arvamus vaidlustatakse, kaotab selle edasine kontrollimine ja hindamine teises etapis oma mõtte. Järelikult ei ole õige arvamuse kontrollimine ja hindamine vastupidises järjekorras, nagu see ilmneb I. Petruhhini käsitluses.⁹

Ekspertiisi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel arvamuse enda piires analüüsitakse 1) ekspertiisi tegemise eeldusi, 2) ekspertiisi tegemise tingimusi ja 3) ekspertiisi tulemusi.

Ekspertiisi tegemise eelduste analüüsimisel tuleb lähtuda sellest, et eksperdi arvamusel on kaks allikat: see materjal (objektid), mida ekspert uurib, ning ekspert ise. Sellepärast on vaja mõlemast allikast lähtudes selgitada, millised on ekspertiisi tegemise eeldused.

Uuritav materjal hõlmab objekte, millest ekspert vahetult tuletab oma järelduse, kusjuures identifitseerimise korral lisandub sellele veel võrdlusmaterjal.¹⁰

Ekspertiisi tegemise eeldused uuritava materjali osas kujunevad juba enne ekspertiisimääruse koostamist. Nende analüüsimisel kontrollitakse ja hinnatakse, kas ekspertiisiobjektid on kinnistatud kriminaaltoimikus (näit. kas kriminaalasjas asitõendina esineva eseme avastamine ja äravõtmine on fikseeritud uurimistoimingu protokollis, kas võrdlusmaterjali võtmise kohta on koostatud võrdlusmaterjali võtmise protokoll) ning kas see on toimunud kooskõlas KrPK sätetega ning kriminalistika nõuete ja soovitusetega. Esemete ja dokumentide puhul on vaja selgust, kas ja kuidas oli kindlustatud nende puutumatus ja säilimine esialgsel kujul ning kas on välistatud objektide vaidlustamise võimalused. Kui uuritav materjal on uurimistoimingu protokollis kinnistamata, puuduvad eeldused kvaliteetse arvamuse kujunemiseks ning eksperdi arvamus ei ole kohtuliku tõen-

⁹ Vt. И. Л. Петрухин. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, с.221.

¹⁰ Vt. O. P u s s a . Ekspertiisi määramine ja tegemine. Tartu, 1966, lk. 48.

dina kasutatav.¹¹ Kui võrdlusmaterjali kogumisel ei olnud võimalik täita kõiki kriminalistika nõudeid ja soovitusi (näit. kirjaekspertiisi tegemiseks ei saadud kontrollitava isiku surma tõttu kirja eksperimentaalproove), tuleb uurida, kuidas ekspert on võrdlusmaterjali hinnanud ning kas tema poolt antud hinnang on usaldusväärne ja veenev.

Uuritava materjali kõrval on arvamuse kujunemise seisukohalt oluline tähtsus veel eksperdile tutvumiseks ettenähtud materjalil, mida kasutatakse ekspertiisiversioonide püstitamisel, uurimismetoodika kindlaksmääramisel ning uuringute tulemuste hindamisel ja järelduste tegemisel. Sellepärast selgitatakse, milliseid andmeid see materjal sisaldab, millistest allikatest need pärinevad ning kas on usaldusväärsed.

Ekspertiisi tegemise eeldus on ekspertiisimäärus. Kui ekspertiisi teeb isik, kes ei ole kriminaalprotsessi seaduses ettenähtud korras eksperdiks määratud, ei tule tema poolt tehtud järeldusi vaadelda eksperdi arvamusena. Nii tehakse kohtuekspertiiside kõrval praktikas veel ekspertiise, mille puhul on aluseks ametiisiku kiri või kodaniku taotlus. Sellise ekspertiisi tegemist taotletakse kas enne avalduse või teate esitamist juurdlusorganile, uurijale, prokuröörile või kohtule, või siis materjalide kontrollimise ajal enne kriminaalasja algatamist. Taolises vormis tehakse ekspertiise nii ekspertiisiasutuses (näit. kohtumeditsiiniekspertiisi asutuses määratakse isiku taotlusel või siis juurdlusorgani kirja alusel enne kriminaalasja algatamist kindlaks kehavigastuse iseloom) või ka mujal (näit. kauba kvaliteedi tuvastamine ametkondlikus korras). Neid enne kriminaalasja algatamist tehtud ekspertiise nimetatakse erialakirjanduses riiklikeks ekspertiisideks.¹² Riikliku ekspertiisi mõiste kasutamine kohtuekspertiisi mõiste kõrval ei ole aga põhjendatud, sest iga ekspertiisiasutu-

¹¹ vt. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. МГУ, 1974, с.40.

¹² vt. А.Р. Шляхов. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. - Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 9-10. М., 1962, с.31.

ses tehtud ekspertiis on oma laadilt riiklik. Ka ei sobi nende ekspertiiside puhul kõnelda ametkondlikest ekspertiisidest, ¹³ sest tihti tehakse ka kohtuekspertiise ametkondlikus kerras (näit. juurdlust teostava isiku määruse alusel tehakse kohtuekspertiis Eesti NSV Siseministeeriumi operatiivtehnika osakonnas). Põhiline erinevus nende ekspertiiside vahel seisneb aga selles, et kohtuekspertiise tehakse kriminaalprotsessis ettenähtud korras, teisi seevastu protsessiväliselt. Seetõttu tulekski eksperdi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel teha vahet kohtuekspertiiside ja protsessiväliste ekspertiiside vahel. Protsessiväliselt tehtud ekspertiisi akti või õiendit mingisuguste asjaolude uurimise tulemuste kohta, sealhulgas ka ametkondlike arvamusi, mida nimetatakse ekspertiisiks, ei tule aga vaadelda eksperdi arvamusena kriminaalprotsessis. ¹⁴ Need on kriminaalasjas dokumendid. Eksperdi arvamuse kontrollimise ja hindamise kohta antud nõudeid ja soovitusi nende puhul silmas ei peeta. Kui tõendamisel on vaja kasutada eksperdi arvamust, määratakse kriminaalasjas kohtuekspertiis.

Objektiivse, põhjendatud ja tõese arvamuse eeldus on, et ekspertiisi teeb erapooletu isik, kellel on ekspertiisiülesannete lahendamiseks vajalikud eriteadmised. Sellepärast on eksperdi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel vaja selgitada, kas kriminaaltoimikus on andmeid, mis annavad alust arvata, et ekspert on isiklikult otseselt või kaudselt sellest kriminaalasjast huvitatud. Ühtlasi veendutakse, kas väljaspool ekspertiisiasutust ekspertiisi tegemisel on eksperti hoiatatud vastutuse suhtes arvamuse andmisest aluseks keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmise eest, ning ekspertiisiasutuses tehtud ekspertiisi puhul - kas ekspert on andnud oma allkirja, et ta on vastutusest teadlik.

Eksperdi kompetentsuse selgitamisel lähtutakse ekspertiisiülesannete sisust.

Kui eksperdile esitatud küsimus on õiguslik, loetakse see alati kompetentsiväliseks.

¹³ Vt. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 16. märtsi 1971. a. määrus nr. 1 "Kohtuekspertiisist kriminaalasjas". - "Nõukogude Õigus", 1971, nr. 3, lk. 205.

¹⁴ Sealsamas.

Kvaliteetse arvamuse saamine eeldab, et ekspertiisi teeb isik, kellel on selleks vajalikud eriteadmised. Eriteadmiste mõiste hõlmab seejuures nii teoreetilisi teadmisi kui ka praktilisi kogemusi. On tähtis, et teoreetilised teadmised oleksid kinnistatud. Seda põhimõtet järgitakse ekspertiisiasutuses eksperdi atesteerimisel, kus talle antakse õigus teha üht või teist liiki ekspertiise, arvestades tema teadmisi ja ekspertiisialaseid kogemusi. Samas ei tohi unustada, et nüüdisteaduse arengut iseloomustab diferentseerumine arvukateks kitsasteks harudeks ja suundadeks. See on teaduse arenguga paratamatult kaasnev nähtus. Sellepärast ei suuda ekspert ühe teadusharu esindajana enam tunda ja ekspertiisipraktikas rakendada kogu selle teadusharu saavutusi, mida ta esindab. Teadusliku informatsiooni mahu kiire kasvu tingimustes võimaldab spetsialiseerumine omandada teadusharu kitsamast valdkonnast vajalikus ulatuses eriteadmiste kujunemiseks tarvilikku informatsiooni ja praktilisi kogemusi ning neid kasutada ekspertiiside tegemisel. Ekspertil on sel juhul sügavamad ja laiemad eriteadmised ainult teadusharu ühes või mõnes lõigus. Kuna spetsialiseerumine on kaasaja ekspertiisipraktikas paratamatu nähtus, on kvaliteetse arvamuse saamise eelduseks, et ekspertiisi teeb selleliigiliste ekspertiiside tegemisele spetsialiseerunud isik.

Andmeid eksperdi eriteadmiste taseme ja spetsialiseerumise kohta saab ekspertiisiakti sissejuhatuses. KrPK §-s 160 lg. 1 nõutakse, et ekspertiisiaktis oleks näidatud eksperdi amet, eriala, haridus, teaduslik kraad, teaduslik kutse, auaste või aunimetus.¹⁵ Selle kõrval on vaja eksperdi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel teada eksperdi ekspertiisialase tegevuse kohta tema staazi eksperdina üldse, ja mis veelgi olulisem, just selleliigiliste ekspertiiside tegemisel. Ka need andmed peaksid sisalduma ekspertiisiaktis. Poleks üleaarne, kui nende andmete kõrval juurdlust

¹⁵ NSV Liidus on teaduslikud kraadid, mis näitavad isiku teaduslikku kvalifikatsiooni, teaduse kandidaat ja doktor. Kõrgemate koolide ja teadusasutuste teaduslikud kutsed (doksent ja professor, vanemteadur, assistent, nooremteadur) annavad tunnistust aga isiku teaduslikust ja pedagoogilisest kvalifikatsioonist.

teostav isik, uurija, prokurör või kohus teaks, millised on eksperdi praktilised kogemused. Seda ei iseloomusta mitte niivõrd tõe staas aastates, kui võrd samaliigiliste ekspertide arv, mida ekspert on selle aja jooksul teinud. Vajaduse korral täpsustatakse seda eksperdi ülekuulamisel.

Kuna eksperdi kvalifikatsioon on üksnes kvaliteetse arvamuse kujunemise eeldus, tuleb kõiki arvamusi, sõltumata sellest, kes on arvamuse isikuliseks allikaks, kontrollida ja hinnata võrdsetel alustel. Arvamuse usaldusvärsus selgub alles tõendite kontrollimisel ja hindamisel, ei tulene aga vahetult eksperdi või ekspertiasutuse autoriteedist, nagu seda vahel ekslikult arvatakse.¹⁶

Kvaliteetse arvamuse saamise eelduste selgitamisel on vaja veenduda veel selles, et ekspertise määramise ja tegemise ajal ei ole rikutud süüdistatava õigusi, mis on ette nähtud KrPK §-s 157.

Kõigil neil juhtudel, mil objektiivse, põhjaliku ja tõe arvamuse eeldused ei ole kindlustatud, minetab eksperdi arvamus oma tõendusliku jõu ning selle edasisel kontrollimisel ja hindamisel puudub mõte.

Ekspertise tegemise tingimuste selgitamisel tuleb saada vastus kahele küsimusele: 1) kas ekspertise oli täielik ja 2) kas uuringud vastasid nõudisteaduse tasemele.

Ekspertise on täielik siis, kui uuringud hõlmavad kõiki ekspertisimääruses loetletud ja eksperdile esitatud objekte, kusjuures ekspertiseülesannete mahtu ei ole kitsendatud. Ekspertiseülesannete mahu tahtmatu kitsendamine võib tuleneda mõnikord sellest, et ekspert mõistab küsimuse sisu väärilt. Ka võib see kaasneda ekspertisimääruses esitatud küsimuste ümbersõnastamisega või mitme küsimuse ühendamisega üheks küsimuseks eksperdi poolt. Kui ekspertiseülesannete mahtu on laiendatud, on vaja selgitada, kas see on kooskõlas tõendamise vajadustega.

Küsimuse lahendamine, kas ekspertise on tehtud nõudisteaduse tasemele vastavalt, tekitab juurdlust teostavale isikule, uurijale, prokurörile ja kohtule tõsiseid raskusi. Et

¹⁶ vt. С. Остроумов, М. Браинин. Правомерность заключения по экспертизе от имени юридического лица. - "Социалистическая законность", 1975, № 9, с.56.

kontrollida ja õigesti hinnata eksperdi arvamuse teadusliku taset, on vaja eriteadmisi.¹⁷ Tänapäeval rakendatakse aga kriminaalasjade kohtuotsel uurimisel ja kohtulik arutamisel niivõrd laialdaselt paljudesse teadusharudesse kuuluvaid eriteadmisi, et juurdlust teostav isik, uurija, prokurör või kohus ei suuda enam lähemalt tunda paljude eriliigiliste ekspertiseid võimalusi, teada seda, milliseid uurimismeetodeid rakendatakse ühe või teise ekspertiseülesande lahendamisel, millised on nende rakendusvõimalused ja tingimused. nende küsimuste lahendamiseks ei piisa üksnes kriminalistika tundmisest, nagu seda vahel arvatakse.¹⁸ Et veenduda ekspertise teaduslike aluste õigsuses, on vaja mõnigi kord lähtuda teadusharu üldteoreetilistest alustest ja vallata sellesse teadusharu kuuluvate eriteadmiste kogu süsteemi. Sellepärast ei ole tihti abi ekspertise teaduslike alustega tutvumisest erialakirjanduse järgi.

Kõigest sellest aga ei tohi järeldada, et juurdlust teostav isik, uurija, prokurör või kohus, viidates eriteadmiste puudumisele või puudulikkusele, ei peaks üldse analüüsima ekspertiseakti kirjeldava osa järgi ekspertise käiku.¹⁹

Ekspertiseakti kirjeldava osa analüüsimisel selgitatakse, milliseid uurimismeetodeid on ekspertiseülesande lahendamisel rakendatud; kas on piiratud ainult ühega või kasutatud järjestikuliselt mitut meetodit; kas ja kui veenvalt on põhjendatud uurimismeetodite valikut.

Vahel tõusetuvad aga ekspertise teaduslike aluste kontrollimisel ja hindamisel küsimused, millele juurdlust teostav isik, uurija, prokurör või kohus ei ole ise võimaline vastust leidma. Sellisteks küsimusteks on näiteks: kas valitud meetod on teaduslikult põhjendatud ja vastab nüüdise teaduse tasemele; kas ekspertise võimalused on ammendatud ning ekspertiseülesande lahendamiseks on rakendatud kõiki vaja-

¹⁷ Vt. В.Я. Колдин. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М., 1957, с.110.

¹⁸ Vt. Г.А. Цимакуридзе. Процессуальные и методические вопросы криминалистической экспертизы в Грузинской ССР. Тбилиси, 1967, с.57.

¹⁹ Vt. В.А. Пригузова. Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе. М., 1959, с.98.

likke tehnikavahendeid, võtteid ja meetodeid; kas oli põhjendatud ainult ühe meetodi rakendamine ja kas see välistab teiste kasutamise; kas on võimalik rakendada veel teisi uurimismeetodeid, mis kindlustavad ekspertiisiülesande lahendamiseks täiendavate andmete saamise; kas teadusliku meetodi rakendamine kuulub selle teadusharu piiridesse, mida ekspert esindab. Nende küsimuste lahendamiseks saadakse andmeid eksperdi ülekuulamisel. Ühtlasi võidakse selleks kasutada eksperdi erialale vastavate eriteadmistega spetsialisti abi.²⁰ Kindlasti tuleb eksperdi arvamuse täielikkuse ja teadusliku taseme kontrollimisel ja hindamisel arvesse võtta süüdistatava ja tema kaitsja väiteid, millele on rajatud täiend- või kordusekspertiisi taotlus. Üksnes sel juhul saab kriitiliselt hinnata ekspertiisi käiku ja selle teaduslikke lähtealuseid.

Erialakirjanduses on antud soovitusi, et juhul kui eksperdi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel ilmneb ekspertiisiaktis sõnastuslike puudusi, ebatäpsusi või vigu üksikute lähteandmete ja asjaolude esitamisel, kui ekspertiisi tegemise käik on esitatud lihtsustatult või ebaselgesti, on uurijal õigus tagastada ekspertiisiakt eksperdile ja nõuda aktis paranduste ja täienduste tegemist.²¹ Täoliselt soovitusel ei ole kooskõlas kriminaalprotsessi seadusega. Ainuõige lahendus nendes tingimustes on eksperdi ülekuulamine ning temalt saadud täiendavate andmete kasutamine arvamuse kontrollimisel ja hindamisel.

Ekspertiisi tulemuste osas selgitatakse, kas arvamuses esitatud järeldused on uuringute tulemusi silmas pidades põhjendatud ja usaldusväärsed. Selleks analüüsitakse arvamuse sisu ja vormi.

Sisulise külje puhul on eesmärk saada selgust: kas arvamuse sisu on arusaadav ja üheselt mõistetav; kas järeldused on tehtud eksperdi eriteadmiste piirides; kas arvamuses

²⁰ Vt. Б. Захарина. Недостатки в оценке заключений экспертов. - "Социалистическая законность", 1975, № 2, с.35.

²¹ Vt. А.В. Дулов. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962, с.287.

sisalduvad vastused kõigile esitatud küsimustele; kas järelduste maht kattub ekspertiisiülesannete mahuga. Kui järelduste tegemisel on ekspertiisiülesannete mahtu kitsendatud, otsustatakse arvamuse kontrollimisel ja hindamisel täiend-ekspertiisi määramise vajalikkus. Kui aga arvamus on ebaselge ja selle sisu võidakse mõista erinevalt, kuulatakse selgituste saamiseks üle ekspert.

Vormilt võib arvamus olla kas kategooriline või tõenäoline. Vaatamata sellele, milline on arvamus oma vormilt, tuleb alati saada selgust, kas eksperdi järeldused on põhjendatud; kas need rajanevad ekspertiisi käigus tuvastatud asjaoludele ja andmetele ning tulenevad nendest loogiliselt. Selleks on vaja leida vastus küsimusele, millised asjaolud ja andmed on olnud aluseks järelduse tegemisel; kas ja kuidas ekspert neid hindas; kas nende hulgas esineb asjaolusid ja andmeid, mis ei ärata usaldust või ei ole kooskõlas teistega, ning kuidas ekspert on sel juhul lahendanud need vastuolud ja seletanud lahkumineku; kas uuringutega selgitatud asjaolude ja andmete analüüs ning järelduste põhistus on veenev. Nende küsimuste lahendamisel on juurdlust teostaval isikul, uurijal, prokuröri ja kohtul abiks ekspertiisiaktile lisatud fotod, skeemid või muud joonised, millel on näitlikustatud ekspertiisi tulemused.

Tõenäoliku arvamuse puhul pööratakse tähelepanu sellele, millised asjaolud takistasid eksperti lahendamast ekspertiisiülesannet kategoorilises vormis. Kui see seletub võrdlusmaterjali puudulikkusega ja seda on võimalik täiendada, samuti siis, kui juurdlust teostava isiku, uurija, prokuröri või kohtu arvates ekspert on eksinud asjaolude või tunnuste hindamisel ja järelduste tegemisel, kaalutakse kordusekspertiisi määramist.

KrPK §-de 60 lg. 4 ja 160 lg. 3 kohaselt võib ekspert keelduda arvamuse andmisest, kui talle esitatud materjalid ei ole arvamuse andmiseks küllaldased ja kui esitatud küsimus on väljaspool eksperdi eriteadmiste piire. Sel juhul koostab ta motiveeritud akti ekspertiisi tegemise võimatuse kohta. Aktis esitatud järelduste kontrollimisel ja hindamisel pööratakse tähelepanu sellele, kas ja kuidas on põhjendatud materjalide puudulikkust või asjaolu, et esitatud küsimus ei kuulu eksperdi kompetentsi ning kas põhjendus on veenev.

Materjalide puudulikkus arvamuse andmiseks võib seletuda võrdlusmaterjali nappusega või siis selle objekti omadustega, millest lähtudes tuleb anda arvamus (näit. kohtubalistikaekspertiisi tegemisel uuritakse sündmuskohal tõkkest väljavõetud kuuli, millel vindivälja jäljed on tõket läbides riknenud). Kui veendutakse materjalide puudulikkuses, on uue esmaekspertiisi määramine põhjendatud sel juhul, kui läheb korda hankida täiendavaid võrdlusmaterjale.

Kui eksperdil puudusid eriteadmised ekspertiisiülesande lahendamiseks, otsustatakse küsimus uue esmaekspertiisi määramisest. Ekspertiisi teeb teise erialaga ekspert. Kui aga ekspertiisiülesande lahendamiseks puudub teaduslikult põhjendatud uurimismeetod, veendub juurdlust teostav isik, uurija, prokurör või kohus aktiga tutvumisel, et tõendamise eesmärgelt tähtsat küsimust ei ole võimalik ekspertiisiga lahendada.

Kui kategoorilises vormis antud eksperdi arvamus loeti tõendi enda piirides toimunud kontrollimisel ja hindamisel usaldusväärseks, täielikuks ja põhjendatuks, kõrvutatakse seda kriminaalasjas kogutud teiste tõenditega, selgitamaks, kas need on ka omavahel kooskõlas. Kuna tõendolikkuse vormis antud arvamus üksnes mõõnab tõendamisel tähtsusega asjaolu võimalikkust, siis seda tõendina ei kasutata. Seetõttu ei tule sellist arvamust teiste tõenditega kõrvutada.

Kui eksperdi arvamus langeb kokku muude tõenditega, tunnistatakse see tõeseks ja tehakse arvamuse kontrollimisel ja hindamisel järeldus selle kohta, et arvamuse sisu on kooskõlas objektiivse tegelikkusega ja peegeldab seda õigesti. Kui ilmnevad aga vastuolud tõendite vahel, nõuab see nende selgitamist.²² Vastuoludele seletuse otsimisel kontrollitakse ja hinnatakse uuesti tõendeid, mis ei lange eksperdi arvamussega kokku, ning jätkatakse tõendite kogumist. Ühtlasi tuleb saada vastus küsimusele, kas pärast ekspertiisi määramist on tuvastatud uusi lähteandmeid, mis võivad eksperdi järeldusi mõjustada ja lahendada vastuolu tõendite vahel. Vajaduse korral määratakse kordusekspertiis.

Tõendid ei esine üksteisest lahus, vaid moodustavad oma-

²² Vt. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. МГУ, 1974, с.38.

vahel seostatud süsteemi. Sellepärast on vaja tõendite kontrollimisel ja hindamisel nende kogumis kindlaks teha, kuidas on nad omavahel seostatud ja milline on seoste laad. Seetõttu ei sõltu eksperdi arvamuse tõenduslik tähtsus üksnes sellest, kuivõrd usaldusväärsest on tõendite kogumi kontrollimisel ja hindamisel tuvastatud üks või teine asjaolu, vaid ka sellest, milline on selle asjaolu seos muude tõendamisele kuuluvate asjaludega. Sellepärast on vaja veel analüüsida arvamuses sisalduvate andmete seost teiste tõenditega. Eksperdi arvamuse tõenduslik tähtsus, selle osakaal tõendamisele kuuluvate asjaolude väljaselgitamisel ja koht tõendite süsteemis selgub konkreetses kriminaalasjas alles tõendite kogumi hindamisel, sõltuvalt teiste tõendite sisuks olevate andmete mahust ja laadist. Ka võib eksperdi arvamuse osatähtsus muutuda uute tõendite tõttu. Näiteks juhul, kui eksperdi arvamuse järgi on sündmuskohalt leitud sõrmejälje jätnud kahtlustatav, tõendab see üksnes tema viibimist sündmuskohal. Selle tõendi kaal tõendite süsteemis suureneb aga oluliselt, kui teised tõendid kinnitavad, et see isik ei ole viibinud sündmuskohal enne kuriteo toimepanemist.

Eksperdi arvamuse kõrvutamisel teiste tõenditega taotletakse saada tõendite kogumi vahendusel õige tegelikkuse peegeldus üksikutest tõendamisele kuuluvatest asjaoludest, mille pinnalt täiustatakse kuriteosündmuse kohta loodud mõttelist mudelit tõsikäändade andmetega. Sellega kaasneb kuriteosündmuse mõttelises mudelis objektiivse ja subjektiivse tõe dialektilisest seosest²³ subjektiivsete konstruktsioonide väljatõrjumine ning tõendite kontrollimise ja hindamise tulemusena tuvastatakse objektiivne tõde.

Et otsustada, kas peegeldus uuritavast kuriteosündmusest, mis on saadud tõendite vahendusel, vastab objektiivsele tegelikkusele, on määrav tähtsus praktilisel kui tõe kriteeriumil.

Eksperdi arvamuse kui kohtuliku tõendi kontrollimisel ja hindamisel ei tule aga mõista praktika osa lihtsustatult ja arvata, et see kriteerium on vahetult kõrvutatav eksperdi ja

²³ vt. Г.А. Курсанов. Диалектика определения и структура истины. - "Вопросы философии", 1974, № II, с.118.

reldustega, selgitamaks, kas arvamus on tõene või mitte.²⁴

Tõendite hindamisel esineb praktika kui tõe kriteerium üldistatud kujul, tõendite kogumi vahendusel. Ta annab uurijale need praktikale rajanevad alused, mis on eelduseks objektiivse tõe tuvastamisele.²⁵ Selleks on eelkõige uurimispraktika kogemuste pinnalt nõukogude kriminaalprotsessis ja kriminalistikas antud nõuded ja soovitusel, mida tuleb silmas pidada eksperdi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel, samuti uurija enda poolt uurimistöös ja tõendite hindamisel omandatud praktika. Tõendite iga liigi puhul ilmneb praktika osa tõe kriteeriumina erinevalt. Seetõttu on vaja eksperdi arvamuse kontrollimisel ja hindamisel arvestada ka seda, milline on praktika kui tõe kriteeriumi osa selleliigilise tõendi kujunemisel.

Eksperti arvamuse kujunemisele on iseloomulik, et ekspertisiobjekti uurimisel, uurimistulemuste hindamisel ja järelduste tegemisel on aluseks teaduslik praktika nii selle üldistatud kujul kui ka eksperdi enda praktiliste kogemuste näol. Lisaks sellele võib ekspertisi tegemisel uuringutele kaasuda veel teaduslik eksperiment kui praktika vorm. See asjaolu tingibki vajaduse suhtuda eksperdi arvamuse kontrollimisse ja hindamisse erilise hoole ja vastutustundega. Sellepärast on mõistetav ka KrPK §-s 59 lg. 6 püstitatud nõue, et juhul kui juurdlust teostab isik, uurija, prokurör või kohus ei nõustu eksperdi arvamusega, peab ta seda määruses või otsuses motiveerima.

²⁴ Vt. P.С. Б е л к и н. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с.128.

²⁵ Vt. М.С. С т р о г о в и ч. Курс советского уголовного процесса. Т. I. М., 1968, с.342; В.Я. Д о р о х о в. Общественная практика - основа доказывания и критерий истины. - Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Общая. М., 1966, с.231. А.А. Э й с м а н. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе. - "Советское государство и право", 1966, № 6, с.92.

ПРОВЕРКА И ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ

Х. Линдмяэ

Р е з ю м е

Оценка доказательств производится путем их проверки. Поэтому нет оснований отрывать оценку доказательств от их проверки, ибо оценка доказательств и их проверка образуют неразрывное единство.

В уголовном процессе с целью выявления обстоятельств, подлежащих доказыванию, наряду с другими доказательствами все чаще прибегают к заключению эксперта. Однако для того, чтобы заключением эксперта как видом доказательств пользовались правильно и эффективно, необходимо иметь в виду особенности его проверки и оценки.

В настоящее время подавляющее большинство экспертиз проводится в экспертных учреждениях. При таких условиях заключение эксперта, разумеется, проверяется и оценивается не только лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом, но и в самом экспертном учреждении, главным образом заведующими отделами этих учреждений, ибо при быстрой дифференциации отраслей человеческих знаний эта задача не под силу одному человеку — заведующему экспертным учреждением. С целью наиболее полного обеспечения научной обоснованности и убедительности заключения эксперта, в необходимых случаях проверяется и сам процесс образования выводов эксперта, причем не только по акту экспертизы, но еще в ходе проведения экспертом соответствующих исследований. Заведующие экспертными учреждениями и их отделами вправе дать эксперту распоряжения о применении дополнительных методов исследования и требовать на просмотр черновик акта экспертизы.

Проверка и оценка заключения в экспертном учреждении не является процессуальным действием. Поэтому хотя правильность и научная обоснованность заключения эксперта оспариваются заведующими экспертными учреждениями или их отделами, они, тем не менее не имеют права поручить проведение экспертизы другому эксперту или специально созданной экспертной комиссии. Про-

ведение повторной экспертизы помимо лица, производящего дознание, следователя, прокурора или суда недопустимо. Им должна быть предоставлена возможность проверки и оценки заключения первичной экспертизы.

Также нельзя признать правильной практику, когда при несогласии с заключением эксперта заведующий экспертным учреждением или отделом сообщает об этом лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или суду. Такое сообщение, несомненно, оказывает влияние при проверке и оценке ими заключения эксперта, вызывает у них предвзятое мнение и недоверие к заключению и противоречит принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Проверка и оценка заключения эксперта лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом производится 1) в пределах самого судебного доказательства и 2) путем сопоставления его с другими, собранными по уголовному делу доказательствами, т.е. распадаются на два этапа. На первом этапе проверки и оценки экспертного заключения подвергаются анализу: 1) наличие предпосылок для проведения экспертизы; 2) условия проведения экспертных исследований и 3) результаты этих исследований.

Если в результате проверки и оценки заключения эксперта на первом этапе оказывается, что оно должно быть отвергнуто как судебное доказательство, то нет необходимости продолжать проверку и оценку заключения на втором этапе.

Когда же категорическое заключение эксперта в результате проверки и оценки его на первом этапе признается достоверным, полным и обоснованным, то заключение сопоставляется с другими доказательствами по делу, чтобы установить, согласуется ли оно с ними. Если заключение по своему содержанию совпадает с другими собранными по делу доказательствами, то напрашивается вывод о том, что объективная действительность правильно отражена в нем.

Расхождения между доказательствами требуют их уяснения. Это предполагает повторную проверку и оценку доказательств, которые противоречат заключению эксперта, продолжение сбора новых доказательств и обсуждение вопроса о назначении повторной экспертизы.

При проверке и оценке заключения эксперта критерием истинности этого заключения является практика как в своем научном обобщении, так и в виде опыта самого эксперта. Формой этой практики являются также эксперименты, проведенные при производстве экспертизы.

Проверка и оценка заключения эксперта - задача весьма ответственная. Поэтому вполне понятно требование ст.59, ч.6 УПК о том, что лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд, в случае несогласия с заключением эксперта, должны свое несогласие мотивировать в постановлении, определении или приговоре.

S i s u k o r d - С о д е р ж а н и е

<u>Д. Адоян.</u> Об уголовно-процессуальных средствах охраны социалистического имущества	3
<u>К. Нигола.</u> Karistuse mõistmisest isikule, kes ka varem on kuriteo toime pannud	34
К. Нигола. К вопросу о назначении наказания лицу, ранее совершившему преступление. Р е з ю м е.	39
<u>Я. Соотак.</u> Назначение наказания за преступление против своего супруга	40
<u>Н. Тõnismägi.</u> Kas kannatanu alaealisus on õppestunud kriteerium KrK § 115 lg. 3 tunnusena	58
Х. Тынисмяги. Является ли несовершеннолетие протерпевшей удачным критерием в качестве признака ст. 115 ч. 3 ч. 3 УК. Р е з ю м е.	65
<u>Н. Кärtner.</u> Krooniliste alkohoolikute poolt toimepandavatest kuritegudest ja nende ärahoidmisest	67
Х. Кяртнер. О преступлениях, совершаемых хроническими алкоголиками, и мерах по их предотвращению. Р е з ю м е	83
<u>Л. Аувяэрт.</u> О некоторых теоретических вопросах исследования правовой социализации молодёжи	85
<u>Н. Kinge.</u> Andmeid noore õiguserikkuja iseloomustamiseks	104
Х. Кинге. Данные к характеристике юного правонарушителя. Р е з ю м е	113
<u>Н. Lindmäe.</u> Eksperti arvamuse kontrollimine ja hindamine objektiivse tõe tuvastamisel	115
Х. Линдмэ. Проверка и оценка заключения эксперта при установлении объективной истины. Р е з ю м е.	133